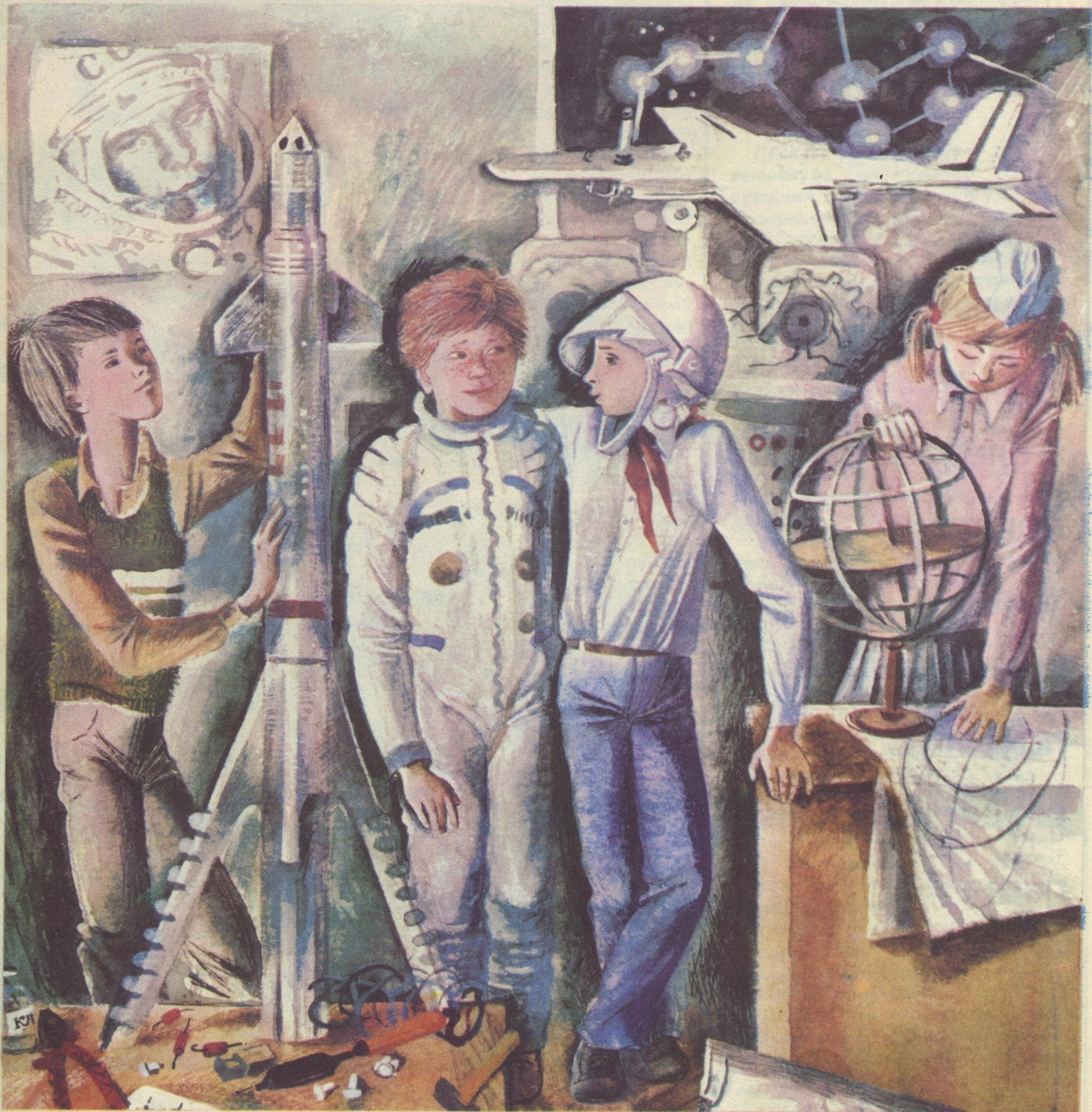

КОСТЁР

ISSN 0130-2574

4

АПРЕЛЬ 1982

КОСТЁР

**4
АПРЕЛЬ**

1982

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

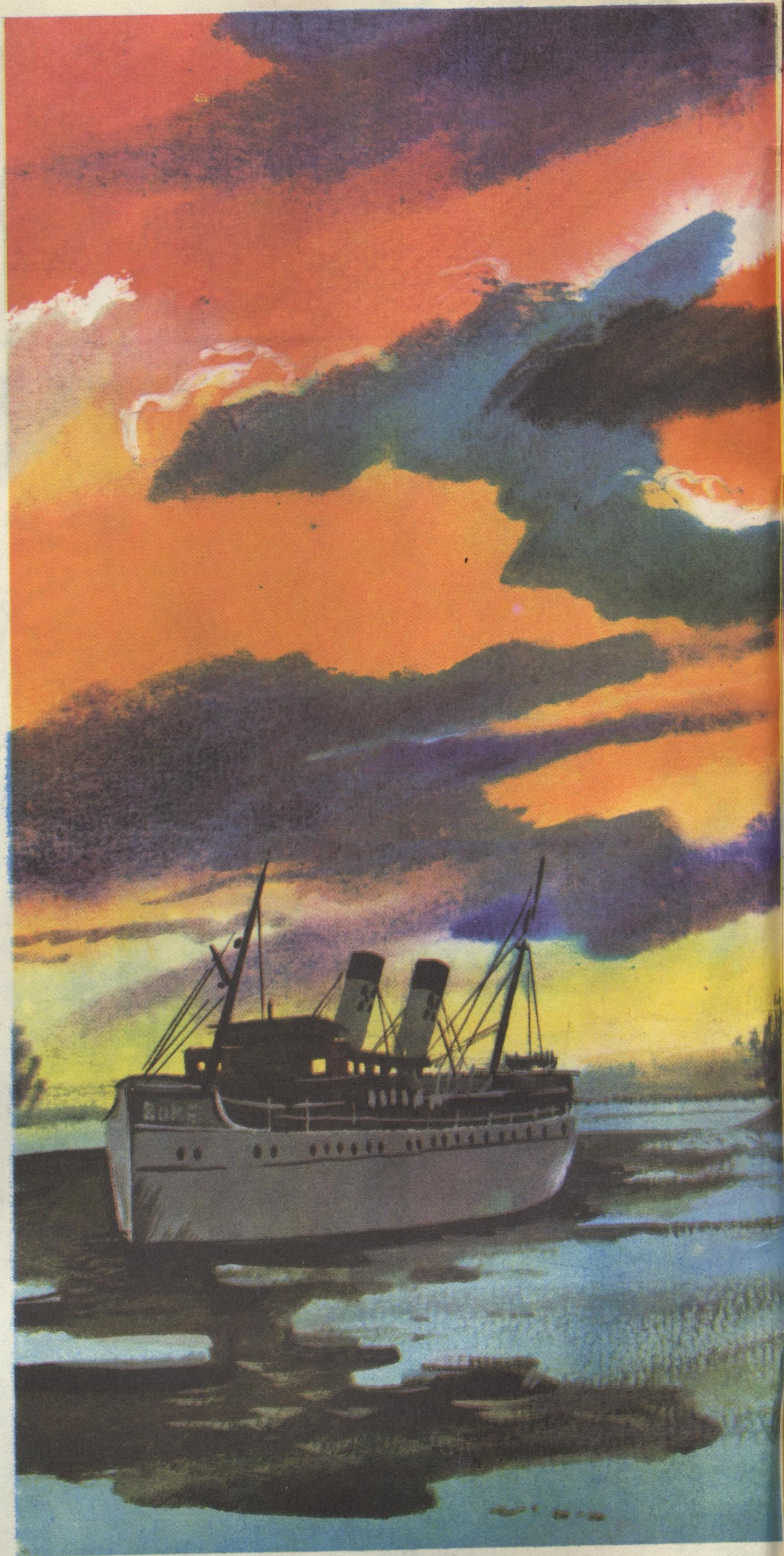
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

Издается с 1936 года

© «Костер», 1982 г.

**СВОИ ДЕЛА
В УЧЕБЕ,
В ТРУДЕ,
В СЛЕДОПЫТСКОМ
ПОИСКЕ, —
ТЕБЕ,
КОМСОМОЛ,
ПОСВЯЩАЕТ
КРАСНОГАЛСТУЧНАЯ
ПИОНЕРИЯ!**

ПО СЛЕДАМ ПАРОХОДА БОРЕ

Морозный декабрьский вечер 1907 года. Из поезда Гельсингфорс — Або возле маленькой станции Литтойнен вышел плотный, среднего роста мужчина. Осмотревшись, он поднял воротник пальто и решительно зашагал к городу.

Поздней ночью, когда жители Або крепко спали, промерзший и усталый путник вышел к городским окраинам. Позади остались 12 нелегких верст. В одном из домов его давно ждали. Отогревшись горячим чаем, он выяснил обстановку и поторопился продолжить путь через лабиринт Аландского архипелага. С риском для жизни пробирался он с провожатым по тонкому, неокрепшему льду к скалистому островку в Ботническом заливе, где проходил судоходный фарватер.

Пароход, направлявшийся в Швецию, вместе с почтой взял на борт случайного пассажира. Весь его багаж составлял выдавший виды саквояж. Так началась вторая эмиграция Владимира Ильича Ленина, которая продолжалась почти десять лет. При всем рвении агентам петербургской охраны не удалось задержать его на пути в Стокгольм: упустили в поезде, не сумели перехватить при посадке на пароход.

О необыкновенном мужестве Владимира Ильича знали честные люди страны Суоми, те, кто помогал ему уйти от полицейских ищеек. Царские чиновники не зря называли Финляндию «гнездом бунтовщиков». Здесь, в тихих поселках и больших городах этой северной окраины России, русские большевики готовили оружие, учили рабочих стрелять, печатали большевистские листовки и газеты, тайно собирали партийные конференции.

И, конечно, в Финляндии могут быть ключи к нераскры-

тым тайнам и загадкам революционного подполья. Это касается и биографии вождя революции. Ученые день за днем восстанавливают события тех лет, но вопросы остаются. Например, какой была в 1907 году станция Литтойнен? Что за пароход вез в Стокгольм Владимира Ильича?

КАКИМ БЫЛ ПАРОХОД?

Дискуссия на эту тему вспыхнула неожиданно. Обсуждали следопыты книгу Зои Воскресенской «Сквозь ледяную мглу». И вдруг Эрик Авидон заявил, что относительно некоторых исторических деталей он не может согласиться с автором.

— Что за пароход нарисовал художник? — решительно сказал Эрик. — Такая посудина ходила во времена Тома Сойера по Миссисипи. А между Швецией и Финляндией в начале века курсировали винтовые — я это знаю точно, — а не колесные пароходы.

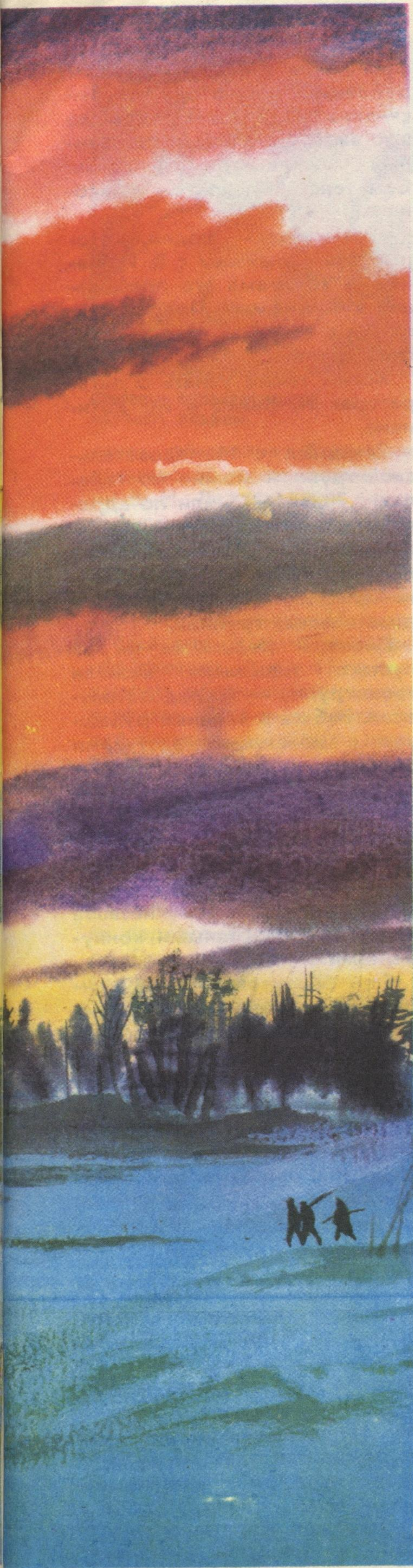
— Какая разница? — пыталась возражать Тамара Семенова. — Это же картинка, пароход и пароход. Не паровоз же!..

— Картинка? — удивленно переспросил Эрик. — Ты невнимательно читала книгу. Художник не сам придумал, а иллюстрировал то, что написал автор. Вот, пожалуйста: «Колеса парохода взбивали на месте воду, разгоняя плавающие обломки». Колеса!

— Никому в голову не придет задумываться над такой мелочью: колесный, винтовой. Правда, девочки?

Но девочки не успели высказать свое мнение, как в спор вмешался командир отряда Витя Верстаков:

— Нет, это не мелочь. Мы с Эриком уже давно пытаемся выяснить этот вопрос, но без-

результатно. Нужны документы, старые фотографии или книги... Поэтому я предлагаю: давайте напишем в Финляндию. Неужели не помогут?

— Давайте, — тут же согласилась Тамара. И с улыбкой добавила: — Ты только скажи — кому писать?

Кому писать — Эрик и Виктор не знали.

ГОСТИ ИЗ ХЕЛЬСИНКИ

В канун майских праздников в Ленинграде стало традицией встречать зарубежных гостей. Они приезжают из многих стран мира, но больше всего из Финляндии.

В один из таких весенних дней во Дворец пионеров приехала группа пионеров и вожатых из Хельсинки. Как всегда, на встречу с гостями пришли и следопыты. Потом все вместе отправились на экскурсию по городу и в музей В. И. Ленина.

В музее нам повезло: рассказ экскурсовода переводит наша хорошая знакомая — Айна Андреевна. Год назад мы вместе были в походе. Пользуясь знакомством, просим задержаться у стендов с документами о первой русской революции и сообщить гостям о наших поисках.

Посыпались вопросы. И мы стали на них отвечать. И, конечно, напомнили о помощи финнов большевистской партии и Владимиру Ильичу, и о том, как важно узнать о каждом из этих добровольных помощников...

— Не испытывайте терпение гостей, — деликатно заметила Айна Андреевна, — у них сегодня — солидная программа.

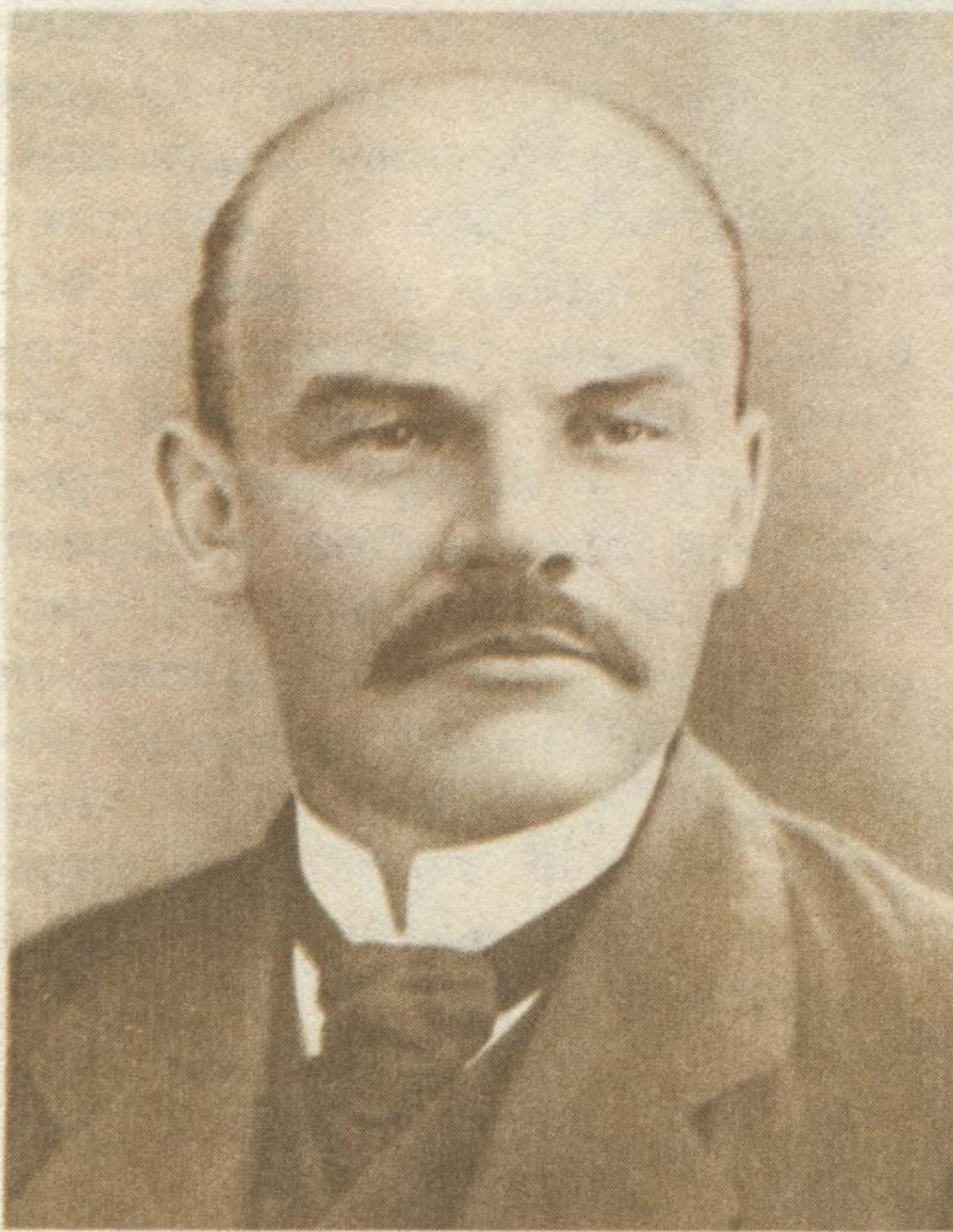
Процессия двинулась было дальше, но в последний момент опять задержалась. Оказалось, одна из вожатых, все звали ее просто Кайя, подхватив под руку Айну Андреевну, попросила рассказать о висевшей здесь большой картине А. Рылова, где Владимир Ильич с двумя проводниками-финнами переходит по льду залива.

— Для них, для них, — объяснила она, показывая на фин-

ских пионеров, — я тут пятый раз.

Мы бываем в музее Ленина чаще, чем Кайя. И каждый раз, слушая эту историю, не можем не волноваться.

— ...Трудно себе представить, что жизнь Ленина висела на волоске — черный предательский лед стал уходить из-под ног. Как вспоминала позже Н. К. Крупская, Владимир Ильич тогда подумал: «Эх, как глупо приходится погибать...» Но все обошлось благополучно. Удалось добраться до острова.

В. И. Ленин. 1910 год.

Он сел на пароход и уже на следующий день спустился на пристань в Стокгольме.

Экскурсовод отошла от картины, направилась в следующий зал. А гости стояли неподвижно, закинув головы, напряженно всматриваясь в полотно.

В этот момент Эрик и шепнул Айне Андреевне, что хорошо бы финским друзьям поискать у себя рисунок или фотографию парохода. Она перевела просьбу стоящим рядом вожатым — Кайе и Каукко.

— Конечно, конечно, — сразу согласились они. — Вы нам подробнее напишите, что вас интересует, что нам искать? Постараемся, ведь это наше общее дело.

ЭСТАФЕТА

И вот однажды жители Хельсинки прочли на страницах га-

зет необычное объявление. Бросались в глаза первые два слова, набранные крупным рубленным шрифтом: «Разыскиваем людей...» И рядом, во всю высоту столбца, здоровенный восклицательный знак. Сам текст был краток и лаконичен:

«Разыскиваем людей, которые были знакомы с В. И. Лениным во время его пребывания в Финляндии. Просим связаться с нашей исследовательской группой.

Хотим также узнать о литераторах П. Какко и М. Уотинене.

Связаться с исследовательской группой можно по телефону 70/844/278 или по адресу: Хельсинки, Стурекату, 4.

Финская демократическая пионерская организация округа Хельсинки. Ленинская исследовательская группа».

Пионеры Хельсинки не из пустого тщеславия назвали свою группу — исследовательской. Ребята в зеленых рубашках с красными галстуками стучались в квартиры старых домов, сидели дотемна в фондах музеев и библиотек.

Группа взялась за дело с таким упорством, что Сюльви-Кюллики Кильпи, автор книги «Ленин и финны», назвала их своими серьезными конкурентами.

Еще бы, у этих «конкурентов» были отличные вожатые. После рабочего дня, перекусив на ходу, они отправлялись с ребятами по очередному адресу. Но душой поиска, по общему мнению, был рабочий авторемонтных мастерских, член Коммунистической партии Финляндии, вожак и организатор хельсинкских пионеров Каукко Аиттомяки.

БЕСЦЕННЫЙ ПОДАРОК

Прошел год. Несколько раз почта доставляла во Дворец пионеров весточки из Финляндии. Но все они были немногословны: «первые результаты обнадеживают», «кое-что удалось раскопать», «ждите, скоро приедем и все расскажем». И мы ждали...

Отгремел салютами месяц май. Приближалось 19 мая —

Финские пионервожатые вручают альбом.

день рождения Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина. Шли репетиции парада. За четыре дня до праздника в следопытском клубе раздался звонок:

— Встречайте пионервожатых из Хельсинки. 16 мая в 4 часа дня их автобус пересечет границу. Днем 17-го гости просят организовать встречу в Музее Ленина и пригласить активистов школьных ленинских музеев.

И вот в разных концах города зазвенели телефоны. По цепочке предупредили ребят: сбор в Музее В. И. Ленина после школы, в 15.30.

Малый зал Музея заполнили от первого до последнего ряда. Пришлось принести стулья из соседних помещений.

Гости держались вместе. Среди них выделялся ростом и по-спортивно подтянутой фигурой руководитель группы Каукко Аиттомяки. Он и вышел к трибуне, когда объявили о начале встречи. В руках Каукко держал небольшой пакет. Неспешно развязал тесьму, аккуратно снял бумагу и осторожно извлек коричневый альбом.

Потом Каукко раскрыл его, показывая первую, заглавную, страницу. На ней было крупно написано по-фински. Переводчица громко прочла: «Ленинградскому Музею В. И. Ленина. Фотографии и материалы о пребывании В. И. Ленина в Финляндии. От ленинской исследовательской группы Финской пионерской организации округа Хельсинки».

Вглядываемся внимательно.

Что там дальше? Тамара Семенова и Лариса Подлесная, с раскрытыми на коленях блокнотами, ловят каждое слово. Им поручено стенографировать все, что скажут гости.

Каукко Аиттомяки по порядку показывает и объясняет каждую страницу.

— Это фотография почтальона. Он носил письма Владимиру Ильичу. Есть специальная справка почтового ведомства, подтверждающая этот факт.

На снимке пожилой человек, сложив руки и облокотившись на спинку кресла, прямо смотрит в объектив аппарата.

— А это — Хагнесская площадь Хельсинки. Здесь часто бывал Ленин. Но главное на снимке — дом, где на квартире финского социал-демократа Густава Ровио останавливался Владимир Ильич.

Наконец Каукко добрался до волнующей нас темы — отъезда Ленина в последнюю эмиграцию. И мы увидели фотографию железнодорожной станции Литтойнен. Как выяснили финские пионеры, время и люди не тронули станционное здание. «Но, — как справедливо заметил Каукко, — вряд ли Ленин успел разглядеть станцию, когда спрыгнул на ходу с поезда».

Следующая страница альбома — настоящий сюрприз для наших мальчишек и особенно для Эрика и Вити. На снимке — пароход «Боре». Четкий силуэт судна «в профиль» от носа до кормы. Современные фор-

мы, приземистые надстройки, чуть наклоненные трубы. Вдоль борта отлично видны иллюминаторы. И — никакого намека на колеса-лопасти. Финские следопыты оказались предусмотрительными — в архиве паровой компании они попросили снять копии с фотографий внутренних помещений парохода.

С трапа пассажиры попадали в нарядный холл с диванами для отдыха и стенами из полированного дерева. Отсюда шел спуск в трюмное помещение. Другой снимок — буфет парохода: довольно массивные столы, покрытые белыми скатертями, приглушенный свет, строгие, без особых украшений стойки. И, наконец, на третьей фотографии — двухместная каюта. Кровати в два этажа, металлические поручни, аккуратные постели, ничего лишнего. Судя по иллюминатору, каюта находилась в трюмном помещении. И, скорее всего, неожиданный пассажир занял именно такую скромную каюту.

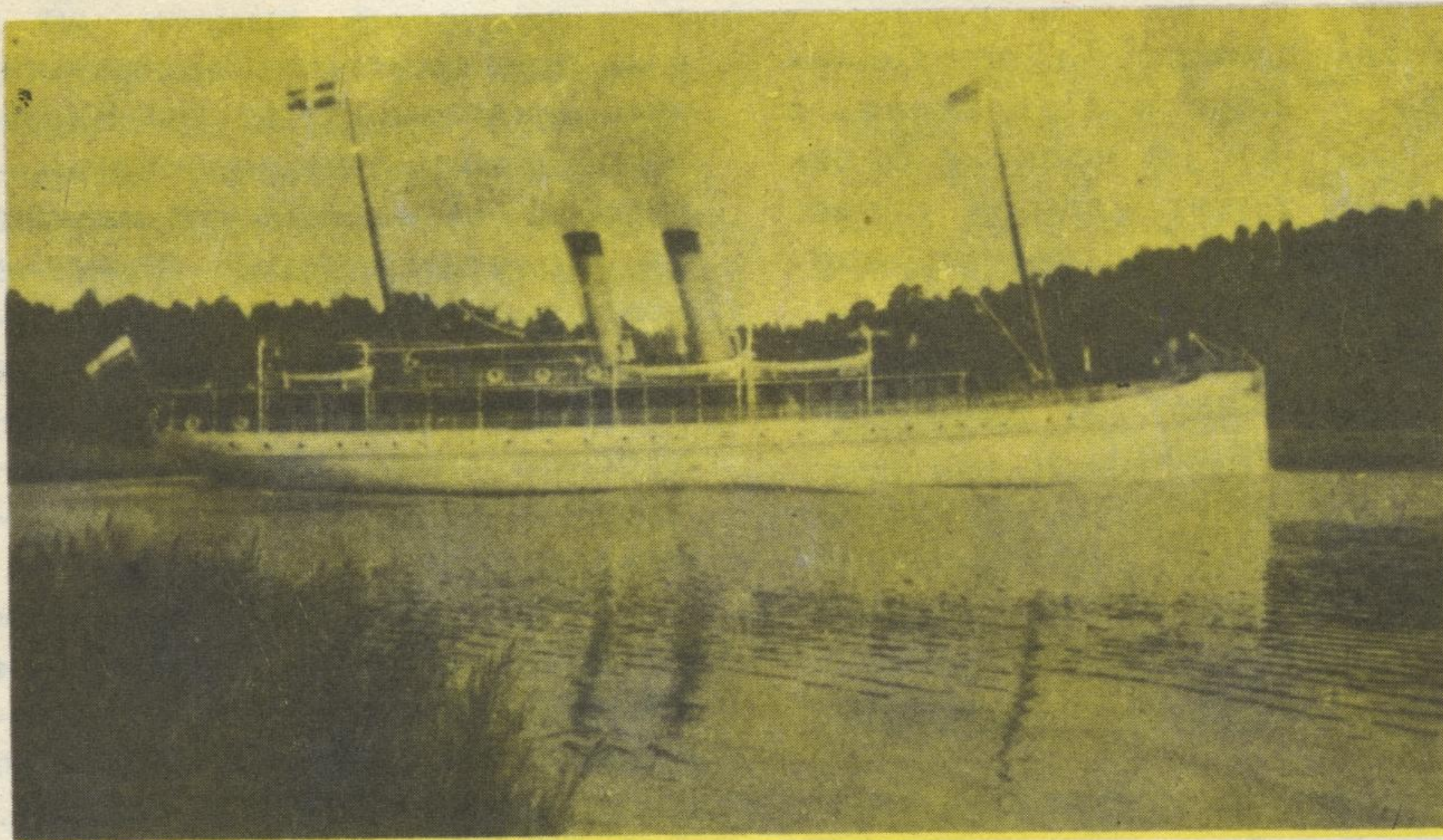
Пароход «Боре» верой и правдой прослужил шестьдесят три года на линии Або (Турку) — Стокгольм. Построили его в 1898 году, а пустили на слом в 1961 году.

Каукко Аиттомяки закрыл последнюю страницу и вручил альбом сотрудникам Ленинградского филиала Центрального музея В. И. Ленина. Ребята из школ стали расходиться, а нас пригласили в кабинет заместителя директора музея

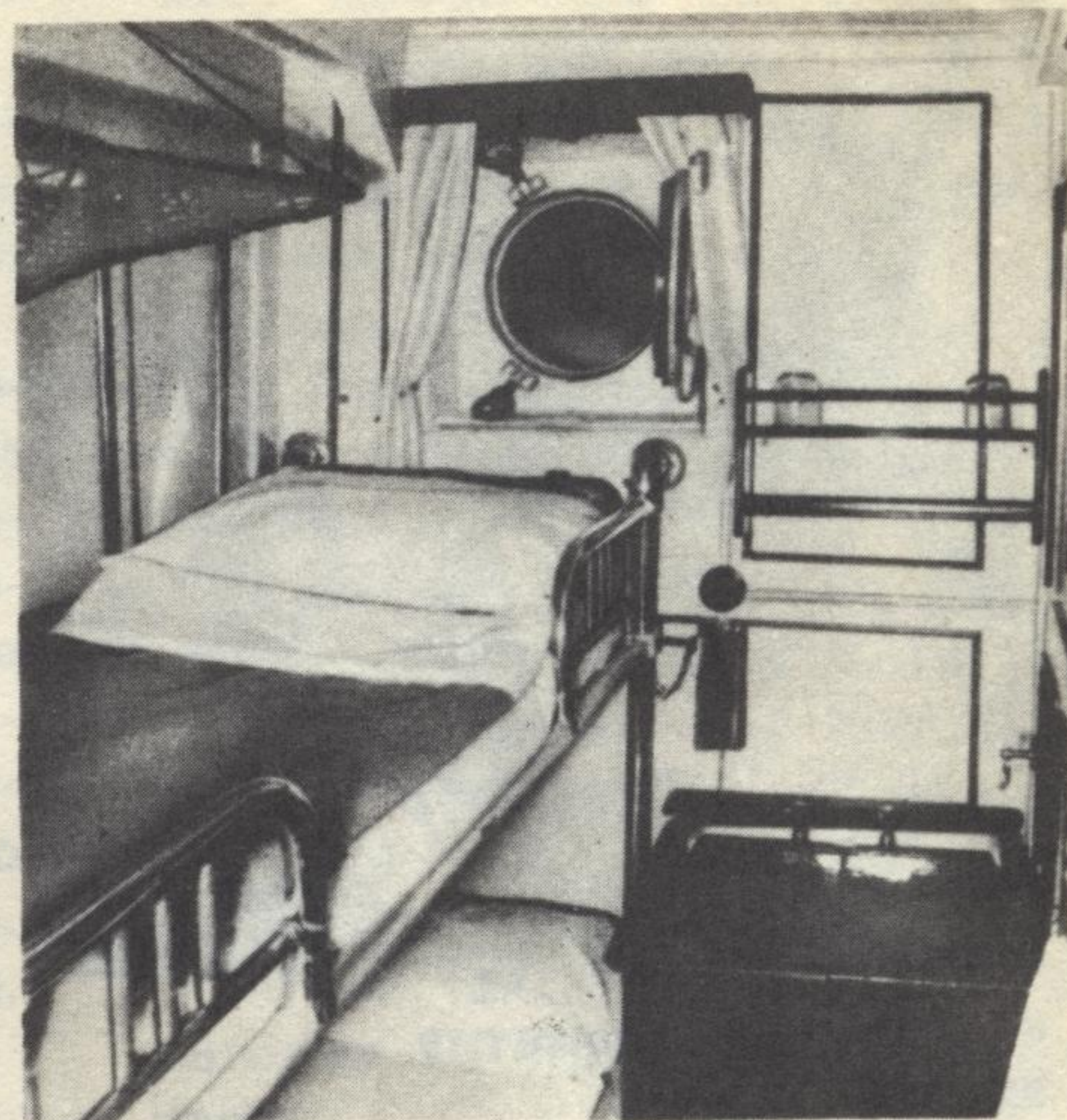

Железнодорожная станция Литтойнен.

Пароход „Боре“. С открытия начала XX в.

Каюта на пароходе.

Галины Яковлевны Великановой, чтобы поговорить с Каукко.

Трудно объясняться через переводчика, особенно если эмоций больше, чем слов. Перебиваем друг друга. Торопимся. Наши стенографистки Лариса и Тамара совсем запарились.

Оказывается, не только Каукко, но еще четверо вожатых Хельсинки со своими отрядами увлеклись сборами документов о пребывании В. И. Ленина в Финляндии. Такое серьезное и почетное задание заметно подняло авторитет пионерской организации. Хотя трудностей было много. С транспортом, например. Как выбраться в Тампере, Турку, да не один раз? Где взять средства? Нужно оплачивать поезд, автобус, фотоработы... Финляндия — капиталистическая страна, никто и ничего бесплатно для детей там не делает.

— Но трудности можно преодолеть, — спокойно говорит Каукко. — Главное для нас — достать образец почерка Владимира Ильича, копии его писем на русском и других европейских языках.

Спрашиваем:

— Зачем?

И слышим в ответ:

— Удалось разыскать в Хельсинки пачку писем, адресованных Карлу Вийку. Как вы знаете, Ленин жил некоторое время в доме Вийка на станции Мальме, а еще раньше имел

с ним переписку. Вполне возможно, что среди обнаруженной корреспонденции могут быть ленинские письма.

В конце беседы дирекция музея передала своим финским друзьям пять листов с образцами почерка Владимира Ильича и письмо:

«Финской демократической пионерской организации — округ Хельсинки.

Ленинградский филиал Центрального музея В. И. Ленина сердечно благодарит финских пионеров и их руководителей — вожатых за интересную и очень нужную работу по сбору материалов о жизни и деятельности Владимира Ильича Ленина в Финляндии.

Переданный музеем материал представляет научный интерес для дальнейшего изучения биографии В. И. Ленина.

Дирекция музея просит Финскую демократическую пионерскую организацию продолжать поиск мест, связанных с жизнью и деятельностью В. И. Ленина в Финляндии, фотографий, документов, а также воспоминаний о В. И. Ленине. Сбор этих материалов имеет не только большой научный интерес, но служит делу укрепления дружбы между народами Финляндии и Советского Союза».

ЭКСПОНАТ № 357

...Автобус с финскими вожатыми осторожно разворачи-

вался на площадке у гостиницы «Дружба». «До свидания, до свидания!», — неслось из открытых окон.

А мы стояли на вдруг опустевшей улице Чапыгина, смотрели вслед голубой с белыми полосами машине и мечтали о новых встречах с друзьями.

И, кто знает, может быть, эта мечта и подсказала идею сделать макет парохода «Боре»?

Идею оценили сразу. Но как взяться за ее воплощение? Тут необходима соответствующая квалификация. Решили обратиться за помощью к юным техникам в судомодельную лабораторию Дворца пионеров. Под руководством опытного педагога Константина Филипповича Макарова в этой лаборатории делают все модели, от легких яхт до атомных подводных лодок.

Работа над макетом оказалась более чем сложной. Буквально под лупой изучали каждый сантиметр фотографии судна: палубу с надстройками, трубы, иллюминаторы. Спорили из-за каждой мелочи. И больше всех — «ведущий конструктор» — семиклассник Саша Волосевич.

Корпус, его обводы, фальшборт, капитанский мостик, спасательные шлюпки по обоим бортам и на корме, мачты с грузовыми лебедками выполнялись с придирчивой тщательностью. Сборка заняла тоже немало времени. Домой при-

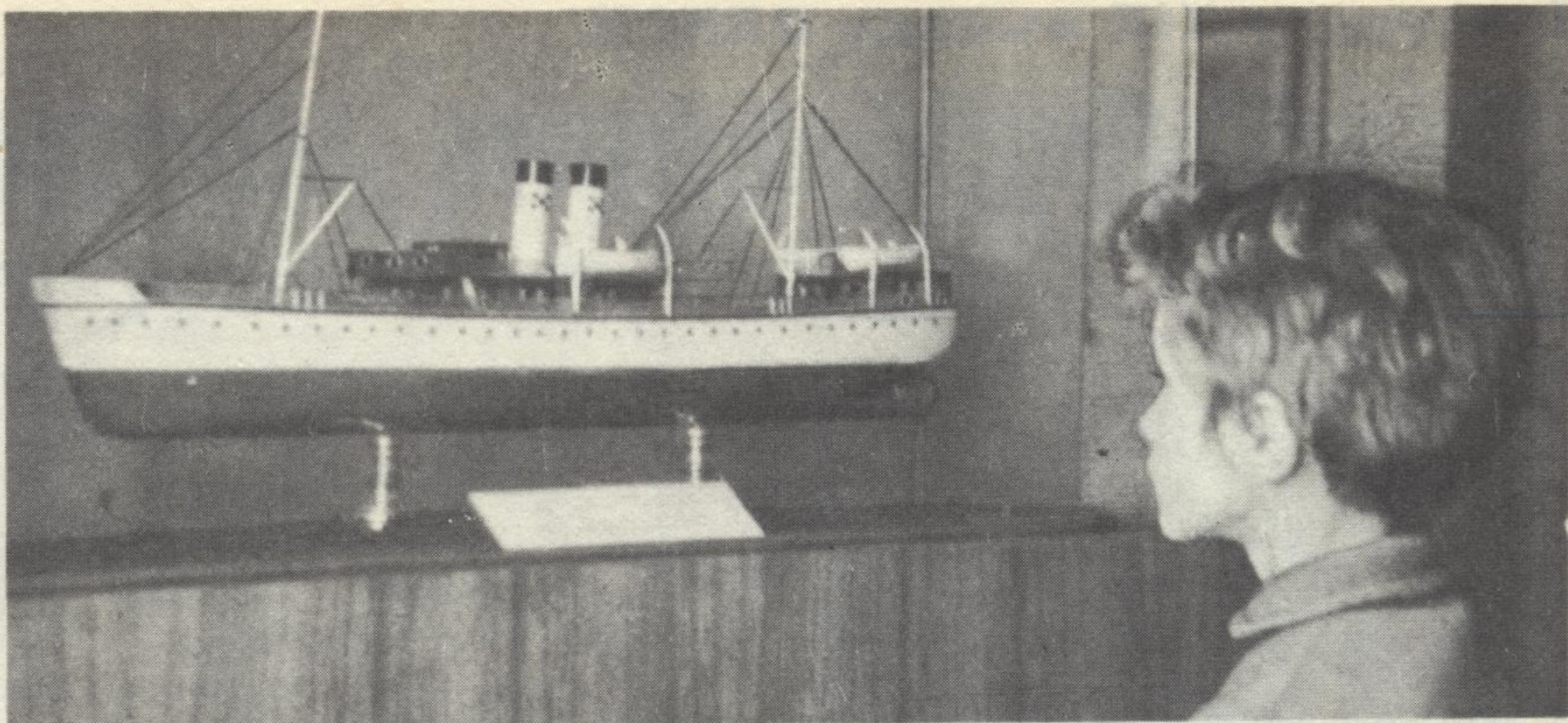
ходили поздно, едва успевали сделать уроки.

Но вот, наконец, белоснежную модель парохода покрыли бесцветным лаком и укрепили на точеных медных ножках на подставке.

Теперь предстоял не дальний, но почетный маршрут: Дворец пионеров — Смольный — Музей В. И. Ленина.

Веселым апрельским днем на торжественный сбор стекались к штабу революции — Смольному отряды красных следопытов. Ребята в краснозвездных шапках-буденовках, в голубых, красных и синих пилотках заполнили длинные коридоры с высокими сводчатыми потолками.

В том самом историческом зале, где В. И. Ленин провозгласил победу революции, где был принят ленинский Декрет о мире, звучали детские голоса. Следопыты рапортовали о своих находках, рассказывали о школьных музеях и залах, о самом интересном, что успели сделать к ленинскому юбилею.

Макет парохода „Боре“ в зале Музея В. И. Ленина.

Среди тех, кому выпала честь подняться на трибуну, был и наш Эрик. Голова его чуть возвышалась над микрофоном. Он волновался. Мы тоже.

После короткого рассказа Эрика о походах, поисках, встречах с финскими друзьями юные судомodelисты вручили в дар Ленинградскому филиалу Центрального музея В. И. Ленина макет парохода «Боре».

С того апрельского дня модель исторического судна поставили на вечную стоянку в один из залов музея, рядом с материалами, где раскрывается богатая событиями жизнь Владимира Ильича в 1905—1907 годах.

Вот и вся история экспоната № 357. История длинная и не такая уж простая.

Г. УСЫСКИН
Рисунок В. Топкова

СЛОВО О СЛЕДОПЫТАХ

Ленинград — удивительный город. История оставила на его проспектах, улицах и площадях незабываемые меты. Величайшие события, судьбы замечательных людей России стали неотъемлемой частью его прошлого, настоящего и будущего. Трудно даже сосчитать, сколько в городе на Неве исторических мест. Самые дорогие из них связаны с именем Владимира Ильича Ленина. Здесь он жил и работал в период зарождения партии большевиков, в годы первой русской революции, в напряженное время подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания.

275 ленинских мест известно к настоящему времени в Ленинграде и его окрестностях. А известно — значит исследовано, научно доказано. Занимаются этой работой ученые уже давно. В 30-х годах в ней принимали участие Н. К. Крупская, М. И. Ульянова и ближайшие соратники Ленина.

Труд историка никогда не был легким. На поиски документов, мемуарных свидетельств, розыски в архивах иногда уходят годы. Но каждый новый факт биографии В. И. Ленина, каждый вновь обнаруженный ленинский адрес обогащают и расширяют наши знания о жизни вождя, помогают шире и глубже проследить его связи с питерскими рабочими, соратниками по революционной борьбе.

Не только специалисты-историки, но и писатели, журналисты, краеведы много сделали для разработки неисчерпаемой темы, имя которой — ЛЕНИНИАНА. Возникает вопрос: а могут ли ребята заниматься серьезными поисками на эту тему? По силам ли пионерам и школьникам открыть что-нибудь новое, сказать свое слово? На этот вопрос хорошо ответил замечательный советский писатель, лауреат Ленинской премии С. С. Смирнов: «Наши следопыты не просто мальчишки и девочки, играющие в интересную, увлекательную игру, не просто любознательные туристы. Они —

следопыты героической биографии своего народа, следопыты истории».

Конечно, розыск материалов о В. И. Ленине дело чрезвычайно сложное даже для ученых. Оно требует немалых знаний, кругозора, определенного опыта, научной интуиции. Но если задача ясна, поставлена большая цель, то под руководством умелых педагогов-историков следопытский поиск может стать настоящим научным исследованием.

Юные краеведы Ленинградского Дворца пионеров имени А. А. Жданова давно занимаются изучением жизни и деятельности В. И. Ленина, его соратников по революционной борьбе. Ребята настойчиво ведут поиски неизвестных ранее ленинских мест — конспиративных адресов и большевистских явок.

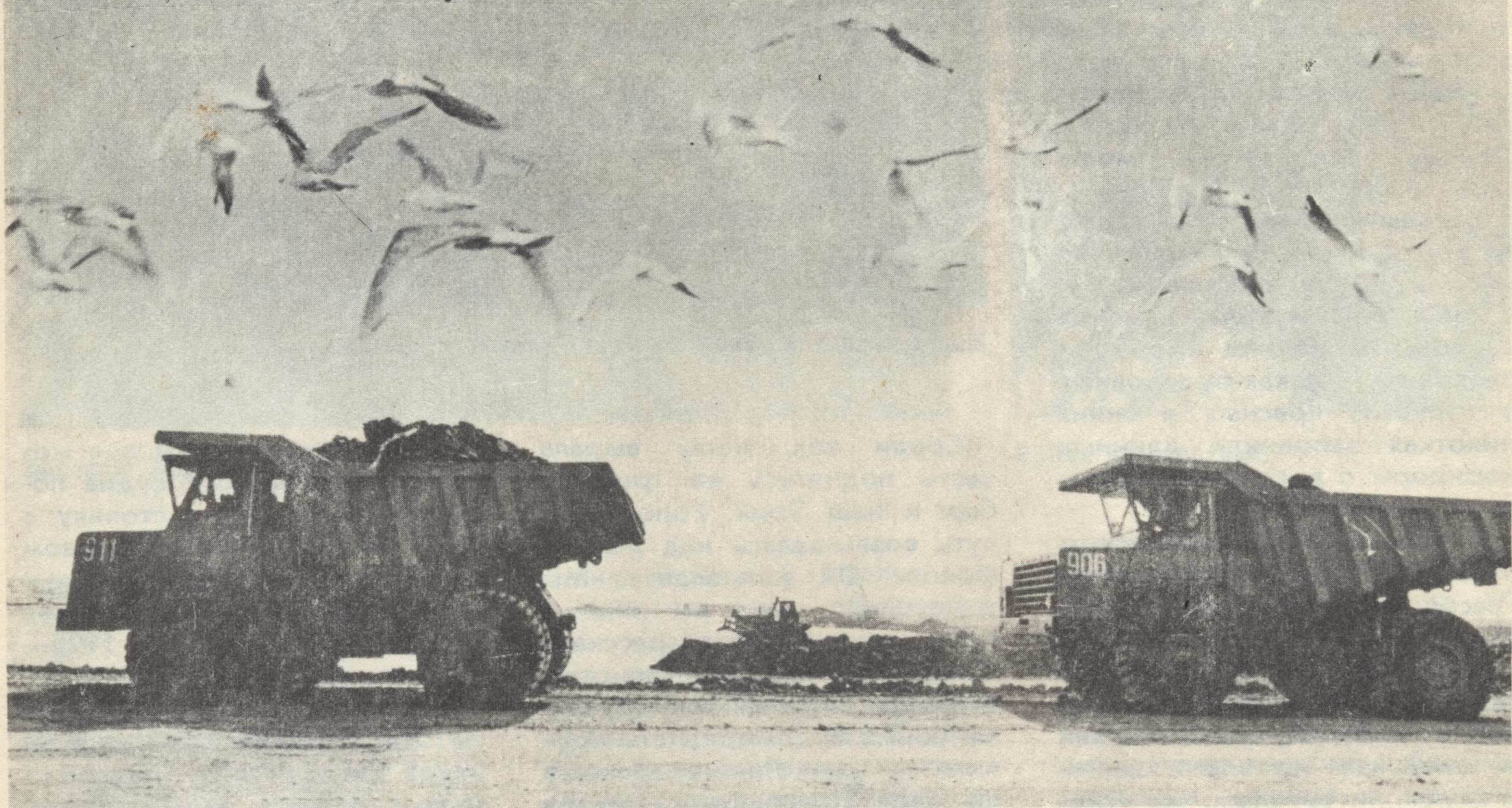
В результате этой работы удалось обнаружить и уточнить ряд важных ленинских адресов на Карельском перешейке — они теперь стали достоянием научной Ленинианы. И о том, какими путями шли следопыты к своим открытиям и находкам, «Костер» неоднократно рассказывал. Так в разные годы на страницах журнала были напечатаны документальные очерки — «На берегах Ваммель-Ярви», «Конспиративное имя — Фаня Черненькая», «Здесь жил и работал Ленин», «Адрес указывается впервые».

А сегодня читатели «Костра» познакомились с еще одним поиском, который, на мой взгляд, можно смело назвать уникальным. Дело в том, что вместе с советскими ребятами-следопытами Ленинградского Дворца пионеров его вели и пионеры Финляндии.

Т. П. БОНДАРЕВСКАЯ,
старший научный сотрудник
Института истории партии
Ленинградского ОК КПСС,
доктор исторических наук

РАССТУПИСЬ, ВОЛНА МОРСКАЯ!

НА УДАРНОЙ КОМСОМОЛЬСКОЙ СТРОЙКЕ

Я — в кабине «КраЗа». Слева — Володя, шофер. Справа — тоже Володя, лучший бригадир. Я — посередине. А оказался здесь не без хитрости. Заранее узнал, какая машина пойдет первой. Незаметно подошел к ней, как будто мне ничего не нужно. Потом подговорил одного человека, чтобы он на секундочку вызвал из кабины того, что сидел рядом с шофером. Тогда я еще не знал, что это — Володя, лучший бригадир. И вот когда он соскочил на песок со ступеньки «КраЗа», я мигом взлетел в кабину и устроился посередине. Бригадир Володя разгадал мой маневр, засмеялся и сел рядом. Так мы поехали.

В кузове «КраЗа» лежал огромный камень. Кто-то постарался и написал на нем белыми буквами: «Защитим Ленинград от наводнений!» Еще несколько метров проезжаем вперед, и земля исчезает под колесами. Шофер Володя резко дает задний ход. Потом разворачивается, чтобы

открытым бортом своего самосвала подъехать к воде.

Вокруг люди: все ждут, когда первый камень упадет в Финский залив. «КраЗ» обступили фоторепортеры и кинооператоры.

И вот в беспокойную воду Финского залива летит первый камень будущего морского щита. Он встанет здесь, как гигантская плотина, перегородив залив. Плотина с правого берега вначале дойдет до Кронштадта, а потом от острова, на котором он стоит, двинется дальше, к левому берегу. Словно морской щит встанет здесь плотина, чтобы остановить волны Балтийского моря, когда они опасны Ленинграду. И не будет наводнений. Город может спать спокойно — щит сохранит его от стихии.

Почти 250 раз наступала сюда балтийская волна. Человек не мог с ней справиться. И затопливало когда-то почти половину города.

— Держитесь, — кричит Володя Кожухаев, наш шофер. «КраЗ» дрожит и дергается.

— Пошел, милый! — вторит Володя Сурмилов, лучший бригадир. Он на этой Всесоюзной стройке недавно. Девять лет плавал по морям и океанам. И не раз простаивал его корабль у Ленинграда, потому что высокая вода не пускала к причалам. Так что и у него были свои счета с наводнениями.

Лишь только разлетелись в стороны тысячи брызг и наш «КраЗ» отъехал, к краю дамбы двинулись новые машины с каменными глыбами в кузовах.

— Ура! — разнеслось над заливом.

Я подбежал к воде, куда упал камень с надписью. Падая, глыба перевернулась, сделав полоборота, и надпись была теперь «кверху ногами». Я подумал, что тот, кто надписывал, мог бы это предусмотреть. Например, сделал бы так, чтобы и в воде было видно: «Защитим Ленинград от наводнений!». Но потом мне пришла в голову другая мысль. Ведь художник, наверное, был

уверен, что первый камень утонет. А вышло по-другому. Залив-то мелкий, вот он и не скрылся под водой.

Я спросил у главного инженера Болдырева:

— Не очень ли низкую дамбу вы строите? До воды всего метр?

А он сказал мне, успокаивая:

— Плотина еще впереди. Мы пока строим только дорогу. Пусть поднимается вода — нам не страшно.

— А если затопит?

— Ну и что? Кусочек плотины, даже очень высокий, все равно не спасет город от наводнения. А если эту дорогу в море укроет вода, то ветер и волны ей не страшны. А потом вода отступит, и можно будет без всякого ремонта ездить по этой дороге.

Мне стало понятно: экономно строят плотину через Финский залив — чтобы не переделывать.

Я побывал в Кронштадте, хотел посмотреть, как там идут дела у строителей. Они же на встречу должны идти. Прибыл в Кронштадт на быстроходном «Метеоре» и попал на праздник.

Остров Котлин очень знаменит. Его моряки защищали Петербург от вражеских эскадр. Отсюда отправились в кругосветные плавания Крузенштерн и Лисянский. Здесь построены первые русские доки, пароходы,

мины, торпеды, подводные лодки, здесь родились радио и телеграф.

Строители решили увековечить еще один факт в истории Кронштадта. Они создали необычный — говорящий памятник. Причем заговорит он не раньше, чем через десять лет. В этот памятник забетонировали капсулу, похожую на гильзу от снаряда. В капсуле — донесение строителей. Оно обращено к тем, кто будет работать на уже готовой плотине, когда она, перегородив залив, будет защищать Ленинград от высокой морской волны.

Вот на какой праздник в Кронштадте я попал. И увидел там много добровольцев, уже знакомых мне. Я их встречал в Ленинграде на вокзале, когда они приехали из разных уголков страны, чтобы работать здесь, на этой ударной стройке в Финском заливе. Конечно, я поинтересовался тогда, кто первым записался в отряд добровольцев. Оказалось, что это — ленинградец Николай Глибин. А я его немного знал и раньше. Он строил корабли на Балтийском заводе. Видел его на конкурсах сварщиков. Он трижды завоевывал звание лучшего сварщика Ленинграда. Чтобы построить дамбу через залив, надо не только уложить миллионы кубометров камней и земли. Тысячи и тысячи километров сварки укрепят железобетон плотины.

Плотина через залив будет похожа на длинный-предлинный мост. Двадцать пять километров или около этого. И конечно, как у любого большого ленинградского моста будут здесь разводные пролеты. Я узнал, что строят их совсем необычным способом. Раньше мост начинали от берега. А здесь наоборот, от самого глубокого места, где будет разводной пролет. И первый такой пролет уже готов.

Вот такая это стройка. Все здесь по-новому, любопытно. И работать тут поэтому хочется лучше.

М. БЕЛОУСОВ

ВЕЩА

Пионеры всей страны делу Ленина верны!

ЖУРНАЛ
ЮНКОРОВ
ПЕЧАТАЕТ
ТВОИ
ЗАМЕТКИ,
СТИХИ,
РИСУНКИ

★ *Погори людям радость.*

12 апреля — День космонавтики. Отмечается в честь первого полета в космос первого космонавта Земли Ю. А. Гагарина. (1961 г.).
16—22 апреля — Всесоюзная неделя октября.
22 апреля — День рождения В. И. Ленина (1870 г.).

**ПАТИЛЕТКА
ТРУДОВЫХ ПИОНЕРСКИХ
ДЕЛ**

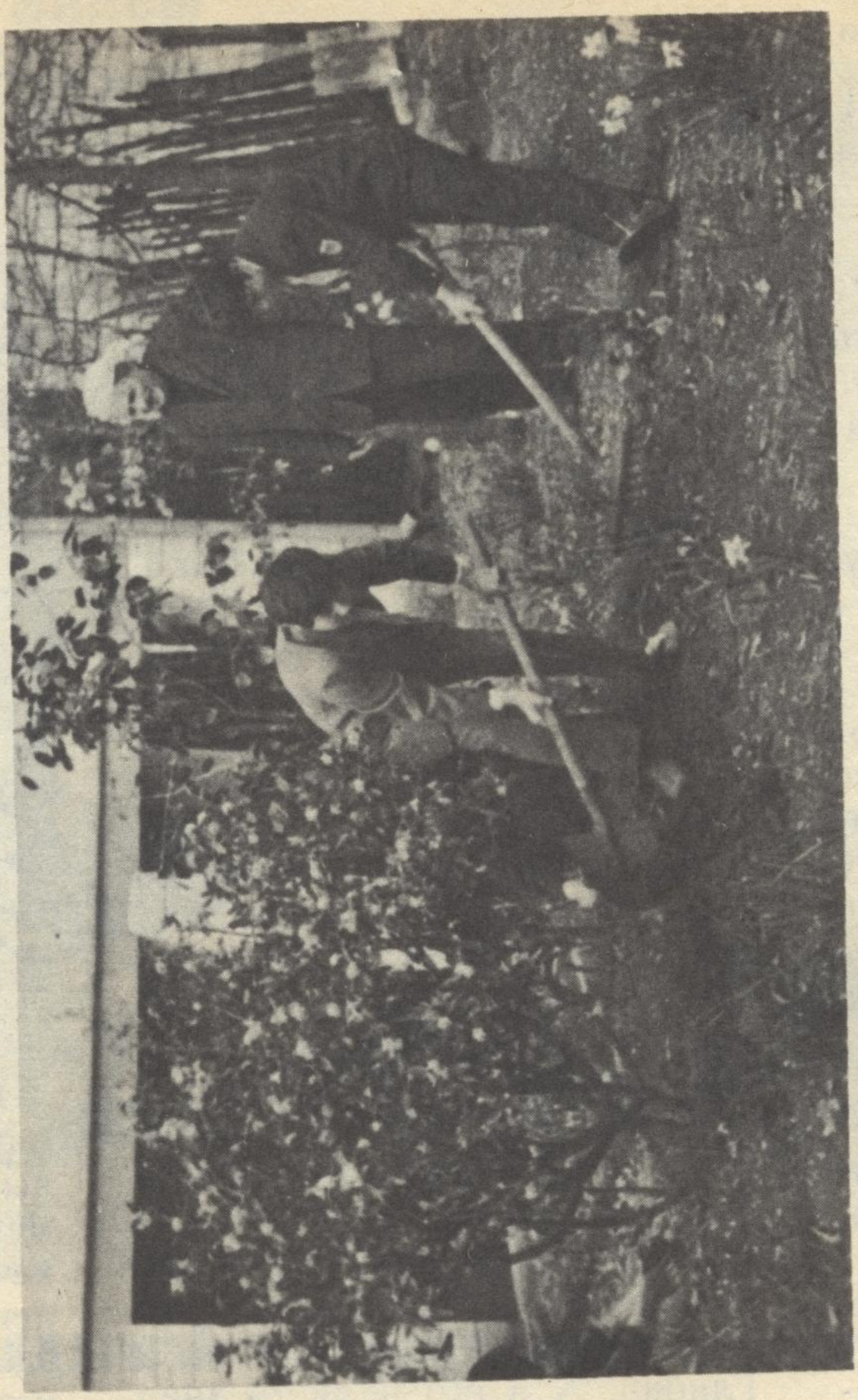

Как только вскрылись ото льда реки и водоемы, у нашего Голубого патруля прибавилось дел и забот. Мы следим, чтобы реки и водоемы были чистыми. Участвуем в спасении рыбной молодежи, которая остается в ямах и канавах после разлива рек. А в местах, где могут появиться браконьеры, уже выставлены дозорные посты.

Оля Ермакова,
член Голубого патруля
Верх-Сузунской
средней школы
Новосибирской области,
делегат VIII Всесоюзного
пионерского слета

Имени 60-летия пионерии — так называется новый городской парк, который заложили октябрята, пионеры и комсомольцы школы. В планах нашей пионерской патилетыки этот объект — один из главных.

Совет дружины школы № 79,
Пермь

Это — операция тимуровцев и красных следопытов нашей дружины, которые шефствуют над ветеранами Великой Отечественной войны и семьями погибших защитников Родины. Особенно хорошо работают пионеры отряда имени

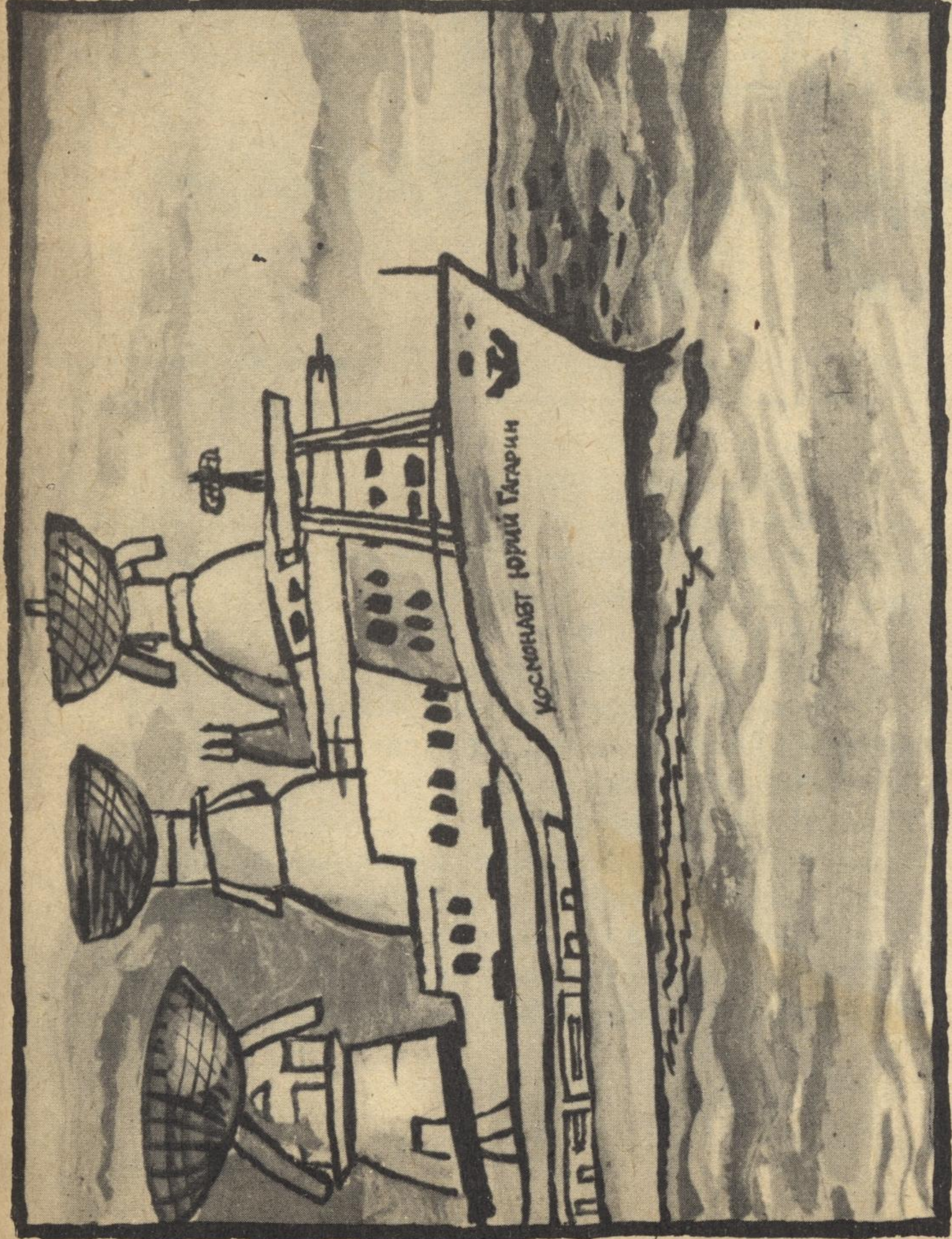
Героя Советского Союза Константина Леселидзе — Лия Тевдорадзе, Ило Мгелашвили, Гела Ломджария.

Гога Сургуладзе,
Ягор Контридзе,
школа № 1,
Махарадзе,
Грузинской ССР

ВЕСТИ ИЗ ДРУЖИН И ОТЯДОВ

ВЕСТИ ИЗ ДРУЖИН

«КОСМОНАВТ ЮРИЙ ГАГАРИН» В ПЛАВАНИИ

Коля Владимиров, Чебоксары

А его хвалят...

Иногда думаю: почему отличнику такая честь? Ведь, по-лучая пятерки, он в первую очередь думает о себе, а не о друзьях. Я, например, нашего отличника никогда ни о чем не прошу. И никто из ребят тоже не просит. Все равно не поможет и будет смеяться. А учителя его хвалят, и родители говорят: «Бери с него пример». И получается, что его пятерки — это все. Хотя за этими пятерками скрывается самый настоящий единоличник.

Таня К,
Новосибирская область

Почему?

Вот скажите, почему мальчики нашего класса плохо относятся к девочкам? Почему они только дерутся и не заступаются за нас? Ведь одни мальчишки не делают свою жизнь хорошей. И потом, когда пройдут годы, они же будут с нами дружить. Я это сама заметила. Но почему они не дружат с детства? И почему их родители не обращают на это внимания?

Лариса Плешакова,
школа № 87, 3 «в» класс,
Саратов

и стали хозяевами

многие думали: «Почему наш подъезд такой неуютный? Почему не закрываются двери? И почему он грязный и старый, ведь дом еще новый?»

И на эти вопросы был только один ответ: «Потому что у него нет хозяев!»

Но теперь наш подъезд не узнать. Вместе с родителями мы шпаклевали и красили стены, вымыли окна и двери, словом, навели полный порядок.

Снежана Вуманчук,
7 класс, школа № 1,
Белозерск

Я знаю — в Молдавии не был Владимир Ильич никогда,
Но травы мне шепчут и небо:
«Он — с нами!
Он — с нами всегда!»

Я вижу — он смотрит с портрета
На внуков вихрастых своих,
А возле портрета — букеты
Веселых цветов полевых.

Катя Дмитрину,
Кишинев

Он пришел и сказал: «Я буду вашим вожатым. К вам меня направил райком. Давайте знакомиться. Меня зовут Володя Иванов, работаю в депо». Так он сказал и, наверное, подумал: «Справляюсь ли?» Ведь наш отряд был не из лучших. Во всех соревнованиях и операциях тащились в хвосте. И приход вожатого нас как-то не обрадовал: «Ну и что, что пришел? Многие приходят, а потом уходят».

Но Володя был не из тех, кто уходит. И вскоре мы с ним крепко подружились. А когда подружились, нам уже было стыдно его подводить. И вот — постепенно исчезли двойки, организовалась поисковая группа, а на субботнике по сбору макулатуры мы заняли первое место.

Но самое удивительное было дальше. Мы, которые сами себя считали ленивыми и равнодушными, все, как один, оказались активными и трудолюбивыми. Нам стало интерес-

но проводить трудовые десанты, ходить в походы и на экскурсии, шефствовать над ветеранами войны и труда, заботиться об октябрятах.

Конечно, Володе пришлось с нами повозиться, но факт остается фактом: в течение одного года отряд из отстающего стал правофланговым!

И вдруг — новость: Володя уходит служить в армию. И мы ходили его провожать и сказали: «Пожалуйста не беспокойся: у нас все будет хорошо».

И мы свое слово держим. Когда вожатый ушел в армию, мы учились в шестом, а сейчас семиклассники. И все это время отряд по-прежнему остается лучшим в дружине.

А теперь — о самой последней новости. Недавно Володя приехал в отпуск. Отпуск он получил как отличник боевой и политической подготовки. И мы опять — целых десять дней — были вместе.

Элла Репина,
школа № 108,
Павлодар

„ОТВЕТСТВЕННЫХ РЕДАКТОРОВ не требуется...“

А. ЗВЕРИНЦЕВ

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

Рисунки И. Дяткиной

ПРАЗДНИК НА ПУТИЛОВСКОМ

С трудом пробиваясь сквозь закопченные пыльные окна, в пушечную мастерскую проникло веселое апрельское солнце. Оно осветило огромное помещение, наполненное гулом станков, визгом обдираемой наждаками стали, тяжелыми запахами перегретого машинного масла.

К станку, на котором работал Василий Ромашкин, с самого раннего утра один за другим подходили представители разных цехов. Горячо жестикулируя, показывали ему на часы. Качали головами. Возмущались.

Окончание. См. «Костер» № 3, 1982

Василий лишь пожимал плечами. Сбрасывал железным крючком витую, в синеватых блестках, дымящуюся стружку, бесконечно ползущую из-под резца, да помалкивал.

Лишь изредка ронял:

— Ждите. Всему свой черед. Я ведь жду.

Подошел Адриан Иванов, член стачечного комитета. Тоже поинтересовался:

— Ну, когда же будет?

— И сам не понимаю, что произошло, — признался Ромашкин. Вытер масляные пальцы. Достал часы. Щелкнул металлической крышечкой.

— Действительно, странно.

Ромашкин выключил станок. И стал штангенциркулем измерять готовую деталь.

— Тютелька в тютельку, — с удовольствием сказал Ромашкин и спрятал измерительный инструмент.

— Давай я за тебя поработаю, а ты сходи, узнай, может, ребята из типографии уже вернулись? — предложил Иванов. — Только быстрее возвращайся. Не может быть, чтобы до сих пор не принесли...

Иванов закрепил в патроне новую заготовку, включил станок и стал медленно подводить жало резца к стремительно вращающейся детали. Резец коснулся синеватых боков заготовки — и тотчас же с шипением взвилась и поползла раскаленная стружка.

Полчаса спустя Ромашкин вернулся сияющий. В руках — сверток.

— Порядок, — кивнул он на вопросительный взгляд Иванова. — Только мало дали. По десятку на цех. В типографии что-то ночью случилось, — говорил Ромашкин, разворачивая пакет.

А к нему уже спешили со всех сторон рабочие. Ромашкин, довольный, вспрыгнул на верстак, потер руки:

— Ну-с, почитаем.

Он оглядел собравшихся рабочих. Тесным кружком стояли слесари, токари, такелажники, крановщики, стропали, чернорабочие...

— Давай, не тяни, — крикнул кто-то.

— Пусть сперва покажет, лицом какова, — предложил другой.

Ромашкин взял газету за верхний край и поднял перед собой.

— «Правда», — прочитал вслух стоящий в первом ряду рабочих. — Ежедневная рабочая газета. Издатель член Государственной думы Н. Г. Полетаев.

— Полетаев — это свой, путиловский, токарем в лафетно-снарядной работал.

— Да знаем, знаем.

Рабочие стали задавать вопросы:

— Где подписаться на «Правду»?

— Сейчас найдем, спокойно, товарищи, — Ромашкин поискал нужный адрес. — Вот, пожалуйста, записывайте: Николаевская, дом 37, квартира 18. Ежедневно, кроме праздников.

— Сколько раз в неделю будет выходить газета?

— Надо было слушать раньше, — сказал кто-то. — Было же сказано: ежедневная газета.

— Правильно, — подтвердил Ромашкин.

— А есть ли среди сотрудников Ленин? — вдруг спросил стоящий в первом ряду немолодой рабочий, тот самый, который говорил, что работал вместе с Полетаевым в снарядной.

Все сразу притихли.

Ромашкин тоже несколько растерялся.

— Сейчас посмотрим, — сказал он. — Вот тут сказано: в числе постоянных сотрудников участвуют: Максим Горький, Демьян Бедный, Роза Люксембург... Плеханов Георгий Валентинович, Полетаев Николай Гурьевич.

Чтеца перебили:

— А Ленин?.. Ты не тяни, скажи, Ленин есть? Ромашкин развел руками:

— Ленина, братцы, в списке не нахожу...

— Да ты очки надень... Дайте ему кто-нибудь очки на нос... Не может такого быть, чтобы Ленина в рабочей газете не было... Дай-ка, вот пусть Петрович почитает. У него лучше получится. Он Ленина враз найдет.

Рабочие заставили Петровича, старого токаря из снарядной, взять газету и еще раз просмотреть список сотрудников.

Петрович, немного смущаясь от такого доверия рабочих, перечитал вслух весь длиннющий список будущих сотрудников «Правды» и тоже растерянно развел руками:

— Нету, братцы, нету Ленина-то. Прямо фокус какой-то. Чует мое сердце, что все-таки он есть. Может, фамилией какой другой назвался, чтобы не навредить газете... Ведь полиция-то увидит, что Ленин, и враз «Правду» прихлопнет. И останемся мы с вами при ау.

— А что, пожалуй, верно... Случаем надо будет спросить у Полетаева Николая Гурьевича. Он хоть и депутат Думы, а в снарядную все захаживает.

Старый рабочий не ошибся. Лишь немногие знали, что упоминавшийся в самом конце списка сотрудников «Правды» В. Фрей — не кто иной, как Владимир Ильич Ленин. В. Фрей — был один из псевдонимов вождя.

— А про Лену есть? Про расстрел рабочих на Ленских приисках? — посыпались новые вопросы.

— Про Лену, ребята, есть, — сказал Ромашкин, которому Петрович вновь передал газету. — И про наших, питерских, прописано, про ижорцев... Вот здесь... читаю: «Ижорский завод посада Колпино. 19 апреля с утра рабочие, в виде протеста против ленских событий, прекратили работу и в количестве свыше 3000 человек с пением «Вечной памяти» вышли на улицу...»

А вот телеграмма из Москвы: рабочие завода «Свет» тоже бросили работу и вышли на улицу...

Из Баку телеграфируют, — продолжал читать Ромашкин, — что рабочие промыслового района постановили отчислить однодневный заработок в пользу семейств рабочих, убитых на Ленских приисках...

— Постой маленько, — прервал Ромашкина пожилой, чисто одетый рабочий. — Это правильно они там, в Баку, решили... Думаю, что и нам надо пустить по цехам список в пользу семей тех, что там... на Лене...

— Правильно... Верно... — раздались голоса.

— А куда пошлем-то?

— Как куда? В «Правду». А уж она найдет, куда передать...

— Тогда пиши меня первого. Кладу рубль с полтиною...

— Дяденька Ромашкин, а стихи в «Правде» есть? — спросил подросток Вася Алексеев.

— Есть и стихи. Вот, например, Е. Придворова стихи, послушай. — Ромашкин набрал полные легкие воздуха и стал декламировать:

*Полна страданий наших чаша,
Слились в одно и кровь и пот.
Но не угасла сила наша:
Она растет, она растет!*

*Пускай шипит слепая злоба,
Пускай грозит коварный враг.
Друзья, мы станем все до гроба
За правду — наш победный стяг!*

Народу вокруг Ромашкина, читавшего «Правду», становилось все больше. Собравшиеся в углу мастера начали о чем-то перешептываться.

Пришел начальник мастерской. Он долго не мог понять, что здесь происходит. Вроде бы никаких требований рабочие не предъявляли, и вдруг — митинг.

Не удовлетворенный объяснениями мастеров, он обратился к одному из рабочих.

— Что случилось? — спросил он. — До первого мая еще больше недели. Объясните, ради бога, что за торжество сегодня.

— Торжество, — согласился рабочий. — Революционный праздник.

— Удивительно, — поднял брови начальник цеха. — Обычно о революционных праздниках нас полиция заранее предупреждает.

— А это новый праздник. Полиция еще его не раскусила...

Это был действительно большой праздник на всех петербургских заводах. На петербургских — потому что к рабочим других городов «Правда» попала лишь несколько дней спустя.

Рабочее движение России наконец-то получило свою ежедневную газету.

„ОТВЕТСТВЕННЫХ РЕДАКТОРОВ НЕ ТРЕБУЕТСЯ“

Штрафы истощали кассу «Правды».

— Еще один-два раза штрафанут и можно закрывать газету, — хмуро сообщил Полетаев, входя в каморку дяди Кости.

Дядя Костя насыпал в трубку табак, примял его большим пальцем и закурил.

— Да, — сказал он, выпуская к потолку облако дыма. — Такого зверства и «Земщина» не выдержала бы с ее толстосумами.

Посидели молча. Подумали.

Оба сосредоточенно искали выход. А выхода не было видно. Даже с помощью денег рабочих им не удержаться. Удавка на шее «Правды» затягивалась.

Дядя Костя покурил и стал неторопливо перекладывать разложенные на столе бумаги, справочники, газеты.

Взял в руки указ «О временных правилах повременных изданий». Посмотрел, подумал и передал Полетаеву.

— Взгляни, может быть здесь что найдешь...

Полетаев взял в руки указ и стал его неторопливо просматривать. Лицо его начало постепенно проясняться.

— А ведь тут кое-что есть, — сказал он. — И, по-моему, это выход...

...Пристав взглянул на часы и встал.

— Ну все, господа, — сказал он окружающим

его городовым. — Время истекло. Штраф не уплачен. Едем закрывать «Правду».

Городовые двинулись к выходу из участка.

Но не успели сделать и трех шагов, как в дверях, поигрывая тростью, появился молодой человек в строгом черном костюме, в котелке.

— Что это вы, господа, уставились на меня как на новые ворота? — весело спросил господин, входя в помещение и подсаживаясь к столу пристава.

— В чем дело? — спросил тот. — Вы кто такой?

— Я, — сказал молодой человек, поигрывая тростью. — Я редактор «Правды» Егоров.

Пристав схватил лежавший на столе номер «Правды».

— Сейчас проверим... А документы у вас есть?

— Есть, — охотно отозвался молодой человек.

— Верно, — сказал пристав, убирая газету. — Редактор М. Егоров.

— Михаил Егорович, — подсказал молодой человек.

— Принесли квитанцию об уплате штрафа? — спросил пристав.

— Никак нет, — ответил Егоров.

— Тогда не о чем говорить, — сказал пристав, вставая. — Пошли, господа, закрывать газету.

— Минуту, сударь, — остановил Егоров. — Вы с указом «О временных правилах повременных изданий» знакомы-с?

— Знаком, — подтвердил пристав.

— Так вот-с, эти правила гласят, что, если штраф не уплачен в срок, он заменяется тюремным заключением официального редактора.

— Ну, — растерянно пробурчал пристав. — И что дальше?

— В газете что сказано? — опять спросил Егоров. — Сказано, что официальный редактор М. Егоров.

— Ну, — опять не понял пристав.

— Вот и заключайте его в тюрьму, — сказал Егоров.

— Кого? — удивился пристав.

— Меня, — сказал Егоров.

— Вас? — пристав почесал в затылке. — Как же это вы так сами пришли, чтобы в тюрьму? — изумился он.

— Так сам и пришел.

— Ну и ну, — опять почесал в затылке пристав. — Садитесь, значит, пришли. Будем оформлять протокол.

Городовые, собиравшиеся было ехать закрывать «Правду» до уплаты штрафа, поставив шашки между колен, молча сидели на лавке и тарасили глаза на молодого человека.

Пристав куда-то звонил, с кем-то объяснялся и, наконец, сказал городовым:

— Отведите его в Нарвскую часть.

Молодой человек встал.

Городовые тоже. Окружили его.

И повели.

Так был найден еще один выход из, казалось бы, безвыходного положения, в которое власти зажали «Правду».

Воспользовавшись тем, что в «Правилах по-

временных изданий» не было оговорено, сколько должно быть ответственных редакторов, большевики подавали на утверждение не одну, а сразу несколько фамилий. Например, 15 июля 1912 года были утверждены сразу четыре «официальных редактора», 21 июля — семь «редакторов».

И в этом случае на помощь «Правде» снова пришли рабочие.

Чтобы спасти газету и ее настоящих редакторов, они соглашались быть добровольными «редакторами для отсидки».

Когда весть о том, что «Правде» нужны «редактора для отсидки», проникла на заводы и фабрики Питера, столько рабочих пришли на Ивановскую предлагать себя в «ответственные редактора», что дядя Костя вынужден был повесить объявление:

«Ответственных редакторов не требуется».

И СНОВА „ПРАВДА“

Шел жаркий июль 1914 года.

В эти месяцы редакция была похожа на штаб сражающейся армии.

Непрерывно звонил телефон. Из районов сообщали о положении дел, о стычках с полицией.

Приходили и уходили люди. Точно донесения с поля боя, рабочие несли в редакцию написанные на случайных листках, клочках бумаги корреспонденции с заводов и фабрик, с железной дороги...

Еремеев отвечал по телефону, брал заметки, беседовал с посетителями. У него не было даже минутки раскурить свою неизменную трубку. Разговаривая с рабочими, он размахивал ею, как дирижерской палочкой.

Распрощавшись с очередным посетителем, дядя Костя взялся наконец за трубку. Развязал кисет, постучал трубкой о стол, выбивая остатки золы, ухватил пальцами щепотку табака... Но тут скрипнула дверь, и на пороге возник новый посетитель.

Это был высокий, седой рабочий. По виду — маляр. Он стоял на пороге и мямлил в руках забрызганный известью свой картуз. Синяя рубаха на нем тоже была слегка измазана бурой краской.

— Вы что хотите? — спросил Еремеев, раскуривая трубку.

— Мне бы Ленина... — смущенно произнес маляр. — Дело к нему имеется...

— Ленина? — Еремеев закашлялся от дыма. — Вот хватил, дядя... Да откуда ты взял, что Ленин здесь?

— Все говорят, — тихо сказал рабочий. — «Правду»-то небось читаем. Вот и взял...

— Вы проходите, присаживайтесь, — предложил Еремеев, выдвигая неказистый, с фанерным сидением стул.

Маляр прошел, чинно сел. Положил картуз на колени.

— Должен вас огорчить, — сказал Еремеев. — Ленина действительно нет в Петербурге. Он сейчас за границей.

— Не доверяете, значит, — горько усмехнулся маляр. — Ну, ладно.

Еремеев подошел к рабочему и положил ему обе руки на плечи.

— Если хотите, можете написать Ленину. А я перешлю ему, — предложил Еремеев.

— Написать, — усмехнулся маляр. — Написал бы, кабы умел. Читать еще разбираем. А уж писать — не умудрил господь.

— Скажите так, а я запишу, — предложил Еремеев.

— Да уж, видно, придется... Дело такое, что никак не терпит... Дело, я думаю, важнее важного...

Еремеев ждал, приготовив бумагу и карандаш.

— Уж не знаю, право, как и быть, — медлил маляр. — Велели наши артельные самому Ленину доложить... А он, говоришь, за границей...

Маляр зорко посмотрел на Еремеева.

— Точно, — сказал дядя Костя. — За границей.

— Может, оно и на самом деле так, — согласился наконец маляр. — Ну, слушай тогда... Работаем мы, значит, артельно у самых этих... у арсеналов... Где ружья, пулеметы, патроны...

— У арсеналов? — сразу насторожился Еремеев. — Ну, ну, давай, продолжай дальше...

— Да ты, ну тебя, не сбивай, — махнул рукой маляр. — Слушай себе, да на ус мотай. Я сейчас тебе такое скажу — ахнешь!

• И Еремеев действительно ахнул.

Маляр рассказал, что в арсеналах за закрытыми снаружи на висячие замки дверями спрятаны солдаты с пулеметами... Подготовлено это на тот случай, если рабочие кинутся за оружием для восстания. Снимут часовых, собьют замки и... попадут под пулеметные очереди.

Еремеев тотчас вспомнил, что вчера в редакцию принесли листовку, отпечатанную, по-видимому, в охранке. В ней мнимый большевистский комитет призывал рабочих начинать штурм арсеналов. Вооружаться. Выходит, готовилась очередная кровавая провокация.

В ответ на лжелистовку охраны Петербургский комитет тотчас же выпустил свою — с призывом не слушать провокаторов. Ни в коем случае не совершать никаких вооруженных нападений. Час восстания еще не настал. И рабочие напрасно могут потерять сотни своих лучших сынов.

Но вот о том, что за дверьми арсеналов — солдаты с пулеметами наготове, — об этом большевики не знали. А среди рабочих наверняка есть и такие, кто не читал большевистской листовки с призывом воздержаться от вооруженных стычек с полицией и войсками. Ринутся в арсеналы за оружием — и снова прольется кровь. Тем более, что в завтрашнем номере газеты, напечатан призыв прекратить забастовку, беречь силы для решающего штурма самодержавия...

Еремеев вскочил.

— Ну, спасибо тебе, дорогой ты наш товарищ... Очень вовремя ты пришел... Очень...

— Так напечатаешь, значит, в «Правде»? — спросил рабочий.

— Напечатать не могу, — развел руками Еремеев. — Цензура не пропустит. Прихлопнут газету, понимаешь?

— А Ленину сообщишь?

— Ленину сообщу, — пообещал Еремеев. — Только сперва надо комитету, чтобы людей вовремя остановили.

— Давай — комитету. Тебе, значит, видней, — согласился маляр. Он встал, убрал со лба прядь белых волос, надел картуз.

— Ну, я пошел помаленьку. Скажу нашим, что ты передашь кому надо. А может, и Ленину.

— Обязательно передам, — Еремеев проводил маляра до двери. — Передам все в точности. Пусть не беспокоятся.

Рабочий ушел.

Еремеев кинулся к телефону... Снял трубку... подержал и — опустил на рычаг. Телефон мог прослушиваться, и он сразу выдал бы своего телефонного собеседника полиции.

Однако надо было срочно сообщить новость кому-то из членов Петербургского комитета.

Еремеев подошел к окну. Теплый июльский ветер гонял по Ивановской обрывки газет, взметал тучи пыли. Похоже, собиралась гроза.

Вдруг лицо Еремеева озарилось доброй улыбкой.

По Ивановской в фирменной фуражке «Вечернего времени»¹, с сумкой газетчика через плечо шагал Яшка. Яков Антонович.

— Яков Антонович! — позвал Еремеев. — Дорогой мой, ты-то мне сейчас больше всех и нужен.

Яшка остановился, поднял голову. Увидев дядю Костю, заулыбался, сорвал с головы фуражку и подбросил ее вверх.

— Иду! — крикнул он.

Когда Яков Антонович появился в дверях, Еремеев уже держал в руках маленький, косо исписанный листок.

— Перцев дом на Лиговке знаешь? — спросил он Яшку.

— Как не знать, — удивился Яшка. — Знаю, как свой карман.

— Тогда слушай внимательно. Войдешь во двор. В правом дальнем углу парадная. Поднимешься на последний этаж. На дверях модная табличка: «Ее высокородие госпожа Танеева М. Н.» Спросишь Феню. Понял?

Яшка кивнул:

— Феню спрошу, а если это будет не та Феня?

— Правильно, — согласился Еремеев. — Для того, чтобы ты был уверен, настоящая Феня тебе ответила или нет, женщина должна сказать: «Я не Феня, а Татьяна Николаевна». Ей и передашь вот эту записку.

— Все понял, — сказал Яшка, протягивая руку за запиской.

— Нет, еще не все, — Еремеев чуть задержал

в своей руке клочок бумажки с текстом. — Если тебя... допустим...

— Понял, дядя Костя. Я человек понятливый. Записку — в рот. Вот так...

Яшка показал, как будет совать в рот записку, и сделал глотательное движение.

— Вот так!

— Теперь вижу, что понял. Ну — удачи тебе.

Еремеев отдал пареньку записку и пожал на прощание руку.

Яшка взял записку, свернул ее в трубочку и сунул куда-то сквозь небольшой надрез в поясе брюк.

— Сам черт не найдет.

Едва Еремеев расстался с Яшкой и присел к столу, чтобы закончить подготовку к набору очередного номера газеты, — за окном послышался цокот копыт.

Еремеев прислушался: «Мимо? Или по наши души?.. Если сюда, то это, пожалуй, конец...»

Цокот не прекращался. Послышались голоса, свистки...

Еремеев выглянул в окно. Ивановская была перекрыта полицией. Везде были конные и пешие городовые. Такого количества полицейских Еремеев еще здесь не видел.

Он срочно позвонил Бадаеву.

— Алло... Бадаич... У нас опять гости...

— Еду, — коротко бросил депутат Думы.

Но полицейские Бадаева в редакцию не пропустили. Напрасно он показывал свой депутатский мандат и порывался пройти к арестованным сотрудникам газеты. Городовые неприступной стеной стояли у него на пути.

А тем временем пристав и жандармские ротмистры хозяйничали в помещении. Редакционные книги, подшивки газет, папки писем летели в кучу, выставшую на глазах.

Всех, кто находился в редакции, арестовали и согнали в одну комнату. Двое городских замерли у ее дверей, а остальные топтали рукописи, газеты, выбрасывали все из ящиков, шкафов...

Неожиданно зазвонил телефон. Все повернулись к аппарату. Наступила тишина.

Ротмистр снял трубку:

— Редакция слушает!.. Что, что?.. Ага, понимаю... Решили бастовать? Конечно, конечно, напечатать... Завтра прямо и читайте... А кто звонил... Не пойму... Повторите фамилию...

В ту же секунду Еремеев протянул руку, схватил за провод и вырвал его из розетки.

— Взять! — заорал ротмистр, указывая на Еремеева. — Сию же минуту в участок этого наглеца...

Видимо, ему так и не удалось узнать фамилию рабочего, звонившего в редакцию. Еремеев вовремя прервал разговор.

Из редакции Бадаев направился в типографию. Возле машины, на которой печаталась газета, ходили жандармы. Гаечными ключами они разбивали металлические формы, с которых печатались страницы газеты.

Завершив разгром, полицейские ушли, захватив с собой около тридцати сотрудников и находившихся в помещении редакции рабочих.

¹ Такие фуражки носили распространители газеты «Вечернее время», принадлежащей известному миллионеру Суворину. Суворинские газетчики пользовались особым покровительством полицейских властей.

О вмешательстве депутата Государственной думы А. Е. Бадаева в дела полиции был составлен специальный протокол.

* * *

С утра его высокопревосходительство министр внутренних дел читал представленный ему департаментом полиции доклад о положении дел в большевистской подпольной организации Петербурга.

Положив на стол руки, прищурившись и чуть откинув назад ухоженную дворцовыми куафёрами голову, министр быстро просматривал текст.

Лицо министра было спокойно. Начало доклада обнадеживало.

Разгромлена «Правда». Арестовано большинство членов Петербургского комитета. Заграничная агентура доносит, что арестован Ленин. Еще немного усилий — и с большевиками в России будет покончено.

Министр продолжал читать дальше. Но вот на его лицо набежала легкая тень. Доклад начал раздражать.

«Наиболее беспокойные элементы подполья, не удовлетворяясь вынужденным бездействием, под воздействием члена Государственной думы Бадаева, задумали заняться выпуском серии листовок и воззваний... Получив от Бадаева черновики...»

— Опять этот Бадаев! — министр поморщился. Позвонил адъютанту.

Вошел молодой щеголеватый подполковник.

— Что у нас с Бадаевым?

— Прикажете принести дело?

— Дело не надо. Пригласите начальника департамента полиции.

Министр встал из-за стола и подошел к окну. За окном, на противоположном берегу Фонтанки, над крышами Инженерного замка летали вороны. Видимо, какая-то ссора вышла между мудрыми птицами — так ожесточенно они кричали.

«Говорят, петербургские вороны летают зимовать в Париж, — отчего-то вдруг подумал министр, — а сюда, будто бы, прилетают на зиму вороны из северных городов...»

Министр прикрыл окно, чтобы не слышать крика черных птиц.

Вошел начальник департамента полиции.

— Необходимо ликвидировать думскую группу большевиков, — сказал министр. — Не так откровенно, понятно. Ищите повод.

— Повод есть, ваше высокопревосходительство. По нашим сведениям, в Озерках готовится совещание, где будут все большевики — члены Государственной думы.

— Это должно быть их последним совещанием, — сказал министр...

...Около пяти часов в дверь ударили с такой силой, что она слетела с петель. В комнату, где проходило совещание, ворвалась полиция.

— Ни с места! — крикнул офицер, размахивая револьвером. — Всем стоять на местах!

Начался обыск.

— Без разрешения Думы мы не позволим себя обыскивать, — заявили депутаты. Но сила была на стороне полиции.

Всех участников совещания, кроме депутатов Думы, тотчас же под конвоем отправили в тюрьму. Бадаеву и его товарищам из отобранных у них вещей и документов вернули лишь депутатские удостоверения и отпустили.

Министерство внутренних дел, видимо, решило проверить, как отреагирует Дума на задержание и обыск рабочих депутатов. Поднимет шум? Станет обсуждать полицейский произвол? Или смолчит?

Буржуазно-помещичья Дума смолчала. Никто не выступил в защиту депутатов-большевиков.

И тогда...

В полночь в квартиру Бадаева явилась полиция.

— Господин Бадаев, у меня ордер на ваш арест, — заявил пристав. — Приказано отправить вас в дом предварительного заключения.

Алексей Егорович оделся, вышел в сопровождении пристава и двух городских на улицу.

Вокруг дома было полно полиции.

Бадаева посадили в закрытую полицейскую карету и повезли.

По дороге пристав сказал:

— Не огорчайтесь, господин Бадаев. Не вы один арестованы... Все рабочие депутаты Государственной думы уже там. Сейчас с ними встретитесь.

В июле была разгромлена «Правда». Теперь охранка ликвидировала думскую группу большевиков. Вокруг этих двух большевистских центров в Питере группировались все революционные силы Петербурга, России.

Владимир Ильич, узнав об аресте депутатов-

большевиков, необычайно расстроился. Он писал в Стокгольм товарищу по партии:

«Во всяком случае работа нашей партии теперь стала во 100 раз труднее. И все же мы ее поведем! «Правда» воспитала тысячи сознательных рабочих, из которых вопреки всем трудностям подберется снова коллектив руководителей — русский ЦК партии».

* * *

В марте 1917 года, после февральской революции, в Петрограде снова вышла газета «Правда». И опять, как во времена царизма, Временное правительство начало душить рабочую газету.

5 июля 1917 года в помещение редакции «Правды» ворвались юнкера. Все было разбито и перевернуто вверх дном.

И, как прежде, буквально на следующий день после разгрома «Правда» вышла под другим названием — «Листок „Правды“».

И снова рабочая газета продолжала свое революционное дело.

«Ты будешь жить, наша рабочая «Правда», — писали солдаты-фронтовики после закрытия большевистского органа, — пока будет существовать пролетариат. Нет силы, которая могла бы уничтожить его душу, его мозг... Российский пролетариат не останется без своей «Правды».

Враги рабочего класса, используя свое временное превосходство, наносили газете удар за ударом.

6 июля с пачкой свежих номеров «Листка „Правды“» вышел на петроградские улицы недавно вернувшийся из ссылки Иван Воинов. Озверевшая толпа охранников напала на рабочего. Изверги буквально растерзали распространителя большевистской газеты, одного из первых рабочих-корреспондентов дореволюционной «Правды».

Улица, на которой погиб пролетарский поэт-правдист Иван Авксентьевич Воинов, сегодня носит его имя.

Рабочие не дали погибнуть своей газете.

На смену «Листку „Правды“» пришел «Рабочий и солдат». Удалось выпустить всего шестнадцать номеров газеты. В августе 1917 года газета была закрыта...

Последний налет на большевистскую «Правду», выходившую под названием «Рабочий путь», юнкера предприняли накануне Октябрьского восстания. Они ворвались в редакцию и начали было бесчинствовать, как в былые дни... Но время их прошло. В редакцию прибыл отряд Красной гвардии. Юнкера были арестованы и под конвоем отправлены прямехонько в Петропавловскую крепость.

25 октября 1917 года свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция.

ПЯТИЛЕТКА В ДЕЙСТВИИ

Трассой мужества и дружбы называют Чуйский тракт. Через перевалы, по дорогам, вырубленным в отвесных скалах, водители доставляют грузы в отдаленные районы Горного Алтая и в братскую Монголию.

Мощные самосвалы Белорусского автозавода на Мало-хольджинском угольном разрезе Бурятской АССР.

Новые шины повышенной проходимости для тягача «КамАЗа».

КАК Я ФОТОГРАФИРОВАЛ КОСМОНАВТОВ

Это было осенью 1962 года. В том году я учился в седьмом классе и жил в небольшом поселке на берегу Черного моря. Рядом с поселком находился санаторий. И вот в этот самый санаторий и приехали отдыхать Юрий Алексеевич Гагарин и Герман Степанович Титов.

Кто первым узнал об их приезде? Думаю, Колька Лихачев — кто же еще? Он всегда узнавал все первым. И уж абсолютно точно, что именно Кольке первому пришла в голову мысль устроить в школе встречу с космонавтами. Но Вера Платоновна идею отвергла. Вернее, она сказала, что идея в принципе хорошая, но люди приехали отдыхать и вряд ли согласятся ходить по школам.

И тогда Колька решил действовать самостоятельно. Созвал всех своих друзей и повел их к санаторию. Там они пе-

релезли через забор и спрятались в кустах возле спортплощадки. А через некоторое время на площадку пришли космонавты и начали играть в волейбол. И так получилось, что мячик улетел в кусты. Гагарин побежал за мячиком и увидел мальчишек. И мальчишки стали играть в волейбол вместе с космонавтами. А после игры Колька пригласил космонавтов в школу.

Когда Колька сообщил, что космонавты придут в школу, никто не поверил, пока в кабинете директора не раздался телефонный звонок: «Говорит Гагарин. Мы с Германом Степановичем договорились с вашими пионерами о встрече. Можно ли ее перенести на час дня? Раньше, к сожалению, у нас не получается...»

Что тут началось в школе! Словом, когда космонавты пришли, у нас уже все было гото-

во к встрече — лозунги и транспаранты, роскошные букеты цветов и даже чай с вареньем и пирогами.

Юрий Алексеевич и Герман Степанович рассказали о своих космических полетах. Но кто что говорил, я, к сожалению, не слышал. По заданию совета дружины я фотографировал. Помню только, как ребята меня толкали и щипали, потому что я все время лез вперед и мешал им смотреть на космонавтов.

Вдруг пленка кончилась. Я помчался домой, а когда вернулся обратно, космонавты уже уехали.

В тот же вечер я проявил снимки. Видимо, от чрезмерного волнения они получились хуже обычного. Но так или иначе, я все-таки попросил передать их космонавтам и получил за это два автографа.

А. КУЗНЕЦОВ, инженер

СТИХИ ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

КОМАНДИР

*Ракеты контур устремленно строен.
Открытый космос, двадцать первый век.
В скафандре легком, сдержан и спокоен,
За пультом управления — человек.*

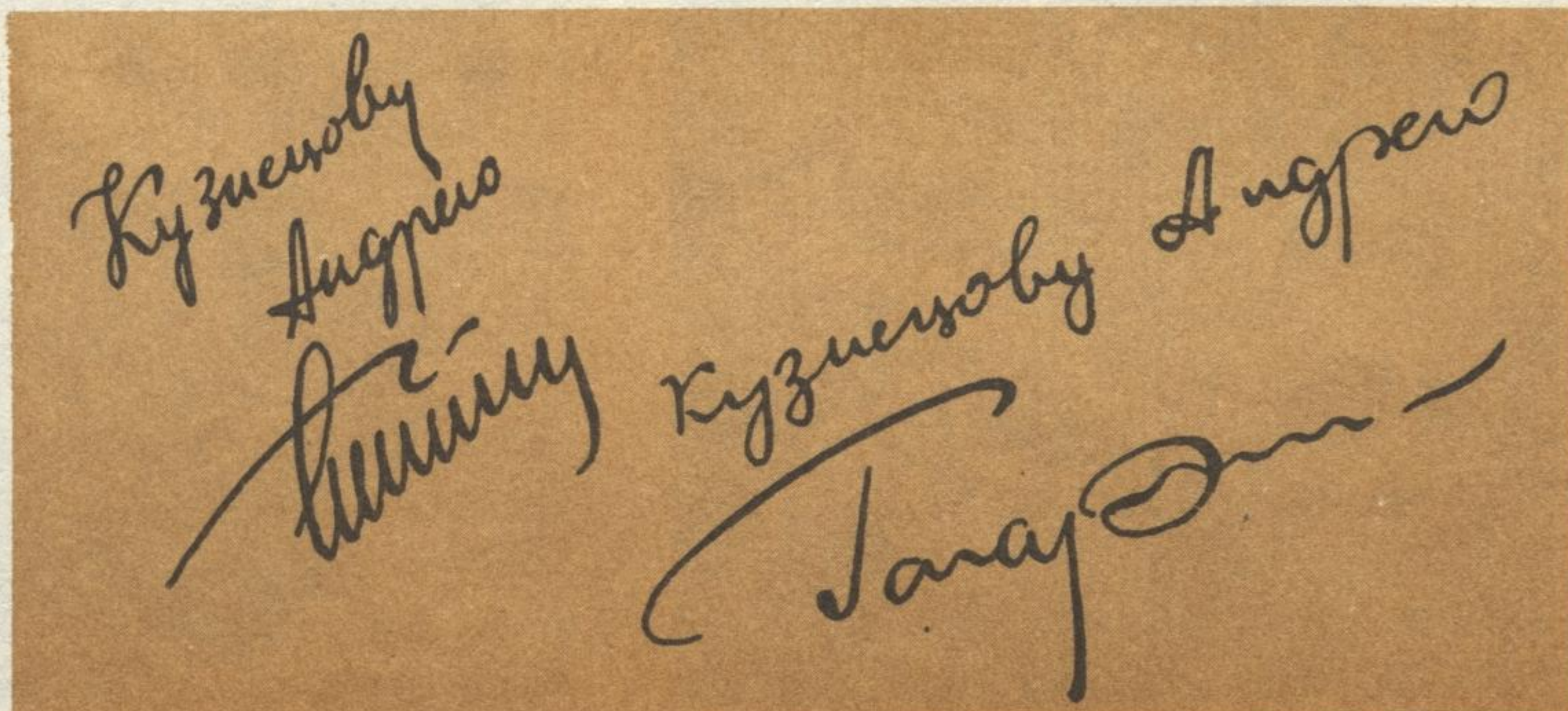
*Он командир, он смотрит на экраны,
Вселенная вокруг черным-черна,
Она полна коварства и обмана,
Загадок и опасностей полна.*

*Но человек, он для того и создан,
Чтобы в отсеках звездных кораблей
Стремиться дальше к неоткрытым звездам
И становиться лучше и умней.*

*И командир назад не отступает,
Он перед пультом, будто на часах,
Ракета мчится, и огни сверкают
В его бесстрашных голубых глазах!*

Марина Александрова,

7 класс, Ленинград

наледь

НАШИ КОРРЕСПОНДЕНТЫ НА БАЙКАЛО-АМУРСКОЙ МАГИСТРАЛИ

1

Утро было сиреневое, мерзлое. Вода в железной бочке в сенях гостиницы замерзла, вспучилась зеленым горбом. Верхушки зубьев Кодарского хребта ало пылали, освещенные солнцем. А вся Чарская котловина была еще в ночной тени, чуть разжиженной отблесками рассвета.

Чара под обрывом дымилась. То и дело пушечными выстрелами лопался лед. В шубах, в валенках, в огромных собачьих рукавицах мы стояли возле гостиницы, ждали машину и смотрели, как редющий сумрак насыщается солнечными искрами.

Наконец, мерзло взвизгнув скатами, из-за угла вывернул «уазик». Борис Иванович Цивалюк, начальник экспедиции, изучающей наледь, этого коварного и малоизученного врага строителей Байкало-Амурской магистрали, сидел в машине.

Нам, конечно, хотелось посмотреть, что же это такое — наледь.

И мы поехали. Голубой лед Чары был в белых снежных звездочках. Кое-где по льду ползли толстые зеленые языки — наледь. Над языками наледи висели искрящиеся облака пара.

Шофер свел осторожненько машину на лед, который мелко и противно стал потрескивать, а потом вдруг ахнул в отдалении с утробным гулом. Мы спешно полезли из машины.

— Видите звездочки? — сказал Борис Иванович, показывая под ноги. — Они означают — лед крепкий. По этим-то звездочкам и надо идти.

Шаркая подошвами валенок по зеркалу льда, будто на лыжах, мы осторожно пошли через реку. А «уазик» наш разогнался, рванулся через

жидкий язык наледи, завяз, разворачиваясь боком, взревел мотором, вырвался из зеленой каши и пулей вылетел на противоположный берег.

Мы вновь уселись в машину. Засыпанная крупным желтым щебнем дорога жестко трясла и подбрасывала «уазик». По сторонам стояла черная тайга.

— Хотите расскажу, как я впервые увидел, что такое наледь, хотя занимался наледями уже много лет? — спросил Борис Иванович.

Мы, конечно, хотели.

— Тогда слушайте.

2

Тында. Сопки, сопки серыми горбами. В котловине между сопками — лежбища серых домишек. Это и есть Тында. Это сейчас Тында стала городом и столицей БАМа. А лет пять назад — так, забытый всеми поселочек, глушь, задворки.

Итак, Тында. Аэропорт — кривая избушка. Там и диспетчерская, и отдел перевозок, и летный состав. Прихожу утром — вертолет загружен, надо лететь, забрасывать груз для экспедиции в Чару, то есть сюда.

Переминаюсь у вертолета, а холод жуткий. Поземка белыми хвостами метет по полю, ветер дерет лицо. Смотрю, идет Володя, пилот моего вертолета.

...Глянул я в иллюминатор — сопки бесконечные, одинаковые. Однако, вдруг взяло меня сомнение — что-то не то. Куда же мы летим? От холода я задремал. А когда проснулся, бросился к иллюминатору — вертолет висит над склоном горы. Четыре черные кляксы на снегу — вездеходы. Дымок костра. Четыре фигурки, то и дело падая, бегут вниз по склону, к усыпанной снегом

реке. Что за люди? Куда это мы залетели?

Тем временем люди сбегали на лед, стали квадратом, показывая, куда вертолету садиться. Вертолет подался за ними и сел, не гася, на всякий случай, винта, лопасти которого подняли тучи снега.

Лед оказался крепким, и Володя погасил, наконец, винт. Я открыл дверь и спрыгнул на снег. Вся моя злость улетучилась, когда я вблизи увидел оборванных, черных, обмороженных вездеходчиков. Лица их были обмазаны предохраняющим против обморожения жиром. На жир налипла сажа, машинная грязь. Только по живым глазам можно было догадаться, что это за люди.

Оказалось, что это те самые легендарные вездеходчики, что идут первыми через сопки и хребты по направлению к Чаре. Им забрасывают по воздуху продукты, горючее, запчасти.

Мне все стало ясно с первого взгляда. Я залез в вертолет и стал сбрасывать на снег предназначенные для экспедиции продукты.

«Вы, — говорит пилот, — насколько мне известно, прибыли на БАМ, чтобы помочь им, — показал на вездеходчиков, — в борьбе с наледями?»

«Да», — говорю я.

«Тогда пойдемте».

И мы полезли на гору, где высоко на склоне чернели машины.

Цепляясь за кусты, мы лезли и лезли. И перед глазами был только снег. Остановились, в глазах у меня постепенно прояснилось, и я увидел фантастическую картину. Прямо из промерзшего склона горы, из камней, широким зеленым языком лезла наледь, живая, дышащая. С тихим шелестом, с еле слышным ледяным звоном, эта каша, или, лучше сказать, студенистая масса (кста-

ти, по-якутски наледь называется «тары́н» — творог), так вот, этот ледяной творог медленно и страшно полз вниз. Ну, вниз — понятно. Поразительно то, что, миновав впадину и достигнув подъема, зеленый язык лез по горе вверх. Над дышащим студнем наледи, словно белая овечья шерсть, висела кошма тумана. Попавшие в наледь кусты натужно гнулись и дрожали от напряжения. Один из вездеходов, весь до нутра промороженный, в жестком, будто железном, инее, нелепо развернувшись, стоял среди наледи. Зеленый, шуршащий студень, не желая обойти машину, лез через гусеницы, почти незаметно подталкивая и подталкивая вездеход к обрывистому склону...

3

Борис Иванович замолчал, глядя перед собой на черные

мрачные сосны, плотно стоящие по краям свежей, еще не спланированной грейдерами и не укатанной катками дороги.

— А что же дальше было? — спросили мы. — Вездеход-то спасли?

— Спасли, — как-то нехотя ответил Борис Иванович. — Стоит человеку поесть, отдохнуть, и у него начинает работать мысль... Так и там было. Спасли вездеход... Тут другое, — добавил он помолчав. — Я, специалист по наледям, ничем им помочь не мог...

И Борис Иванович рассказал нам, что наледи — одно из самых малоизученных и таинственных явлений нашего времени. Американцам пришлось заново сделать пятьсот километров шоссе на Аляску: дорогу местами срезала, местами перехлестнула наледь. И для того-то и приехали сюда Борис Иванович и его экспе-

диция, чтобы понять — как бороться с этим врагом.

Лес тем временем по бокам дороги исчез. Мы ехали среди поросших редкими кустами марей — болот на вечной мерзлоте. Из-под снега торчали желтые хвосты высокой болотной травы.

Уже к вечеру с высокой горы, склон которой обвивала дорога, мы увидели огромное ледяное поле с извилистой голубой прожилкой посередине, и Борис Иванович сказал, что поле — это наледь, а голубая прожилка — река Мурурин. На берегу, у края ледяного поля, между соснами наблюдательный пост экспедиции — избушка, летняя кухня, сарайчик.

Подъехали, вылезли на скрипучий, ярко искрящийся под солнцем снег. Из домика выскочил паренек, скорее даже мальчишка, в легком свитере, представился: «Коля».

Минут через пятнадцать мы уже пили чай. В окно было видно ледяное поле.

...Попив чая, мы на «уазике» выехали на ледяное поле. Оно было похоже на гигантский голубой каток. Кое-где виднелись желтые холмы снега. Машина резко уходила в сторону, когда подо льдом показывались извилистые, проточенные водой ходы.

Через ледяное ложе, которое прорыла река Мурурин, были переброшены кое-где ледяные мосты. Иногда река вообще уходила в толщу льда. В обе стороны от прорытого во льду русла расползлась парящая, густая зеленоватая вода. Машина остановилась. По подмерзшей пороше, по горбатуму ледяному мосту мы осторожно перебрались через реку, вышли на берег, в лес. Но и здесь всюду под снегом была вода. Следы от наших валенок немедленно заполняла ярко-желтая ленивая влага.

Повиляв по затопленному лесу, мы добрались до естественного, зажатого нормальными берегами, русла реки, где стоял квадратный сруб — «колодец». В нем был укреплен самописец для постоянной фиксации уровня воды. Еще был домик, точнее, одна лишь крыша — «шалашик», где регистрировалась скорость течения.

Гидрологи сделали необходимые наблюдения, и через затопленный лес мы пошли обратно, пытаясь понять, как же все-таки такая маленькая речка, а также два впадающих в нее ручья — Малый и Большой Крокодил — сумели нагромоздить такое гигантское поле льда.

— Это и есть загадка природы, которую мы должны разгадать, — сказал Борис Иванович. — И кое-что мы уже поняли. Поняли главное, что наледь не только враг, но и друг. Вот эта, скажем, гигантская наледь, — он движением руки обвел убегающее к горизонту ледяное поле, — подтаивая летом, регулирует сток реки Чары, питает ее водой. То есть, другими словами, с

наледями нам предстоит не столько бороться, сколько понимать их характер, с ними сосуществовать.

4

В поселок Чара возвращались поздно. Ночь была морозной, звездной. Свет фар то и дело упирался в стену мертвого леса. Осторожно мы спустились к реке Чаре. Ее было не узнать.

Треск и гулкие пушечные удары прокатывались по всей слабо белеющей во тьме реке. У нашего берега тянулась бесконечная живая, пульсирующая широкая полоса. Наледь, шипя, ползла по льду, зелеными языками вползала на берег.

На том берегу, очевидно, было то же самое, потому что виднелись темные пятна машин, слышались тревожные голоса, свет фар то и дело бил в как бы живую, шевелящуюся реку.

Борис Иванович выломил длинную жердь, походил, потыкал ею в шипящее мокрое месиво. Конец жерди мгновенно обледенел.

На том берегу вдруг произошло какое-то движение, огни фар попятились, одна из машин задним ходом подавалась подальше от реки, на срезаемый бульдозером обрыв, затем взревела мотором, ринулась, из-под колес взлетела в обе стороны густая вода. Надсадно воя, тяжелая грузовая машина рвалась через наледь. Но та схватила ее в свои студенистые объятия, и машина как бы вязла. Она на глазах теряла скорость. Наконец, лениво развернулась к нам боком, стала, мотор заглох.

Темная фигура выскочила на подножку, прыгнула прямо в ледяной творог, провалилась по колено, плеснула из ведра чем-то в колеса (Борис Иванович сказал — бензином), вспыхнул факел, ткнулся в облитые бензином скаты, и машина сразу вспыхнула, охваченная мотающимся жадным огнем. Нам показалось, что шофер сошел с ума. Но Борис

Иванович объяснил, что наледь «схватила» тормозные колодки, потому-то машина и стала. И теперь шофер пытается выжечь, растопить лед.

Между тем, шофер бросил факел, с трудом влез — на каждой ноге у него намерзло, наверное, по пуду льда, — в кабину, машина рванула, выскочила, мотая огнем, из наледи, перескочила чистую середину реки, ухнула в наледь у нашего берега и замерла. Шофер высунулся из кабины. Дело безнадежно: колеса целиком погрузились в наледь.

Мы уж подумали, что эту машину бросят и все, что на том берегу, вернутся в поселок, огни которого слабо виднелись сквозь висящий над рекой туман. Но вот вторая машина точно так же разогналась, ринулась через реку и ухнула в наледь рядом с первой. За ней — третья, четвертая, пятая, которая почти до нашего берега гнала перед собой вал творогообразного льда. Шестая воткнулась на ходу носом в промоину. И дико торчала задраным кузовом в шуршащей, тревожной темноте.

Нам показалось, что это все бесплодные попытки прорваться через реку. И так уже шесть машин чернели, вмерзали в дышащий лед. Но седьмая машина прорвалась. И сразу же попрыгали в ледяную кашу шоферы, потащили на берег через наледь стальные тросы. И прорвавшаяся на сухое машина стала выдергивать из ледового плена собратьев.

Было страшно смотреть, как в ночном ледяном крошечке, обмерзая льдом, возятся люди.

— Вот так дается нам Байкало-Амурская магистраль, — сказал Борис Иванович. — Ну что ж, кажется, наша очередь? — Он посмотрел на нас вопросительно.

Мы молча влезли в машину. «Уазик» попятился, потом рванулся и, взметая брызги и осколки льда, вонзился в зеленую купель...

Герман БАЛУЕВ,
Александр ГОСТОМЫСЛОВ

Этой зимой вновь в редакцию (уже в третий раз!) съехались со всей страны молодые писатели, те, кто пишет для вас, ребята. На семинаре (а такие собрания называются семинарами) читались рассказы, стихи, сказки. И вот с этого номера мы начинаем печатать лучшие из них. Если рядом с фамилией автора увидишь нарисованное перышко, знай, автор — участник семинара.

Деревья

РАССКАЗ

Валерий ЗОЛОТУХА

Наши отцы были шахтерами. Тогда, в детстве, казалось, что они всегда жили здесь и всегда были шахтерами, а потом появились мы, чтобы видеть это сероватое небо, укрывшее собой, словно добрыми ладонями, нашу серую землю, наши дощатые дома и бесчисленные острые вершины терриконов, чтобы дышать кисловатым, с запахом жженого угля воздухом.

Но не всегда наши отцы были шахтерами, у них было свое детство в брянских и калужских деревнях, а сюда, в Подмоскovie, они приехали сразу после войны, чтобы строить шахты и работать на них, добывать уголь, обогревать города.

В нашем двухэтажном доме, обитом выцветшими и посеревшими от солнца, дождей и серой угольной пыли досками, было двенадцать квартир, и в каждой был свой отец и работал он шахтером.

Работа в шахтах не останавливалась, и отцы наши работали то в первую смену — с утра, то во вторую — с обеда, то в третью — в ночь.

Если отцы работали в третью смену, в доме и возле него днем наступала тишина. Тогда было легче оторваться от дома и податься куда глаза глядят, даже туда, куда ходить запрещалось строго-настроено — на городскую свалку, километрах в двадцати от нас. Походы обязательно заканчивались драками с местными пацанами, которые законно считали свалку своей.

Но мы почему-то никуда не уходили, а слонялись без дела по двору, без конца заходя домой, то попить воды, то спросить что-нибудь у матери. Когда пили, кружки почему-то обязательно гремели по ведру, и матери, ругаясь шепотом, в который раз выгоняли нас на улицу.

Если отцы работали в ночную смену, днем они спали.

Но однажды они не легли спать... Лежала на земле теплая осень и лениво и ласково гоняла в прозрачном воздухе паутину. Отцы как-то быстро и незаметно собрались вместе и пошли по дороге, по которой мы, пацаны, ходили чуть не каждый день: сначала по линии, а дальше по длинной чужой улице, где стояли дома — к старой тополиной посадке. В той посадке играть было неинтересно — деревья слишком большие и редкие, чтобы в них прятаться, но маловаты, чтобы по ним лазать.

С лопатами в руках, отцы походили по посадке, выбирая деревья. И, выбрав и поплевав на руки, начали копать. Никто не разговаривал, и мы стояли кучкой и молча смотрели. Ветра совсем не было, а солнце грело, как в августе. Отец остановился, снял рубаху и остался в синей майке.

— На, поддержи, — сказал он.

Я подбежал и взял рубаху. Это была старая отцова рубаха в клеточку. На спине она была мокрая от пота и пахла отцом. Я закинул рубаху за спину и подошел к пацанам. Они смотрели на меня.

— На-ка, Сергей Петров, поддержи, — улыбаясь, сказал отец Сергея. Он был веселый и часто при всех называл сына так, по фамилии-отчеству. Сергей торопливо подбежал и тоже взял отцову рубаху. Потом у всех оказались в руках отцовы рубахи.

Деревья были большими, и корни у них оказались глубокими, они цеплялись за землю своими корявыми, живыми и цепкими пальцами, не хотели из нее уходить. Все корни никак нельзя было выкопать, и тогда отцы стали их рубить лопатами.

— Ух! Ух! — ухали отцы. Деревья молчали, но вздрагивали...

Уже ничто не держало деревья в земле, и отцы положили их на края ям, воткнули в землю лопаты и закурили, отдыхая. Они курили молча, поглядывая то на деревья, то на нас, то просто вдаль, туда, где солнце уже приближалось к террикону.

Деревья были тяжелыми. Отцы помогли их взвалить друг другу на спины и, сцепив за ними ладони, понесли.

Деревья были тяжелыми. А чтобы быстрее донести тяжелое, надо быстрее идти. Они шли быстро, ни разу не остановившись, так быстро, что мы не шли, а бежали рядом. Каждый рядом со своим отцом. И я бежал рядом со своим, иногда забегая вперед, оборачиваясь и видел его напряженное лицо, вздувшуюся жилку на виске и капли пота на лбу. А за спиной его покачивалось целое дерево. Корявые его корни скреблись по земле, оставляя на ней дорожку, а над головой отца дрожали и испуганно шептались желтые монеты листьев.

Деревья были большими и тяжелыми, но они не могли упасть, потому что у отцов — крепкие руки, теперь у них, у деревьев, была одна надежда и опора — наши отцы.

Около дома, около каждого окна уже была выкопана глубокая яма. Отцы выкопали их еще вчера, и мы немного помогали. Они осторожно поставили деревья в ямы, вытерли пот с лица, вздохнули, и мне показалось тогда, что и деревья вздохнули. Матери уже наносили в ведрах воды и лили ее в ямы на корни. Вода пенилась, чернея от земли, а земля и корни пили ее.

Потом мы, пацаны, поливали их каждый день, а потом забыли, вспоминая их только иногда, когда спорили, чье дерево выше. Я всегда спорил с Сергеем, нередко дело доходило до драки, и нас разнимали и мирили то мой отец, то его.

Все до одного деревья прижились на новом месте, и кто родился позже, наверное, думает, что наши деревья выросли из земли... Но нет, деревья посадили наши отцы, я помню! Это самые обыкновенные тополя, другие деревья в наших местах не растут. Весной они роняют липучку, и тогда куры, которые вечно под ними суетятся, ходят как в лаптях, с липучками на лапах. Да и у нас на тапках, и на одежде, и в голове было полно этой самой липучки. А летом с тополей летит пух, как снег, и устилает все белым, и улицы становятся, как зимой.

Сергей МАХОТИН

НЕЛЬЗЯ СДАВАТЬСЯ

Я вечером иду.
Снег по лицу стегает.
Два брата на мосту
Меня подстерегают.

Им двойки — нипочем.
Их улица боится.
И с ними ни о чем
Нельзя договориться.

Они начнут без слов.
Они простят едва ли.
Лишь усмехнутся зло:
«Ведь мы предупреждали...»

Я молча сплуну кровь,
На братьев налечу я,
И не помогут вновь
Приемы, что учу я.

И огорчится мать,
Что поздно я вернулся,
И маме я опять
Скажу, что поскользнулся

И в тишине ночной,
Не проронив ни слова,
О девочке одной
Я думать буду снова —

Как нес ее портфель,
Как улица кружила,
Как белая метель
Нас чем-то рассмешила...

Все снова будет так.
Иначе быть не может.
Но мой недавний страх
Меня уже не гложет.

Я к черному мосту
Пути не изменяю,
Иду, а не бреду
И кулаки сжимаю.

БОЛЬШАЯ УЛИЦА

Дмитрий ВЕРЕЩАГИН

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

Рисунки А. Слепкова

Мама

По природе своей мать у нас здоровая. Она в дни дележки сена, например, как есть копна в пойме, так и тащит ее на двор. Вернее сказать, таскала, сейчас она не таскает, сейчас ей таскают уже. Пенсию. Валька таскает Гринина. Почтальонша. Моя двоюродная сестра, кстати сказать. А тогда было не так. Тогда, в дни дележки сена, сосед дядя Фетюшин завидит и ей говорит: «Машк, эт ты?» — «Я». — «А я думал, это к тебе стог сам идет». Насмешник покойник был. Но, надо сказать, мужик скупой. Тачка на дворе стоит без дела — и не даст. У нас, конечно, была своя, но что-то в тот день с ней случилось. С тачкой всегда что-нибудь да случится, в самый момент, когда нужна тебе позарез. И они, мать с Волькой, братом моим, таскали сено на себе.

Досушивал его на проулке я, ворошил и караулил скотину, чтобы бесперечь не лезла. И, понятное дело, между делом бегал искупаться на речку. И сколько там пробыл, тоже сейчас не помню, но вот прибегает на речку сосед и говорит впопыхах:

— У вас с матерью плохо.

И так он это сказал, сообщил торжественно, что я подумал: врет, поди. Это она его послала специально, чтобы я сено шел досушивать. Но домой, конечно, пошел. Тут, когда сенокос, время горячее, люди все сердитые, тут, того и гляди, за каждую минуту пустую получишь взбучку. Забегаю в дом. Действительно: она лежит, гляжу, на кровати и стонет. Не стонет, а я бы сказал — кричит: «Больно! Ой, больно!» Но, несмотря ни на что, соседка Манька Фетюшина говорит ей: «Ты держи, держи, баю, и будет лучше. Ты, главное, терпи: перетерпи — и тебе будет лучше». Но что именно она велит? Лед держать на животе. А мать и полминуты не держит: «Ой, хуже! Ой, убери, убери за ради Христа!..» И как она это говорит! Так, что мне хочется оттолкнуть Маньку от кровати и помочь чем-нибудь. Но вот мать сказала, что уже лучше: «Мне, Мань, лучше, лучше. Дай мне минуту хоть подышать». И Манька отступилась. И стало мамке лучше. А вот уж она и смеется: «Эх, как человек устроен! То не болело, не болело нигде, то вот на тебе. И хотя бы не самый сенокос, а... ой, господи... за какие грехи... ой! ой! ой!» И опять, опять ей хуже. До того стало хуже ей, что крик ее был слышен мне от конюшни, куда мы, я и Волька, побежали за лошадей, чтобы срочно везти ее на Вьясс. Это решил Николай Иваныч, наш фельдшер.

Николай Иваныч написал конюху записку, и

мы с этой его запиской побежали на конюшню. Конюха там не было. Волька оставил меня дежурить, ждать на случай, если появится, а сам побежал искать, где только можно. И пока я стоял на конюшне, мне было слышно, как мать кричит.

Короче сказать, увезли ее, нашу мать, на Вьясс, в больницу. Сопровождающими поехали Николай Иваныч и Волька. Меня не взяли. Мне она сторожить наказала дом. И сено собрать все в одно место: в копну. «Если, — сказала она, — не совсем высохло, то завтра его маненько раструси и до обеда, если будет солнышко, дай подышать. Но смотри, как калякаю я, сде... ой! ой! Поехали!»

Я все, конечно, исполнил, как мне было велено и даже больше: встретил Жданку от стада, загнал во двор, напоил, принес сена с проулка и даже хотел сам подоить. Но она не далась. Она и соседке с большими уговорами дала себя: я, пока Манька доила, скормил ей целое ведро картошки. И она мычала. Даже ночью: выйду во двор, а она в тревоге. И мне казалось: это она мамку кличет. «Она, Ждана, ты не беспокойся, не приехала еще. Мама поехала на Вьясс по делам». И так мне, признаться, горько было, что, кажется, я тоже всплакнул. Стыдно признаваться, но когда Волька вернулся поздно ночью домой, он меня чуть не отлупцевал за это. «Прекрати, баю, скулить. И так тошно».

Наутро печь не топили. И оттого еще хуже было на душе — все бередило ее: куры квохчут, поросенок визжит, ярка блеет. Ее, ярочку, Манька второпях забыла на дворе, когда со двора всех сгоняла, и день-деньской она: бе-э! Все нутро насквозь проблеяла. А тут еще Волька ругается, что у меня из рук все валится. Как хорошо было, когда мать управляла домом, а не он! У него ничего у самого не получается, а я виноват. Во всем, во всем — я ему мешаю: он станет выносить помои, споткнется в дверях, разольет — я виноват. А зачем навстречу шел? Или рядом стою с ним — зачем стоишь? Даже на ногу когда мне наступит Волян — я виноват.

Но что особенно удивительно: как у матери все получалось само собой в доме. Ни у нее куры не квохчут, ни у нее поросенок, ни ярка не останется. Вернее, может, и у нее все квохчут, ну так и что: квохчут, и пусть себе. Этого и не замечаешь. То есть замечаешь, но придаешь этому значения ровно столько, сколько комару. И все прекрасно ладилось. А тут: что ни час — все в доме идет кувырком. День один прошел, а дом стал наказанием. И такой тоской все в нем задышало! И если бы в доме только, а то и вокруг все немило — и пойма, и лес, и река. Я попро-

бывал искупаться — не купается. Постоял, постоял на берегу и поплелся домой.

А когда настал вечер, собрались бабы на бревнах.

— Мить, ты в фуфайке, ай те холодно?

— Да, — тоненьким голоском им отвечаю. И слышу:

— Да, бабы, скрутить может человека в одночасье. Машка вот думала, сто годов будет такой, а вот как получилось.

— А чего?

— Ну, чего: загнулась. Орала, индо на себе все до костей разодрала. Кричала: ой, вот тут, вот тут у меня нож. Дайте, баит, я лучше зарежусь — как орала. А ить тоже ей вчерась калякаю: Машк, да, чай, ты не по стоку таскай. Ай тебе не будет перетаскать время? Ну тя, баит, Дуняша. Неколи мне с тобой.

— Двужильная была.

— А вот загнулась.

— Это ее дом еще подкосил, а не сено. Ну-ка, одна баба без мужика отстройся. И железом покройся. Вот чего ее подкосило. Мить, на, иди, зернышков. Калены. Не хочешь? Да, бабы, чего они одни без нее будут?

— Да чего? Одного в приют отдадут, а второго, может, кто возьмет...

И я побежал домой. Что у меня на душе делалось — не спрашивайте. Дожил. Еле-еле дожил я до утра. А утром раненько собрался на Вьясс, в больницу. Все помню сейчас: и то, как меня перевез через зимник Мишуня на лодке, и то, как бежал по утреннему бору. И вот выхожу я из бора. И вижу Вьясс. Кроме этого слышу лают собаки. Кобели... Вон он! Аж цепь готов сожрать железную. Волосы у меня встали дыбом. Иду. Прямо все время и стараюсь ни левой стороны, ни правой не замечать.

— Мальчик, иди, иди, он тебя не тронет.

Иду. А тронет, так что же. Все одно, я чувствую, не этот, так следующий тронет, сожрет. И как лягушку заглатывает змея, так заглатывает меня Вьясс собачий. Собачий! Это вот очень точное слово для него. Сколько собак во Вьяссе! В каждом дворе собака, под каждым крыльцом рычит. А там, где не под крыльцом она, жди, значит, с другого крыла вылетит, и хорошо еще на цепи. Эту собаку на цепи слышно, а эта: «Ав! ав!» — из-за угла она. Причем которые бегают по проволоке — у таких до другой стороны улицы цепь, а там, в свою очередь, тоже собака. И тоже с пеной у рта мечется.

— Мальчик, иди, иди, она тебя не тронет.

Да пусть тронет. От меня и осталось-то всего ничего. Скорее бы уж конец. И одна — бежит. Но, сразу скажу: виляя хвостом. Эта подбежала ко мне и... я замер. Гляжу: она тоже. Я протянул руку, чтобы она с дороги ушла, а она — повалилась на спину. Вот это уж наказание. Вот это как раз и есть конец мой самый последний. Мама, мамочка! И только я произнес про себя это — как молитву, — она, собака, встала и, виляя хвостом, убежала прочь. И, слышу я, тихо. Все собаки как умерли сразу.

О, братцы, какое слово — мамочка!

Только благодаря этому я добрался до больницы благополучно.

Но вот по двору больницы идет тетя. Она в белом. Надо у нее спросить.

— Теть, а где наша мамка, не знаете?

— Знаю. Только ты скажи мне сначала, как твоя фамилия.

— Верещагин.

— Вон окно то видишь? Она в той палате.

И гляжу: она. Стоит около окна и мне машет, машет. Окно темное, и за ним нельзя ничего разглядеть, но я сразу разглядел. Родное лицо. Мамкино лицо. Секунда — и окно распахнулось. И... вот уже посыпались стены. Но они посыпались не на землю, а в небо. Стена вознеслась в небо. А мать, слышу, говорит:

— Ты погляди-ка: он целоваться умеет! Ты аль любишь меня?

— Да. Вот как!

И все. Как только мать услышала, что я ее люблю — да еще, оказывается, так! — она сразу выздоровела.

— Ой, Нина Михайловна, я здорова, здорова, здорова. Давайте отпускайте меня домой. И дети у меня там без меня, и сенокос. Отпускайте или я сейчас убегу.

— Ну, что с тобой, Верещагина, делать. Собирайся. Но если опять будет приступ, если у тебя камни...

— Ой, да нет у меня ничего.

— Ну, хорошо, Мария. Но если с тобой будет приступ — не стану оперировать. Да, вот что! Если приступ — ни в коем случае лед не прикладывай. Тут, напротив, надо горячее. Как мальчика зовут?

— Митя.

— Хорошее имя. Иду выписывать.

...И вот уже мы идем домой. Я веду мать за руку (сроду не брал ее за руку!), а в другой руке держу я узелок. Там, мать говорит, котлеты. Ладно... Мы, как выйдем за Вьясс, мы этот узелок развяжем. Эх, скорей бы уж пройти его, собачий Вьясс. Но, надо сказать, когда шли по Вьяссу мы с матерью, я собак уже не боялся. Больше того: когда шли с ней мимо того кобеля, который меня чуть не сожрал, я нагнулся (как бы за палкой), и он спрятался в конуру. А, говорю, кобель. На цепи ты привязанный. Испугался, спрятался сразу. Вон, наконец, кордон. Около досточки «Берегите лес! Лес — наше богатство!» сели, чтобы поесть на скорую руку. И с каким удовольствием я молотил котлеты! Они мне показались настолько вкусными, что и ныне, когда мне предлагают меню, я говорю не глядя: котлет мне, пожалуйста. Хорошее, вкусное блюдо — котлеты. Сейчас, правда, я съедаю за раз не по столько, сколько их съел тогда, не по числу годов, а тогда, у кордона, по числу. Шесть штук. И, съев шесть, я спросил у матери:

— Мам, а сколько в больнице дают их на ужин?

— Одну.

— А что же в обед столько дали?

— Мне на кухне наложили. Мальчонку, скажали, хоть покормишь дорогой...

И вот мы идем домой. Последнюю котлету я положил в карман для Вольки; а платок, в котором были они, мать отряхнула от крошек и повязала на шею себе. На ногах у нас ничего нет. Чай у нас ноги не казенные, летом еще казнить их обувкой.

Мы шли, шли, и вижу впереди себя: зима, чуть выше соты, и роятся пчелы. Да это же — вижу сквозь сосны — песок! Берег Суры нашей! А соты и пчелы — это норы и стрижи! Это наш берег! И я уже дома сердцем. И как оно затуктукало сразу!

И чем ближе мы подходим к воде, тем ближе, виднее лодка и в ней... Мишуня!

— Дядя Миша-а...а!

Ой! Тратата! И вприсядку: и-их-ха-ха!

Плывет, братцы, плывет! Но как, вот как тут мне дожидаться? Пока, пока, пока плывет. Их-ха-ха, мамка, да? И вдоль берега. По тугому песку я. Птица. Птица я. Ой, сколько птиц! Стаи. Задыхаюсь. И душа моя — Сура. Слышно: «Пить... пить...»

Пигалицы пить просят. Наши чайки на Суре просят. А стрижи из своих нор — сссс! — со свистом к нам. Ой, скорее, скорее, дядь Миша-а! Хромой весь ты и медлительный. «Да што нога, робяты. Я боялся на фронте не за нее, а што не доведется на Суре покурить...»

— Садись, курортники. Ишь, Машк, как повеселел парень: уши-то вон двигаются опять, а утром, когда перевозил, тоска была глядеть на него. И картуз вот у меня в лодке оставил. Ты, меж прочим, говори Вольке, когда с утра убегаешь из дома. Он про тебя подумал, што ты топитца побежал с утра ранеханька и... Он те задаст вот дома...

Не задаст.

— Да, мам?

— Чово?

— Волька меня не изобьет ведь?

— Не знаю. Ой, стога все уж сметаны! Айда-ка вот, поглядим. Цела ли наша копна? Ой! Стоит, слава те господи, целая.

Это мы уже в пойме. В нашей пойме.

— А наше звено вон убирает. Все, все люди работают, все. А я одна прохлаждаюсь. Айда скорее. Шас за копной поедим. Поедим и поедем. Не завтра, а ноня-а. Завтра... вон уж бабы в коноплях... будет мне завтра.

Началось. Хоть домой не ходи с ней, так опять работать неохота мне. Прямо с нашей мамкой не жизнь, а... не знаю даже, как сказать...

Изба

Старую избу сломали быстро. Мы, помню, с Витькой Додоновым проводили коров в стадо с полудника и бежали обратно, чтобы глазеть, как ее будут ломать. Как вдруг видим с Поповой горы, что крыши уже нет. Уже изба наша стоит без крыши! И пыль по всему нашему проулку. Это уже землю сбрасывают с потолка! Я, подбежав, нырнул в пыль. Как в облака! И вот я шарю дверь в сени. И вот я нашел ее. И вот я в сенях.

И — чудеса какие! — небо. В сенях, где крыша была — небо. Ныряю дальше — в избу. А там — еще чуднее. В избе, над головой у меня, ходят великаны и, слышу я, говорят: «Д-давай! П-поднимай!» Вдруг сквозь щель посыпалась земля. И мне в глаза. И пока я тер, пока я к носу глаза тер, как гляжу — уже надо мной — небо. Как в сенях! Даже лучше, ближе оно! Руку я протяни и, кажется, она уже на улице!

Но это еще ладно. Вы не знаете еще, что было дальше, когда сломали потолок и стены. Когда их сломали, печь наша оказалась на улице! Печь, матушка, на которой я спал зимой в морозы и, спасибо ей, кормилице, не замерз ни разу, теперь она на улице! Каково? Бывало, залезешь на нее и видишь стены. А это: ступишь на первый приступок — огород видать. На второй — гумно и речку. А когда поднимаешься на самый верх — все село наше и пойма...

А жили мы, когда строились, на погребнице. Стол там у нас стоял и кровать. Еще которую отец нам сделал до войны. И какую хорошую, надо сказать, он сделал кровать: мы спали на ней втроем. А когда Витька Додонов оставался у нас ночевать, вчетвером даже на ней мы помещались. Ну и конечно, там мне нравилось, на погребнице: спишь ночью, как вдруг — «кукареку!» — петух горланит. До того жабанил громко петенька, что потом, когда он весь истощится, в ушах еще долго звон стоит.

Но не петушиное «кукареку» меня будило, а строительство. Строительство избы меня будило! И как рано: только плотники придут, только слышу я: тук, тук! — топоры застучали — как уже я встал. Выхожу на проулок через двор — и:

— Че, хозяин, контролировать встал нас? — спрашивает у меня Яян.

И он был прав. Я вставал контролировать! Потому, мне казалось: не стой я рядом, он чего-нибудь не так сделает. К тому же и сосед, дядя Фетюшин, меня о том же предупредил: «Он те срубит избу! Ты вставай кажняй день поране и следи за им, как он топор в руках держит». И я вставал пораньше. И как выйду на проулок, где они, плотники, рубят, то уж все, больше не сдвинусь я с места. А буду стоять около них весь день и контролировать.

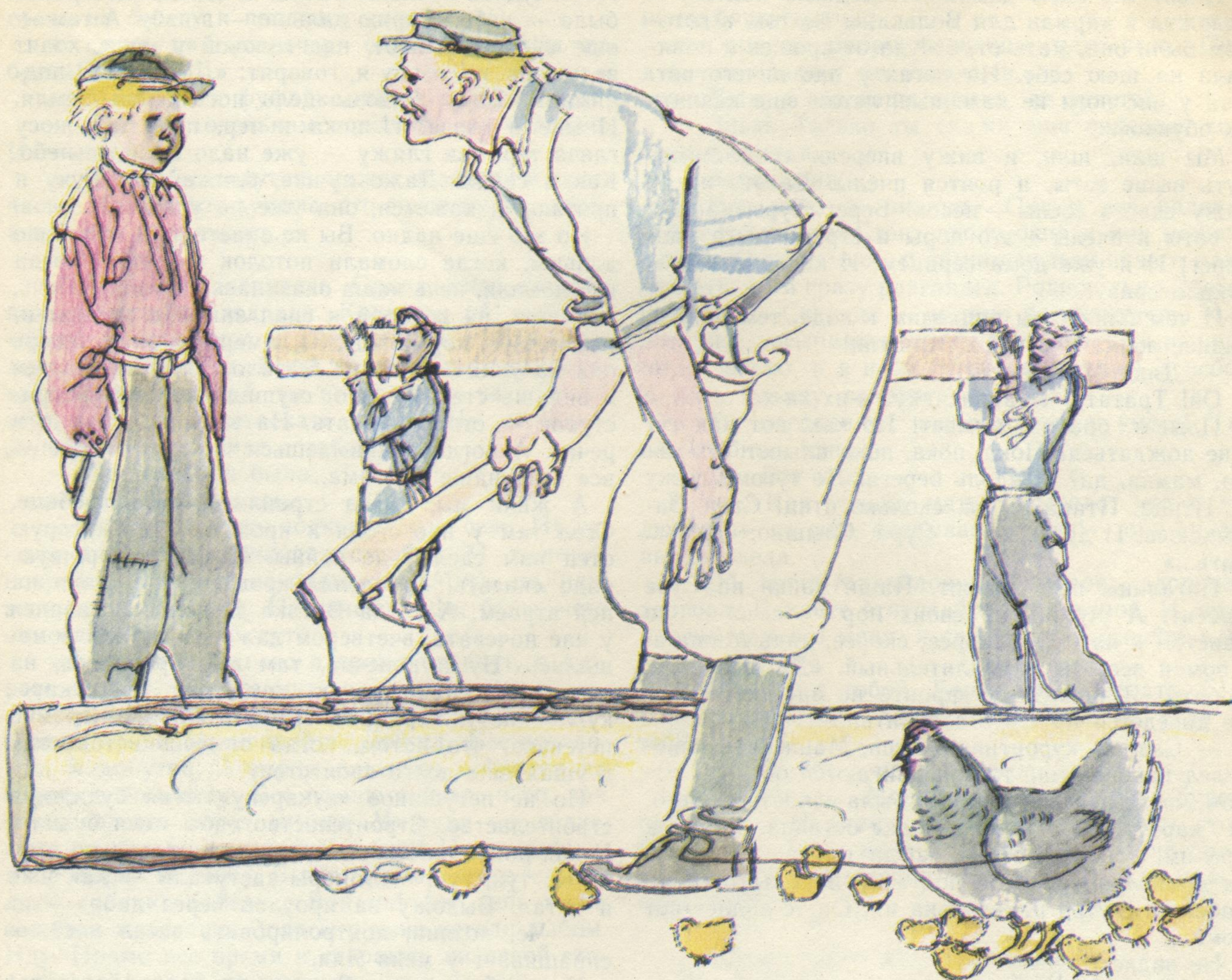
Стою утром рано, ног своих не чую на росе. Наблюдаю!

Нет, я, как бы даже сказать, и не гляжу в их сторону, а при этом все вижу. И когда у Яяна топор ковырнет чуть поглубже линии, отбитой шнурком — так сердце и захолонит у меня сразу: ой, испортил!

А вот за Софрона, между прочим, я душой спокоен. Этот точно шел по линии. И при этом: если у Яяна рубашка, глянешь, мокрая на спине, у этого, подвязанная пояском с кисточкой, она сухая. А бревно ошкурит он намного скорее. Яян, пока ошкуряет, сколько раз он отвернется в сторону и нос свой выбьет! А Софрон, пока не пройдет все от края до края, спины не разогнет.

Но вот он прошел все бревно до конца и выпрямляется. И говорит: «Опять ты, Митька, штаны порвал!»

Я смеюсь. Потому что Софрон хороший. Он шутит.

Он мне очень нравился. Софрон. И вот чем именно.

Вот, скажем, такой пустяк. Со двора на проулочек выплывает барыней клушка. За ней и впереди ее бегут цыплятки. Желтенькие и такие шустренькие, что пока я смеюсь над Софроном, они там и тут. По всему они проулочку рассыпались! Как вдруг:

— Пи, пи!

Это Яян придавил одного. Придавил Яян, а я виноват.

— Ах, такой-сякой! Что ты стоишь и рот разинул! Гони их с проулочка, такой-сякой!

А Софрон и не наступил бы никогда, он — когда уже цыпленочек ногу ему клюнет — возьмет его осторожненько и отшвырнет чуток в сторону.

Ничего его не раздражало!

Но дальше, дальше.

И вот мы уже бревна ставим. Старые — сгнившие — мы разрыли и вынули из ям удавкой. А новые — дубовые, толстые — ставим. Вот спустили их мы в ямы и пошли набирать кирпичей, чтобы посильнее, потверже утрамбовать вокруг них грунт. Вот все бегут бегом, чтобы первому

бросить кирпич в яму. Витька Додонов, Волька, Колька Жарсенин, Колька Капитан и я. Я самый последний. Меня все обошли. И я не знаю, что мне делать! Стою. Как вдруг:

— Стойте, — говорит Софрон. — Первый кирпич должен бросить Митька. Он в семье самый младший, и он должен первым его бросить. Это такое правило.

Как я люблю такое правило: когда самый младший в семье должен бросить первым кирпич!

— Вот кому в этой избе быть теперь хозяином! — хлопая меня по плечу, говорит Софрон. И все.

С этой минуты, с этого часа новая изба делается для меня. Она делается моей совершенно. Но почему она так долго строится? Вот бы сразу она выстроилась! Как хочется мне, чтобы она выстроилась враз! Чтобы не жить на погребнице. Это же не дом, а погребница. Не хочу жить я на погребнице. Не хочу я с курами ночевать больше. Я нынче, сегодня же в новой избе буду спать!

— Ма, я буду спать вот тут. Нынче. Я домового не боюсь. Его нет!

А он, домовый, представьте, был рядом. Он все до словечка слышал и меня наказал за это. И вот как наказал.

На другой день плотников взяли от нас в колхоз. Коровник заставили их чинить. И несмотря на то, что я ходил за ними на дню по нескольку раз и звал их к нам, они не шли полмесяца.

Целых полмесяца!

Ой, кто бы знал только, как это долго.

Вот что значит домового обидеть!

Наконец пришли они снова, плотники. И не знаю: изба подошла, как подходит в квашне тесто, она выросла на глазах. За один день мы положили все венцы на место, на мох. Вернее, не все, верхних-то два венца не успели положить; но все-таки уже это, знаете, изба. И тут уже ты не удержишься. Заберешься на верх самый и оттуда скажешь:

— Больше ничего не надо! И так высоко!

На другой день доложили верхние венцы и, кажется, потолок весь настелили. И когда все сделали, я сказал Софрону, что в ней и такой уже можно жить.

— Как? Без стропил?

— Да.

— Да это сундук будет, а не изба!

— Ну, а все же можно в ней жить?

— Ой, господи! Да потерпи ты, потерпи еще немножко! И будет дом! Ну, говорю тебе, будет! Ну, ладно, я Софрону верю.

Эх, до чего же, братцы, здорово, когда стропила ставят! То была изба сундуком, а это — со стропилами! — она не сундук уже, а дом настоящий!

И с верха крыши стало видно: огороды, пойму и даже Суру.

А там, на Суре, ребята купаются. Здорово! Я Вольке кричу снизу:

— Воля! Тебе на Суре видно ребят?

А он:

— Не. Очень плохо. Почти что не видно...

Но это он меня обманывает! Не может быть, что с такой высоты Суру не видно.

А я внизу. Я всегда, всегда я внизу. Где мусора много, щепы и бревен. Такова уж моя, видно, судьба. И надо мне караулить. Ведь можно растащить дом по щепочке? Люди, что мимо шастают туда-сюда, берут вроде бы только себе на разжигу. А все-таки растаскивают...

А у нас еще и сени стоят без стен. И чужие люди идут к нам напрямик через сени. А вот когда будут стены, не больно они походят напрямик! Софрон мой говорит, что он такие сделает стены, что ни один вор к нам не заберется! Но когда это еще будет? Ведь все, кому только не лень, ходят напрямик. Даже когда скажешь:

— Не ходи тут. Иди через дверь.

— А какая тебе разница?

— А такая! Вон коза глядит, как мы ходим, и она сейчас тоже полезет! А мне надоело ее гонять. И...

— Чово?

Ну, как тут объяснишь, что напрямик через сени не дело ходить? И что... когда даже жук пролетает через них, думаешь: а вот если бы стены были, то бы пролетел?

Но вот уже крышу покрыли жостью. И в этот же день пошел дождь. Просто как по заказу он: сильный, проливной. И мы все, сколько нас глазело на проулке, как Лелюня докрывает крышу, заскочили в избу скорее. И — какая была минута! — в избе, где в дождь блюда у нас плавали — сухо. Бывало, когда вернешься из леса с грибами, притулиться в избе негде — так текло отовсюду. Как под решетом мы жили. А это: забежали мы с проулка: а в избе сухо. А нам — даже не верится.

Я выбегаю из избы в сени, и... Шумит дождь. Как по крыше лупит!..

Но — и в сенях сухо! Крыша шумит.

И, братцы, как это приятно: стоять в своей избе и сознавать: ну, теперь можно пожить спокойно!

А вообще, что значит спокойно? Не то слово. Радостно, а не спокойно. До того радостно, что я — держите меня! — плясать пустился. Плясал, как я плясал! Мать с Волькой плясали или нет, я сейчас уж не скажу. Но, пожалуй, что плясали.

Конечно, плясали.

Ой, какие нарядные нам сделал Софрон наличники! Он сделал их нам за полцены. Мать не хотела делать их, или, говорила, как-нибудь на другой год, но Софрон сказал:

— Да что это, Машка, ты говоришь? Изба как изба. Стоит под железной крышей. И — без наличников? Нет, нет — нельзя так. Давай я тебе за полцены, а сделаю. Изба без наличников — дура. Не могу я, чтобы Митька в такой жил!

И сделал! И как мы их с ним повесили, приколотили к косякам, да отошли на расстояние, чтобы поглядеть: о, какая красота! Изба наша сияла вся, смеялась!

Но наконец готова и печь. И уже мать ее затопила. Мать затопила печь, а мы — печник, мать, Волька и я — стоим и ждем: задымит она или нет? Особенно ждем мы с Волькой. И почему мы ждем? Старая-то печь у нас дымила ведь до того, что мать нас утром будила. Ей казалось почему-то, что мы, спящие на ней, в дыму однажды задохнемся. И вот печь новая...

— Не дымит! Ура-а-а! Не дыми-и-ит!

Но что такое? Печник обиделся. Почему? Я, говорит он, такой одной печи еще не сложил никому, чтобы дымила. Эх, печник, печник, миленький и хороший самый, ты прости, прости, прости нас с Волькой за все. Но, голубчик, если бы ты знал: каково было на ней спать в дыму!

И вот. Вот уже я залезаю на печь. И пою песенку на мамкины слова:

— Хорошо лежать на печке, ножки в тепленьком местечке...

А мать с Волькой приколачивают в стену гвозди, чтобы на них повесить портреты родных. Вот Волька заколотил гвоздь крепко, и мать берет портрет отца. Протирает лицо ему полотенцем и с ним беседует:

— Спасибо, Иван Григорьевич, спасибо. Без тебя бы мы, Иван Григорьевич, не построились. Погиб ты у нас на войне, а помог хорошо...

СЛОВО ВОЖДЯ

Оно звучало, чтобы вскоре
Весь мир к нему душой приник.
Оно — маяк в штормящем море,
Оно — в сухой степи родник.
Да, слово Ленина вовеки
Звучит и делает Добро:
Мы поворачиваем реки,
Наследники мы ГОЭЛРО.
Напрасны недругов усилия —
Сильны мы и теперь, и впредь.
Нам слово Ленина —
И крылья,
И высота,
Чтобы взлететь!

СЧАСТЬЕ

Есть счастье у меня —
Высокое, как солнце,
Цветущее, как сад,
И теплое, как хлеб.
Без счастья мне не жить —
Окаменеет сердце,
Я сразу стану глух,
Я сразу стану слеп.
Но счастьем нет конца
Под ширью поднебесья!
Я потому крылат,
В глазах моих — весна.
Живу, как соловей,
Наполнив горло песней!
Есть счастье у меня —
Советская страна.

НЕЖНОСТЬ

У солнца — смешинки в прищуре...
Весна, расширяя размах,
К нам въехала лихо в Присурье
На солнечных рыжих конях!
Весну вековые дали
На Север зовут, за холмы...
Сосульки на землю упали,
Как редкие зубы зимы.
Во мне — неизбывная нежность:
Ходил я в присурском лесу, —
Для дочери первый подснежник
И солнечный лучик несу!

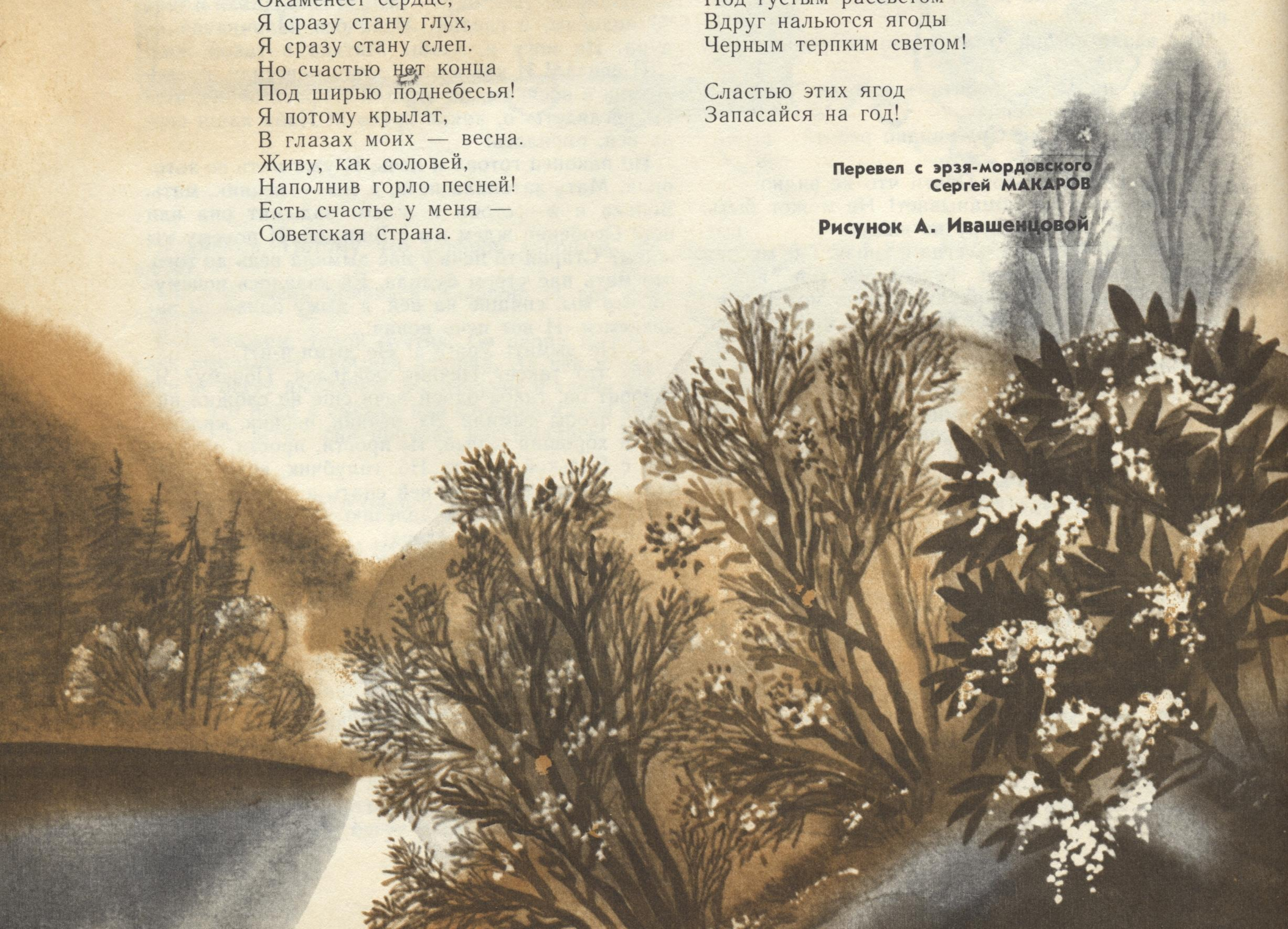
ЧЕРЕМУХА

Веток тихий трепет,
Лепестковый лепет...
По весне черемуха
Белая, как лебедь.
Встанешь с нею рядом —
Просветлеешь взглядом.
После, знойным летом,
Под густым рассветом
Вдруг нальются ягоды
Черным терпким светом!

Сластью этих ягод
Запасайся на год!

Перевел с эрзя-мордовского
Сергей МАКАРОВ

Рисунок А. Ивашенцовой

1941

СТРОКИ ИЗ ЛЕТОПИСИ

1945

Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ГОД 1941-й.

В ночь на 22 июля фашистская авиация пыталась нанести удар по Москве. Но самолеты противника были встречены нашими истребителями и зенитчиками. И только одиночки прорвались и сбросили на столицу бомбы. Возникшие пожары были быстро ликвидированы. При тушении пожаров отличились пионеры Женя Нefeldов и Володя Таллов. Они награждены медалью «За боевые заслуги».

Пионеры Залитской средней школы Псковской области Миша Капкин, Ваня Пикалев, Петя Соловьев и Володя Анашихин решили спасти от фашистов бюст В. И. Ленина. Под носом фашистского патруля они пробрались в поселковый клуб и спрятали бюст в надежном месте.

Подпольная комсомольская организация «За Родину» решила в ночь на 7 ноября вывесить над захваченным врагами селом Холмы красный флаг. Подняться на разрушенную пожарную каланчу вызвался пионер Володя Омельченко. И утром, в праздник Октября, жители села Холмы Черниговской области увидели красный флаг.

1942-й.

Пионеры Новосибирска провели сбор средств на постройку танка «Таня» — в память Героя Советского Союза Зои Космодемьянской.

За спасение жизни раненым бойцам Советской Армии и активное участие в партизанской борьбе с фашистскими захватчиками командующий войсками Западного фронта награждает медалью «За боевые заслуги»

Тоню Васильеву — пионерку села Хватово-Завод Смоленской области.

Рабочие фанерного комбината города Тюмени получили срочное задание — наладить производство деревянных футляров для противотанковых мин. На помощь рабочим пришли ученики 13-й начальной школы. После уроков они приходили на комбинат и работали. Был создан специальный «школьный цех». Школьному цеху за хорошую работу было вручено Красное знамя.

В городе Лихвине похоронен отважный пионер Саша Чекалин. Фашисты схватили Сашу в селе Песковатском, куда он пришел по заданию командира партизанского отряда. Перед смертью юный герой крикнул: «Всех нас не перевешаете. Нас много!» и запел «Интернационал». За героизм и мужество пионеру Саше Чекалину посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

1943-й.

В Ленинградской области на берегу реки Оредеж стоит Торковическая школа. Здесь действовали под руководством старшей пионерской вожатой Анны Семеновой юные связные партизанского отряда. Юные разведчики и их вожатая были расстреляны фашистами.

В селе Покровское Донской области действовал подпольный пионерский отряд, которым руководил Вася Носаков. В одной из пещер ребята оборудовали свой штаб, где проводили сборы и хранили красное знамя пионерской дружины. Ребята доставляли партизанам важные сведения, выпускали листовки, портили

телефонную связь фашистов. Когда советские воины освободили село, их встречали пионеры со своим знаменем. Все пионеры — члены подпольного отряда были потом награждены медалью «Партизану Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг.».

1944-й.

За успешный сбор металлического лома ЦК ВЛКСМ награждает Почетной грамотой пионеров школы № 6 города Кирова.

Медалью «За оборону Москвы» награждено около 20 тысяч пионеров, а медалью «За оборону Ленинграда» — 15 249 пионеров.

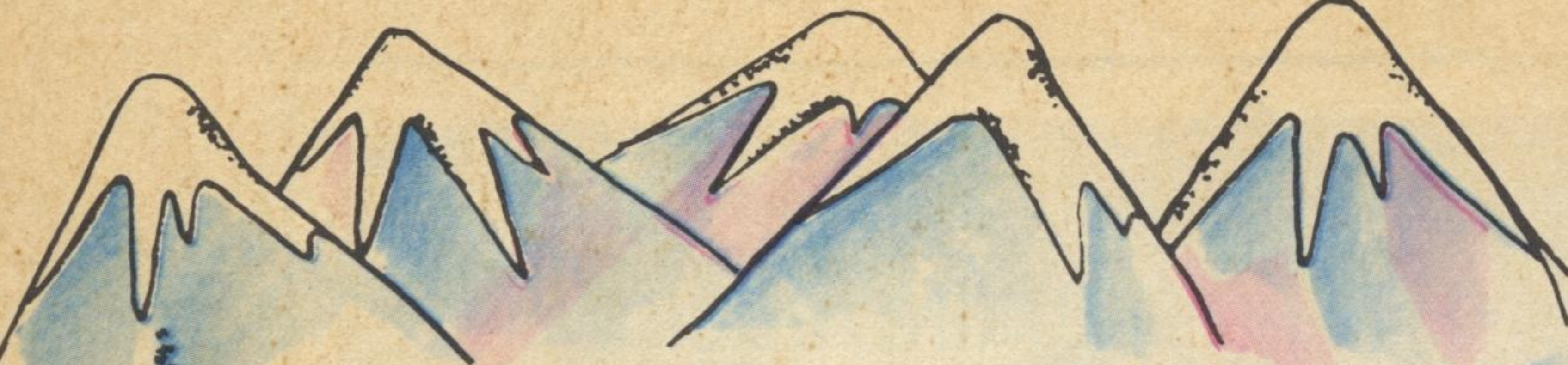
Выполняя боевое задание, пионер Леня Голиков захватил в плен фашистского генерала, у которого были важные документы. Юный партизан не раз ходил в разведку, вместе с друзьями подрывал вражеские поезда, уничтожал склады с боеприпасами. Указом Президиума Верховного Совета СССР пионеру Лене Голикову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

1945-й.

За большую тимуровскую работу 17 пионеров школы № 110 города Ташкента награждены медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Представители командования энского ордена Кутузова стрелкового полка передали пионерам средней школы поселка Касторная их пионерское знамя. Это знамя воины полка пронесли с боями от Касторной до Кенигсберга.

КТО БЫСТРЕЕ?

Магомед ГАЗИЕВ

Я поспорил на пирог,
Есть ли ноги у дорог?
А Омар-Асхаб в ответ:
«У асфальта ног ведь нет!»
«А вот есть! И очень много —
Быстро бегают дорога!
Обгони ее, попробуй!...»

Долго думать мы не стали:
— Побежали?
— Побежали!

Заспешили наши ноги
По асфальту, по дороге,
Мимо школы и аптеки,
Клуба и библиотеки,
Сельсовета, магазина —
Мимо, мимо, мимо, мимо.

Мы с дорогой до реки
Мчимся
Наперегонки!

Добежали до конца,
До последнего крыльца.

Быстро путь промчались весь!
А дорога... уже здесь!..

Объясните,
В чем же дело —
Как так тихо, без труда
Раньше нас она успела
Добежать уже
Сюда?

Перевод с аварского
Феликса БУРТАШОВА

ДЕРЗАЙ, ИГОРЬ!

Придя на первые практические занятия в мастерские училища, ребята уже со знанием дела спорили о резцах, режимах, допусках, трогали острую круглую фрезу. Игорь Ступак молчал: не знал, как подступиться к станку. Конечно, ему тоже хотелось понажимать разноцветные кнопки, покрутить рычажки. Но он стеснялся. Еще засмеют: «Ты что — первый раз фрезерный видишь?» А он действительно видел его первый раз. К тому же пульт управления оказался для него высоковат — чтобы работать нормально, приходилось иногда вставать на деревянную подставку.

— Не переживай, — сказал ему мастер, Владимир Серафимович Ершов. — Я мальчишкой станков вообще боялся. Заготовку не зажать? Ты резче, будь хозяином...

Игорь старался увереннее браться за слишком большие для него рукоятки, вслушивался в гул мотора, пытался понять — можно ли прибавить скорость резания. Уже через месяц оказалось, что он начал обгонять друзей: чертежи читал быстрее, да и инструмент как-то охотнее слушался его, чем остальных. С ним советовались. Это было приятно, но Игорь виду не подавал.

Мастер в группе был молодой, энергичный и однажды удивил всех.

— Хватит точить учебные детали, металл в стружку переводить, — сказал он, — будем делать настоящие детали для токарных станков... Кто хочет ими полюбоваться — прошу на сборочный участок, там сейчас как раз третьекурсники работают.

На сборочном происходило чудо: такие же мальчишки — чуть постарше — не обращая на них внимания, изредка о чем-то шепотом совещаясь, собирали из блестящих деталей токарные станки — огромные, как им показалось! Они присмотрелись к деталям, и стало страшно: сверкают как зеркало, такую, должно быть, только взрослый сделать может... Мастер молча смотрел на своих парней, потом засмеялся:

— Что, трясутся поджилки? Надо сразу браться за настоящие дела!

Иначе пошли занятия в группе. Если раньше можно было, когда мастер не видел, сачкануть — теперь свои же ребята не давали отлынивать: заказ-то на всех дан, нечего товарищей подводить. И уважать стали уже не тех, кто выше и сильнее, а тех, кто лучше работал — от них зави-

села судьба дела. В школе Игорь был учеником незаметным — маленький, щуплый, учился средне... А тут вышел в лидеры.

— Природные данные у тебя, — сказал мастер. — Пространственное воображение, хорошая реакция. Талант это, береги его...

В начале весны Владимир Серафимович сказал Игорю:

— Думаю послать тебя на конкурс профессионального мастерства всего нашего объединения. Не подведешь?

Игорь представил, как десятки зрителей смотрят на него. Еще в школе он не любил выходить к доске на всеобщее обозрение. А тут... У него похолодело в груди.

Подошел другой мастер — постарше, поопытнее:

— Где это видано — на такое соревнование новичка отправлять? Что у нас умелых ребят нет?

Игорь от этих слов весь сжался и посмотрел на Владимира Серафимовича.

— В победители ты вряд ли

выйдешь, — вздохнул тот. — Но дерзать, Игорь, надо.

...Он пришел в цех, где висел лозунг: «Привет участникам конкурса профессионального мастерства молодых рабочих», и было ему одиноко — друзья и мастер на занятиях, а с ребятами постарше из своего училища он не знаком. Стоял в сторонке, ждал, стараясь быть незаметным. Вокруг переговаривались, смеялись чему-то соперники — крепкие, уверенные парни, ростом на голову выше Игоря. Когда во время переклички участников назвали его фамилию, он несмело поднял руку: «Здесь я». Все заулыбались, и кто-то даже насмешливо сказал: «Нечего тебе тут делать. Ростом не вышел». Игорь насупился.

Ему показали станок, дали чертеж. Ничего особенного: отфрезеровать стальной четырехгранник и выбрать паз. Игорь работал точь-в-точь как на занятиях: быстро закрепил неровную, тронутую ржавчиной заготовку, и фреза пошла

снимать стружку. Постепенно получалась синеватая плоскость — сначала шероховатая, потом гладкая, потом блестящая...

Прошло минут тридцать — часов у него не было, но он уже умел, как опытный рабочий, чувствовать время. Сосед справа снял готовую деталь и понес показывать жюри. У Игоря внутри все похолодело, но он заставил себя успокоиться, рукам приказал двигаться в прежнем темпе. Ему нужно было поймать эти неуловимые глазом микроны. Через минуту закончил и он. Краешком глаза посмотрел на чужое изделие и решил: «Я, пожалуй, почище сработал».

Он отошел в угол цеха и смотрел, как один за другим выключают станки фрезеровщики, как торопливо несут детали, как собираются в кружок — поделиться впечатлениями. Конечно, ребятам этим было легче: они успели закончить ПТУ, поработать в цехе. Держались они уверенно. А у Игоря сердце билось чаще, чем обычно. Зачем согласился на этот конкурс? Он ведь всего-навсего первокурсник!

Голос председателя жюри вывел Игоря из оцепенения:

— Победителем среди молодых рабочих признан Игорь Ступак, учащийся ПТУ № 43!

И тут Игорь очень удивился. Вручили ему диплом, повесили на шею медаль на красной ленте, дали приз, пожали руку.

Он прибежал к себе в училище, рассказал ребятам. Его хлопали по плечу, говорили: «Молодец!»

Осторожно Игорь вошел в учительскую — незаметный, тихонький первокурсник. Неловко прижимая к груди награды, негромко сказал:

— Первое место. И приз дали... бритву электрическую, «Харьков».

Пораженные мастера молчали, и даже Владимир Серафимович недоуменно спросил:

— Бритва-то тебе зачем? Ты ведь еще не бреешься?

— Ничего, потом пригодится, — под общий смех смущенно ответил Игорь.

И. СИДОРОВ

ОТЗКОУДА АЗЗБОУКА ПОШЛА ЕСТЬ

Елена ПЕРЕХВАЛЬСКАЯ

Рисунок О. Куликовой

И вот однажды в Милет прибыл финикийский корабль. Бородатые, богато разодетые купцы важно расхаживали по берегу, наблюдая, как дочерна загорелые матросы разгружают товары. Рядом с одним из купцов стоял человек с дощечкой и металлической палочкой в руках.

— Так, пиши: получили восемь амфор масла, — приказывал ему купец. — Продали — красной краски для ткани двадцать три меры.

Человек стал быстро выцарапывать что-то на дощечке, покрытой тонким слоем воска.

— Что это он делает? — спросил Аристид у одного из матросов.

— Пишет, сколько купили, продали. Наш хозяин ничего не упустит, каждое зернышко у него на счету.

— Как это пишет? — удивился Аристид.

— Ну как, пишет буквами «купили восемь амфор масла». Вот так. — Матрос взял палочку и нацарапал на мокром песке какие-то знаки.

— Как! И ты тоже умеешь? — воскликнул потрясенный Аристид, который думал, что только восточные мудрецы могут владеть сложным и загадочным искусством письма.

— А чего тут не уметь. Велика премудрость выучить два десятка букв!

— А научи меня.

Через неделю Аристид из Милета уже отлично мог писать финикийскими буквами. Он хотел было записать те отрывки поэмы, которые помнил наизусть, но выходило как-то плохо. Финикийцы писали не все звуки, а только согласные! Но ведь одно дело «КПЛ 8 ГРШКВ МСЛ» (купил 8 горшков масла), а другое писать о подвигах ахейцев:

«Близ кораблей наших быстрых жестокая битва вскипела».

Надо было что-то придумать. Много дней Аристид ходил как в воду опущенный, ни с кем не разговаривал, и то и дело убегал на берег моря и рисовал что-то на мокром песке.

И вот однажды, когда он в который раз начал писать свое имя РСТД, ему вдруг пришло

в голову, а что если добавить новые буквы для гласных. Ну вот хотя бы такие: АРИСТИД. С минуту мальчик стоял и смотрел, как набежавшая волна смывает буквы, а потом стремглав бросился домой. Подбежав к отцу, он закричал:

— Отец, я умею писать!

— А ну-ка покажи, — заинтересовался тот и отложил в сторону работу.

Скоро в Милете уже писали все. А потом и во всей Греции, и в Риме, а потом и во всех других странах...

* * *

Это случилось примерно в V веке нашей эры. Однажды на улицах Антиохии появился чужестранец. Черные длинные волосы, борода, необычная одежда — все говорило о том, что он пришел откуда-то издаля, с самых окраин Византийской империи.

Войдя в город, он стал спрашивать дорогу к дому ученого Калисфена, прославившегося своими знаниями и мудростью. Вскоре чужестранец отыскал нужный ему дом и остановился у ворот.

Окончание. См. «Костер» № 3, 1982

— Чего тебе надо?! Хлеб утром раздаем! — закричал на чужеземца слуга, принявший его за нищего.

— Я не за хлебом пришел. Хочу хозяина увидеть — мне с ним поговорить надо.

Слуга засмеялся.

— Да ты хоть знаешь, кто наш хозяин? Это самый ученый человек во всей Антиохии. И ты вздумал с ним говорить. Если язык почесать охота — иди на базар.

— Нет, мне нужен ученый Калисфен, — настаивал незнакомец. — Я шел издалека, чтобы увидеться с ним. — Его черные глаза пристально смотрели из-под нависших бровей, и было в них столько мудрости и печали, что слуга не выдержал и сказал:

— Ну, ладно, подожди тут. Я пойду спрошу хозяина. Но учти, если ты просто попрошайка, тогда держись.

Через некоторое время слуга вернулся.

— Пойдем со мной.

Пройдя двор, он провел незнакомца через богатые парадные покои и наконец привел в скромно обставленную комнату, где ученый Калисфен занимался науками. Посреди комнаты стоял простой деревянный стол, заваленный свитками и пергаментными листами.

Старик оторвался от чтения и поднял голову.

— Слушаю тебя, — сказал он.

— Здравствуй, ученый Калисфен. Я много слышал о тебе и вот пришел посоветоваться. Мое имя Месроп Маштоц.

— Я тоже слышал о тебе, — ответил старик. — Ты просветитель армян.

— Да, я хочу сохранить армянский язык и культуру. Ты же сам знаешь, наша страна разделена между Персией и Сирией, и я очень боюсь, как бы армяне не забыли свой язык. И чтобы этого не случилось, я решил сделать вот что... — и с этими словами Мес-

роп Маштоц вынул из сумы, висевшей у него через плечо, стопку пергаментных листов, густо исписанных какими-то неизвестными буквами.

— Буквы эти я придумал сам, — объяснил гость. — И вот решил что-нибудь написать. Конечно, это только перевод с греческого, но я уверен, что со временем у армян появится и своя литература.

— Садись поближе, сын мой, — сказал ему Калисфен. — Давай разберемся по порядку.

До самого вечера сидели они, склонившись над измятыми кусками пергаменты.

— Что же, — сказал, наконец, ученый Калисфен. — Я думаю, что армянский язык теперь вне опасности.

* * *

Город Фессалоники находился на самом севере Византийской империи. Город был, конечно, греческий, но стоял он на славянских землях, и многие из его жителей были славянами.

В этом городе жили два брата. Их родители, как, наверное, все родители в мире, стремились дать детям хорошее образование и отдали мальчиков в греческую школу. Старший уже умел хорошо писать и говорить по-гречески, изучил астрономию и математику и много других наук, младший только что начал ходить в школу и учил буквы. Все в школе казалось ему новым и необычным и, конечно, с вопросами он все время приставал к старшему брату.

— А почему учитель все время говорит по-гречески, — недоумевал он. — Разве он не знает славянского языка?

— Конечно, знает, — отвечал старший. — Я слышал, как он в лавке разговаривал с другими покупателями.

— А почему тогда с нами он только по-гречески?

— Потому, что у нас греческая школа.

— Ну, вот, — расстроился младший. — И так трудно все науки учить, а тут их еще объясняют на греческом языке. Ну хорошо, нас с детства отец учил, а если кто-то не знает? Выходит, он уже и в школе учиться не может?

— Так и получается, — согласился старший. — Учение только для тех, кто греческий знает.

— А не лучше все книги взять да и перевести на славянский? — предложил младший.

— А как это сделать? — с сомнением покачал головой старший брат. — Ведь писать по-славянски нельзя.

— Как это нельзя? Вот я возьму и напишу «ДОМ» и все.

— Ага, а ты теперь напиши: «Я живу в доме», — предложил старший.

Младший брат взял кусочек пергаменты, окунул гусиное перо в чернила... но так ничего и не написал.

— А буквы я нету, — печально сказал он. — И буквы ж тоже нету. Мне никак не написать.

— Вот видишь. Не так все просто, как кажется. А ведь нет еще ч, ш, щ, ю и многих других букв.

— Ну так надо придумать! — воскликнул младший брат.

— Подожди, придет время, — задумчиво сказал старший.

Братьев этих звали Кирилл и Мефодий, и когда они выросли и выучились, они исполнили свою мечту и действительно создали славянскую азбуку, ту самую, которой мы пользуемся сейчас. Она так и называется в честь одного из ее создателей «кириллица».

Конечно, форма букв за тысячу с лишним лет немного изменилась. Судите сами: название этого рассказа как раз написано теми самыми старославянскими буквами, которые создали братья Кирилл и Мефодий.

Δ ζ Λ

Финикийский алфавит

Դ Շ Է Ի Հ Ո

Армянские буквы

ДАНИЛА

Славянская кириллица

К 60-летию СССР

ВОЗРОЖДЕННАЯ ИЗ ПЕПЛА

На земле Белоруссии леса сменяются болотами, болота — полями и снова — леса, леса... Сколько раз выжигала эти леса война, сколько еще лежит в земле осколков снарядов, мин, бомб — не сосчитать уже.

Когда немецкие фашисты напали на нашу страну, первым встал на их пути несгибаемый Брест. Почти месяц яростно атаковали гитлеровцы старую Брестскую крепость, а она сражалась до последнего солдата.

У рвавшегося в крепость врага было все, у ее защитников не было даже воды.

Никто не знает имени высокого, худощавого узбека-санитара, который, рискуя жизнью, ползком пробирался к реке, чтобы принести раненым котелок воды.

Неизвестно имя лейтенанта-артиллериста. Два вражеских танка подбило его орудие, но и сам он упал тяжело раненный. И встал снова. И не ушел в укрытие. Подбил третью бронированную рычащую громаду и только тогда упал.

Их было мало — неизвестных и известных сегодня защитников Бреста, но они дали первый урок мужества и стойкости, верности солдатской присяге, любви к Родине и жгучей ненависти к врагу, только что перешедшему границу, но уже обреченному.

Зарастают травой старые окопы, но в лесах иссеченные осколками деревья еще укрывают своими ветвями бывшие партизанские тропы. Сколько их было, партизан Белоруссии, в годы Великой Отечественной войны? Вся республика. Партизан и подпольщиков. В городах и в деревнях. Всюду. От мала до велика поднялась республика на врага.

В городе Витебске училась до войны в швейно-трикотажном техникуме Ефросинья Зенькова. Друзья ласково называли ее Фрузей. Пришла война — и стала она боевым

командиром отряда «Юные мстители» на станции Оболь.

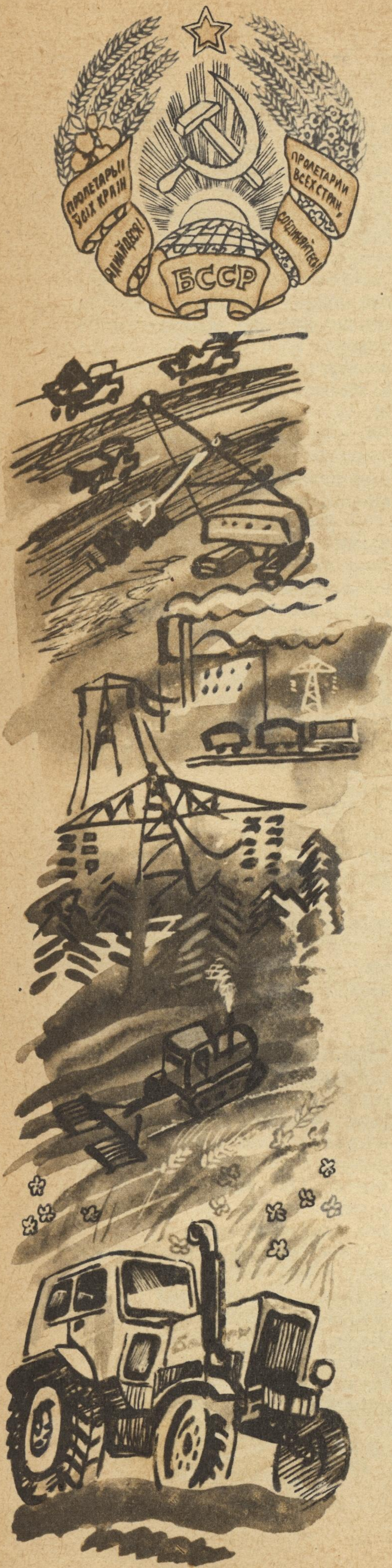
Много ценных разведывательных данных сообщил отряд партизанам.

Горели мосты на шоссе Полоцк — Витебск. Починят их гитлеровцы, а они снова в огне! Было дело: «Юные мстители» даже записку фашистам оставили: «Зря стараетесь, вам за нами не угнаться! Не дадим вам свободно ходить по нашей земле!»

...Есть в Ленинграде улица Зины Портновой. Перед самой войной поехала ленинградская пионерка к бабушке, в Белоруссию. Там ее и застала война. Зина тоже вступила в организацию «Юные мстители». Там ее приняли в комсомол. Участвовала она в диверсиях, распространяла листовки, выводила из строя линии связи.

Однажды после выполнения задания она уходила в лес и попала в засаду. Гестаповцы долго допрашивали Зину, но она не выдала своих товарищей. Тогда начальник гестапо решил сам допросить девушку. Сначала он пытался задобрить ее посулами, потом выхватил из кобуры парабеллум и стал угрожать расстрелом. Но стоило ему на мгновение положить оружие на стол, как маленькая, хрупкая на вид, измученная допросами Зина, тут же схватила парабеллум и застрелила гитлеровца. И мигом выскочила в коридор. Наперерез ей бросился другой гестаповский офицер — выстрелом в упор Зина уложила и его, выбила ногой окно, выпрыгнула на улицу... А там часовые. Одного Зина уложила на месте, при втором выстреле парабеллум дал осечку...

Живет о ней память в Белоруссии. Живет в Ленинграде, назвавшем одну из своих новых улиц именем своей маленькой землячки, отважной белорусской партизанки, Героя Советского Союза.

Партизанским краем называли во время войны Белоруссию. Справедливо. В тылу врага сражались 199 партизанских бригад, сотни отрядов.

Одним из партизанских отрядов командовал Кирилл Прокофьевич Орловский. Опытный командир. Еще в гражданскую войну возглавлял он партизанский отряд. Потом воевал в Испании. Против фашистов. В Великую Отечественную снова довелось.

Однажды доложили ему разведчики: фашистский палач Фридрих Фенс в лес едет. Поохотиться надумал. Поднял Кирилл Орловский отряд. Двенадцать часов пролежали партизаны в снежных засадах на февральском морозе, а все-таки дождались палача белорусского народа. Не вернулся Фенс с охоты.

А Кирилл Прокофьевич в том бою руку потерял. Выскочил он первым из снежной ямы, бросил в машину фашиста толовую шашку. Хотел вторую бросить, а тут в нее пуля угодила. Взорвалась толовая шашка. Прямо в руке...

Из боя его Хусто Лопес вынес — испанский коммунист. В свой тулуп завернул и вынес.

В годы войны Кирилл Прокофьевич Орловский заслужил гордое звание Героя Советского Союза. А когда пришла долгожданная победа, вернулся он на родную белорусскую землю, поглядел — вся она огнем выжжена, в деревне Мышковичи одни печные трубы торчат, в других деревнях — не лучше. Земля бомбами искорежена, танками изрыта. Все нужно было начинать заново.

Стал герой войны председателем колхоза. Твердо верил, что вернет колхоз к жизни, лучше прежнего сделает. Колхозники не случайно своему колхозу дали имя «Рассвет». Не жалея сил, трудился бывший партизанский командир на мирном фронте, вывел «Рассвет» в передовые. Присвоили ему за подвиг в мирные дни звание Героя Социалистического Труда.

Поднялась Белоруссия из пепла. Стала красивой, силь-

ной, богатой. Щедро раскрыла она людям свои недра, распахнула поля.

Нашли геологи и в Белоруссии нефть. Возле городка Речица. Над березами, над елками нефтяные вышки выросли, трубы по земле к нефтепроводу «Дружба» бегут — как ручьи к речке.

И шахтеры в Белоруссии появились! Только не уголь они добывают — соль. Калийную — полям годится, поваренную — на стол! Соли в белорусской земле оказалось столько, что если сложить запасы США, Англии и Франции вместе — то еще больше!

Нефтяные вышки над лесами поднялись. Шахты под землей пролегли. А через поля пошагали опоры электропередачи. Вырос новый город Белоозерск — целый электроград! В 1969 году заработала там Березовская ГРЭС. Еще раньше Василевичская ГРЭС дала ток. Тоже станция не из маленьких: только один ее агрегат дает столько, сколько все дореволюционные станции Белоруссии давали. На торфе работает. Чего-чего, а торфа в Белоруссии предостаточно!

А коли есть электроэнергия, есть горючее, — значит, и заводам легко работать. После войны построила республика более восьмисот новых заводов! Да еще какие гиганты выросли! Минский тракторный! Гомельский завод сельскохозяйственного машиностроения!

Бегут по дорогам республики огромные «БелАЗы». Самые трактора за ними катят. На железнодорожных платформах едут во все концы страны белорусские сельскохозяйственные машины, металлорежущие станки, электронно-вычислительная техника, телевизоры, радиоприемники, часы, холодильники, мебель!..

Бегут дороги к столице республики — городу Минску.

Откуда у города имя такое?

Чтобы узнать — надо взглянуть в историю.

Когда-то в верховьях реки Свислочь стали селиться люди. А место было поблизости от волоков, от тех мест, где перелокивали по суху суда с од-

ной реки на другую. Соединяли эти реки Черное море с Балтийским. Селяне торговали с купцами, а то и просто менялись. И появился городок. Назвали его Меньск, Менеск — от слова «менять». Так именует его летопись.

Городок был небольшой. Деревянный.

Но в конце прошлого века Минск становится городом стачек и забастовок, городом Первого съезда нашей партии коммунистов-ленинцев. Здесь в марте 1898 года было провозглашено о создании Российской социал-демократической рабочей партии, из которой выросла позже партия большевиков, партия коммунистов.

В 1919 году, после образования Белорусской Советской Социалистической Республики, Минск становится ее столицей.

Недалеко от Минска высоко к небу поднимается земляной холм. Это — курган Славы. Памятник защитникам и освободителям Белоруссии в годы Великой Отечественной войны.

И через всю республику бежит асфальтовая лента шоссе: от крепости-героя Бреста к городу-герою Минску и далее — к городу-герою Москве.

Л. ГАВРИЛОВ, В. СУСЛОВ

НАУЧИТЕ МЕНЯ ПО-МАРСИАНСКИ

Когда Валерию Воскобойникову было семь лет, поехал он в пионерский лагерь. Жизнь была трудная, послевоенная, 1946 год. Но страна делала все, чтобы дети летом отдыхали.

В первый же вечер, после ужина, вожатая Нина усадила ребят у костра и рассказала историю: «Совсем недавно прилетел с Марса снаряд с письмом от марсиан. Снаряд упал недалеко от лагеря... Ученые достали письмо. Только никто прочитать его не смог. Никто на Земле не знает по-марсиански... И письмо упрятали обратно в марсианский снаряд. А жаль! Сколько бы секретов природы раскрылось...»

Осенью Валерий Воскобойников пошел в школу. Сразу спросил учительницу: «Вы нас по-марсиански научите?» — «Гм... Научу... — сказала, подумав, учительница. — Но сначала нужно научиться всему, что есть интересного у нас, на Земле... А потом уже по-марсиански...» «Ладно,—

сказал Валерий Воскобойников, — учите поскорее...»

Учился он очень хорошо...

До седьмого класса думал стать астрономом. В журналах «Знание — сила» и «Техника — молодежи» читал все статьи про космос, планеты, Вселенную (про космонавтов тогда еще никто не слыхал).

После седьмого класса увлекся Валерий Воскобойников химией. Химия — наука чудес. В самом деле: берут белую жидкость, капают в нее другую белую жидкость и — жидкость синяя! Или красная! Или фиолетовая! И хоть потом он изучал химические реакции — до сих пор удивляется чуду химических превращений. Чтобы лучше узнать эту науку, пошел учиться в химический техникум. И получил диплом инженера-химика с отличием.

Тут пришло время служить ему в армии. В армии тоже много чего нужно узнавать и многому учиться. Армия современная — вся на технике. Тем более, что Валерий Воскобойников попал в артиллерию.

Служить ему нравилось. Солдаты — с разных концов страны, каждый про свою гражданскую жизнь рассказывает, каждый — интересное. Да и в самой солдатской жизни столько случается! То марш-бросок, то стрельбы учебные на полигоне, то маневры, то далекий поход... В армии-то и захотелось ему написать свой первый рассказ — от богатства впечатлений. Правда, с этим первым рассказом ему не везло...

«Только, — вспоминает писатель, — сел я в казарме за бумагу, а тут старшина! Старшина, как известно, не любит, чтобы кто-нибудь без дела болтался или так сидел.

— Солдат Воскобойников! Вы что делаете?

А что я скажу?

— Ничего, — говорю, — не делаю...

— Очень хорошо, — говорит старшина, — отправляйтесь-ка на кухню, солдат Воскобойников, и помогите картошку чистить...

На другой день только выбрал минутку, снова сел с рассказом, старшина входит:

— Солдат Воскобойников! Шагом марш на двор — снег убирать...

Так я рассказ до конца и не написал. Дописал его, когда демобилизовался. Наверное, рассказ получился. Похвалил его писатель Вадим Фролов, а газета «Смена» напечатала. Да еще и премию я получил. Купил на премию кое-что нужное и, между прочим, крепкие туристские ботин-

ки — потому что очень люблю путешествовать... После этого рассказа я решил, что стал настоящим писателем... Но ошибся... Писал-писал, а ничего не выходило. Полтора года мучился. Родственники ворчат: «Что это ты по ночам из угла в угол ходишь, спать не даешь?..» Им не понять, что у меня — муки творчества, что я хожу и думаю... И тут я понял: в армии я начал писать о том, что знал и что меня увлекало и волновало. А тут начал выдумывать — про то, что не знаю или не очень люблю...

Тогда вспомнил я детство, ребят, себя самого. И про все это написал рассказы — целую книгу «Я еду отдыхать» — веселые и грустные истории, которые случаются с ребятами в пионерском лагере...

И вы уже, наверное, поняли, что в этом названии — немножко и тот послевоенный год и моя первая поездка в пионерлагерь и тот вечерний костер и вожатая Нина...»

Если выстроить в ряд все книги Валерия Воскобойникова, — удивитесь: что только не увлекает писателя! В одних книгах он рассказывает об истории культуры или истории науки. В других — о путешествиях. О пионерах и современных школьниках. О Советской Армии. Есть у него и книги-биографии тех людей, которые автора поражают своим величием и необычностью судеб — Кирилл и Мефодий, создатели славянской азбуки, ученый Авиценна, академик Отто Юльевич Шмидт, деятель революции Емельян Ярославский, Фридрих Энгельс...

Наверное, книги эти очень разные и о разном потому, что писатель Воскобойников — сам человек удивительно обширных знаний, увлечений, интересов. И еще — умений. И если герои его книг что-то делают своими руками, то уж будьте

уверены: это сам писатель может отремонтировать вездеход, поставить ловушку на песка, вытащить из проруби-юнды сетью осторожную нерпу, ночевать в снегу, спасаясь от пурги, передавать азбукой Морзе по радио, седлать верблюда и ехать на нем по пустыне.

Кстати о пустыне! Пришлось писателю побывать и там.

Задумал Валерий Воскобойников написать книгу о великом арабском ученом Авиценне. Трудная была у Авиценны жизнь. То от врагов бежал, то от злого визиря спасался. Тридцать лет скитался Авиценна по караванным тропам...

Так вот, прежде чем эту книгу написать, Валерий Воскобойников не только все об Авиценне узнал, но по всем дорогам Авиценны прошел: горы, оазисы, города — все своими глазами увидел. Повторил его путь — через Каракумы — черные пески... И написал интересную, правдивую, увлекательную книгу.

Книг не увлекательных он и не пишет.

Он давно понял, что в любой книге должно быть много фантазии, приключений и выдумки. И еще — доброты.

Вот такие у него книги. А вот какой он сам — любознательный, неутомимый, веселый человек, выдумщик, рассказчик, а с друзьями — хороший и верный друг.

Да! Про марсианские письма! Он надеется, что когда-нибудь сможет найти тот снаряд с посланием марсиан. И прочитать. Чтобы разгадать многие неизвестные загадки природы. И тогда он напишет для нас совершенно удивительную книгу. Может быть, это будет и фантастическая повесть. А может быть, и нет. Кто знает? Поживем — увидим...

О. ОРЛОВ

ФОТОГРАФИЯ ЛЕНИНА

*В газете «Нью-Йорк таймс»
я увидела утром
на снимке человека
с лицом простым и мудрым.*

*«Кто это?» — я ко всем
с вопросом подходила,
покуда подпись мне
сестра не объяснила:*

*«Он — русский, коммунист,
а имя его — Ленин.
Он в русской школе снят
во время выступления».*

*Я слушала ее
и вглядывалась в фото,
и думала: он — мне
рассказывает что-то.*

КАКОГО ЦВЕТА ВОДА

*У воды
цвет веселой луны,
что гуляет меж звезд до утра,
цвет прохлады и тишины
и мерцающего серебра.*

*У нее
серый цвет старых льдин,
белый — снега и облаков,
черный — тьмы океанских глубин
и зеленый — под пеной валов.*

*А вообще-то
езде и всегда —
это ж ясно, ну что говорить! —
цвет такой выбирает вода,
какой хочет сама она быть.*

Айпеленг Котсисиле
11 лет, США

Перевел Феликс БУРТАШОВ

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. В. СКОСЫРЕВА
Оформление
Р. Попова

Год издания — 26-й

НЕПОБЕДИМЫЙ КРЕЙСЕР

Крейсер «Петропавловск» достраивали перед самой Великой Отечественной войной. Это был современный и мощный корабль с дальнобойными пушками и толстой броней. Недаром Гитлер велел своим разведчикам узнать: как скоро сможет воевать «Петропавловск»? И опытные разведчики доложили: не скоро.

...Фашистские войска рвались к Ленинграду. Подтягивали пушки, танки, пехоту — все для штурма города. Фашисты ничего не опасались: в воздухе их охраняли самолеты, для пушек эшелоны с танками и пехотой были недостижимы: разгрузка шла в трех десятках километров от Ленинграда... Но пушки «Петропавловска» могли достать. И крейсер дал залп. Потом — другой, третий... Точно ложились тяжелые снаряды. Горела военная техника, разбегались и распозались немногие уцелевшие солдаты.

О разгроме эшелонов узнал Гитлер. Он приказал: «Уничтожить «Петропавловск»!»

На крейсер налетели фашистские бомбардировщики. Но зенитки корабля били точно и не дали приблизиться самолетам.

Фашисты подвезли тяжелые пушки, спрятали их в лесу и внезапно открыли по крейсеру огонь.

Наблюдатели «Петропавловска» засекли врага по вспыш-

и людям гибелью. И командир приказал: открыть кингстоны, затопить «Петропавловск»...

Крейсер лег на грунт на небольшой глубине. Над водой возвышались лишь надстройки. Пушки его замолчали...

Гитлеру доложили: «Петропавловск» потоплен!

Действительно, крейсер был под водой. Но фашисты не знали, что внутри корабля, скрытно, шла работа. Водолазы осматривали крейсер, темными ночами подходили буксиры, подвозили листы стали, сварочные аппараты, насосы для откачки воды. Работали осторожно: фашистские наблюдатели глаз не спускали с потопленного крейсера...

И вот наши дождались беззвездной темной ночи. Насосы откачали воду, водолазы заделали последние пробоины, крейсер всплыл. Подошли буксиры и оттащили беспомощный корабль подальше. На палубе «Петропавловска» между тем шла быстрая работа: крейсер маскировали под... разрушенный дом. На орудийных башнях рисовали окна и двери, надстройки закрывали балками, листами кровельного железа — точь-в-точь, чердак разрушенного дома. Даже веревку с бельем приспособили.

Утром фашистские наблюдатели ахнули: пропал крейсер! На новый разрушенный дом на набережной они внимания не обратили.

кам выстрелов. И крейсер ответил из всех орудий. Стрелять по «Петропавловску» стало некому.

Тогда фашисты доставили из Европы дальнобойные осадные пушки. Их было много, больше, чем пушек на крейсере... Началась неравная дуэль.

Долго держался крейсер. Матросы заделывали пробоины, тушили пожары, отбивались как могли. Наконец огонь вспыхнул вблизи снарядного погреба. Это грозило кораблю

И когда наши пошли в наступление, им в помощь снова стреляли пушки «Петропавловска».

Говорят, когда Гитлер узнал об этом, он пришел в ярость и велел расстрелять разведчиков, которые успокаивали его перед самой войной, что крейсер, мол, воевать не может...

А потом и Гитлеру пришел конец.

Г. ГУСЕВ

*****

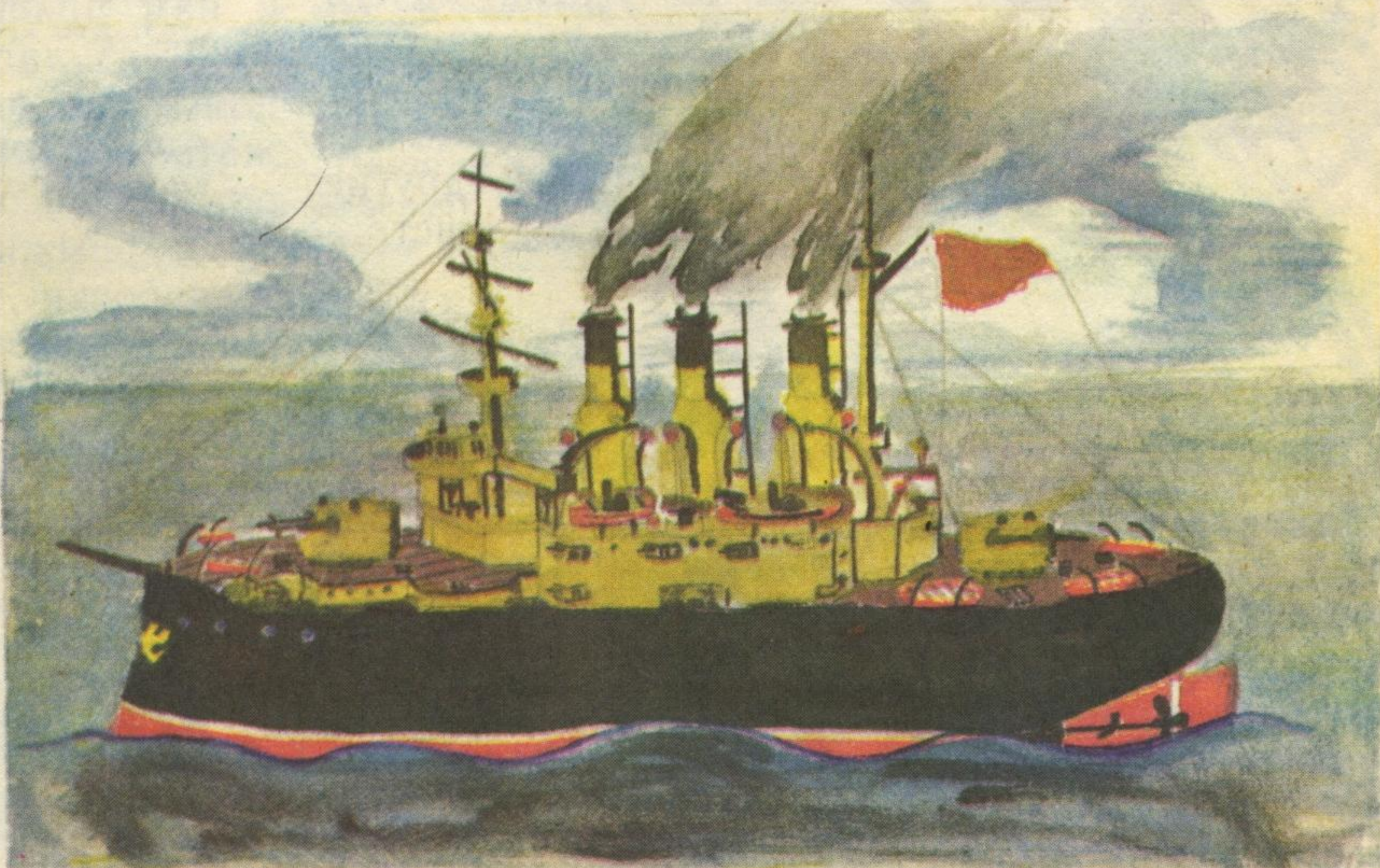
В Ялте на теплоходе «Мисхор» начинает действовать школа юнг. Десятки пионеров и школьников наденут форменки. Ребята будут изучать историю флота, устройство корабля, шлюпочное дело, азбуку Морзе. Придет время, и из них вырастут настоящие моряки.

В Ярославле флотилия юных моряков носит имя адмирала Ушакова. Зимой ребята изучали теорию морского дела. Летом у них — практика: на своем корабле они пойдут в поход по просторам Волги.

С ВЫСТАВКИ
ПИНГВИНА

„ПОТЕМКИН“.
Коля Владимиров,
Чебоксары

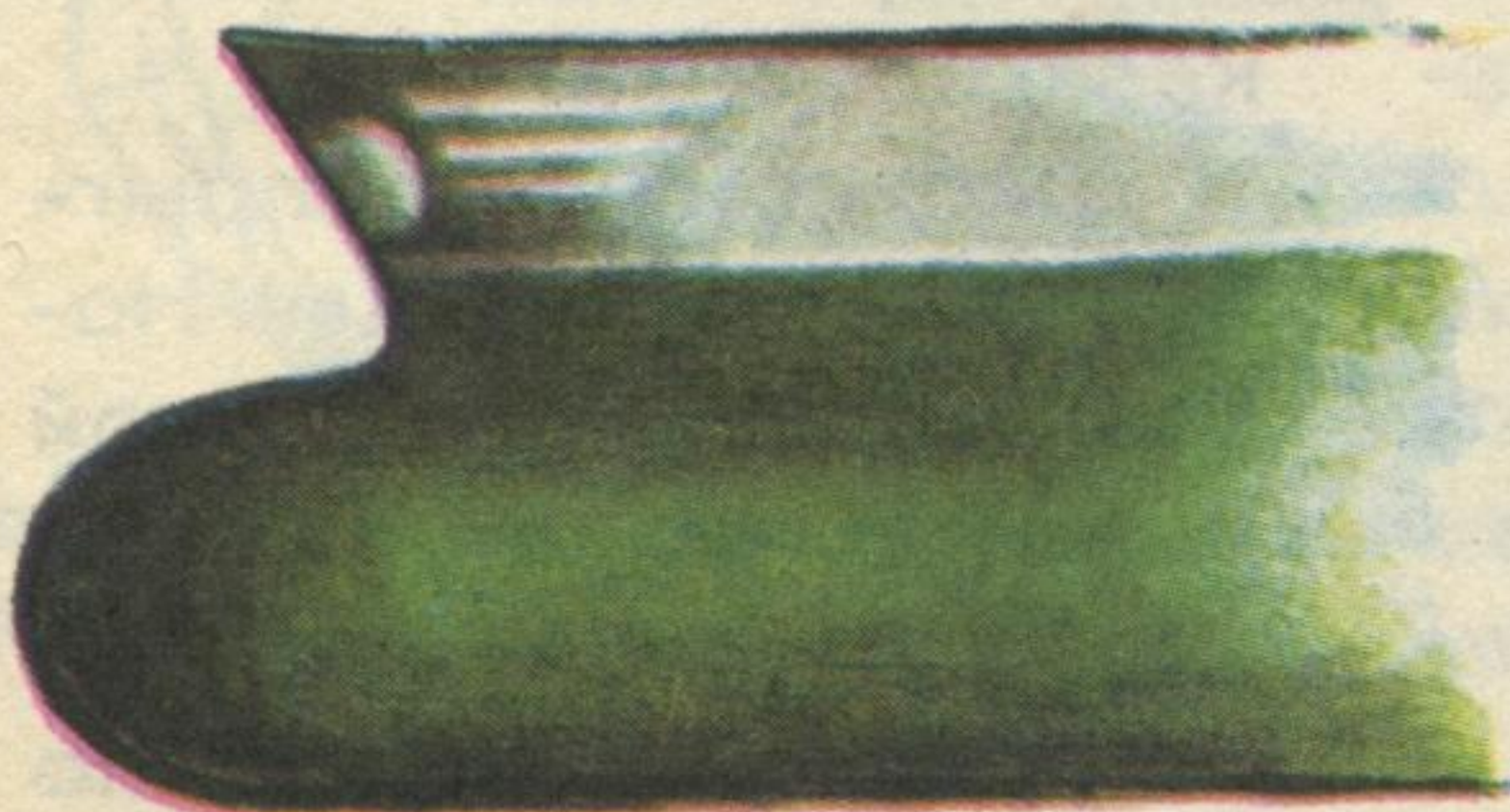

БЕРЕГИСЬ
БУЛЬБА!

Заспешил в порту один буксир, хотел проскочить под носом у большого судна. И... очутился в воздухе, над водой! Что такое? Оказалось, буксир наскочил на бульб. Так называют носовой обтекатель многих быстроходных судов. Бульб выдается вперед на много метров. Когда судно нагружено — бульб под водой, невидим.

Носы
современных
судов
с бульбом

Так что спешить — спеши, но и смотри в оба. Тем более, что у судов с бульбом свой опознавательный знак: «Берегись бульба!»

С. ЮРЬЕВ

БУДУ
ИЗУЧАТЬ ОКЕАН

Мои дедушка, папа и дядя — моряки. И я хочу стать моряком. Я выбрал профессию океанографа. Она нравится мне тем, что откроет людям еще много тайн: ведь океан еще мало изучен. Морское дно, например, известно нам меньше, чем поверхность Луны...

Океанограф должен быть еще сильным и смелым. Он должен быть мастером на все руки: кинооператором, радистом, уметь обращаться с проектором, устранять любые неполадки в приборах. Польза от работы океанографа очень велика. Ученые-океанографы опускаются на глубину нескольких километров. В черном мраке и поныне лежат корабли, затонувшие когда-то давно. На больших глубинах плавают совершенно неизвестные науке животные.

Я готовлюсь к моей будущей профессии: учусь хорошо плавать, нырять и занимаюсь пятиборьем.

Для исполнения моей мечты нужно много читать, учиться и поступить в институт. И потом всю жизнь изучать Мировой океан.

Игорь Кравченко,

12 лет,
Новороссийск

ВСЕСОЮЗНЫЙ СПОРТИВНЫЙ КЛУБ

НАШИ НОВОСТИ

За успешное проведение соревнований на призы СК «Кузнечик», за большую работу в деле организации спортивной жизни школы Совет СК «Кузнечик» наградил почетной грамотой совет физкультуры 14-й средней школы города Шекино Тульской области.

ПОДАРОК АРТЕКУ

Весну 1977 года мы провели в Артеке. Целый месяц мы тренировались в окружении мальчишек и девчонок, которые живо интересовались легкой атлетикой. Виктор Ильич Алексеев любил, когда на тренировку приходили пионеры. И как-то само собой получалось, что они окружали этого пожилого, но все еще задорного человека, щедрого на выдумку и интересные истории.

Как-то утром Виктор Ильич собрал нас и сказал:

— Неужели уедем, не оставив Артеку ничего на память?

Вопрос прозвучал неожиданно. Сидели мы на трибуне стадиона и размышляли: конечно, сделать что-то надо, но что?

Алексеев посмотрел на нас, загадочно улыбаясь и ушел. Мы еще не успели ничего придумать, как приехал грузовик. В кузове лежали мешки с цементом, лопаты и другие строительные инструменты.

— Ну что, за работу! — сказал Виктор Ильич.

Вот это, действительно, решение! Оказалось, что Виктор Ильич обследовал самые отдаленные уголки Артека и нашел много отличных мест, где можно подготовить площадки для занятий легкой атлетикой. Вот тропинка, еле заметная между кустов. Расчистили ее, и получилась отличная дорожка для беговых упражнений и многоскоков. Саша Барышников — двухметровый богатырь и тогдашний рекордсмен мира по толканию ядра — старательно готовил раствор из цемента, чтобы залить круг для метаний.

Подошли артековцы и вызвались ему помочь. Было интересно наблюдать, как они деловито обсуждают достоинства круга, как выравнивают специальной доской залитый раствор.

Я приводил в порядок яму для прыжков в высоту. Дел, как говорится, хватало. Девчонки и мальчишки помогали ремонтировать запасные стойки, красить их. Когда все было готово, мы аккуратно сложили большие поролоновые маты

и укрыли их брезентовым чехлом.

Виктор Ильич никого из работающих не оставлял без внимания. Одних подзадоривал, другим давал советы, третьих хвалил за находчивость. Работали до самого обеда. А на вечернюю тренировку к нам пришли ребята со всего лагеря. Каждому хотелось пробежаться по новой дорожке, посоревноваться в прыжках. После тренировки Виктор Ильич сказал мне:

— Ну вот, теперь можно быть спокойными — мы отблагодарили Артек за его гостеприимство.

Владимир РЕКШАН,
мастер спорта СССР

*Здравствуй,
«Кузнечик»!*

Во время зимних каникул наш учитель физкультуры гостил в Ленинграде, и ему посчастливилось побывать на финальных соревнованиях «Кузнечика». На уроке Василий Тимофеевич очень интересно рассказал, как состязались лучшие «кузнечики». И про парад рассказал, и какой замечательный крытый стадион, и как торжественно награждали победителей. В нашей школе, кроме меня, еще два «кузнечика», и мы решили готовиться к следующему финалу. Василий Тимофеевич согласился помочь. Многие ребята собираются присоединиться к нам.

Коля Корзинин,
Семипалатинск

Хочу вам рассказать о Володе Желудове. Он очень хороший друг

и спортсмен. Прошлой осенью мы ходили классом за грибами. Грибов набрали полные корзины, но ушли совсем далеко, и наши девочки выбились из сил. Тогда Володя взял ведро и две корзины. Так и нес до самого дома. В классе он выигрывает соревнования по всем видам легкой атлетики. А сегодня узнала, что он состоит в спортивном клубе «Кузнечик»

Майя Гончарова,
Муром

ИЗ ИСТОРИИ СПОРТА

X Олимпийские игры проходили в США в городе Лос-Анджелесе. У руководителей канадских олимпийцев не хватало средств на отправку команды, и тогда они вспомнили о Дункане Мак-Нотоне. Мак-Нотон не показывал хороших результатов в прыжках, но учился в то время в США, и дорогу ему оплачивать не требовалось.

Когда участников прыжков в высоту вывели на спортивную арену, трибуны дружно приветствовали рекордсмена мира американца Корнелиуса Джонсона, а на Мак-Нотона никто и внимания не обратил. Дункан имел результат в прыжках всего 181 см. Мало кто знал, что канадец упорно тренировался и освоил новый способ прыжка — «перекат».

Джонсон перепрыгнул 197 см, и Мак-Нотон справился с этой высотой. Высоту 2 метра Корнелиус уже перелетел, но случайно сбил планку рукой. А по наименьшему количеству попыток чемпионом Олимпийских игр стал Дункан Мак-Нотон.

ВЕДЕТ ЗАСЛУЖЕННЫЙ МАСТЕР СПОРТА,
ЗАСЛУЖЕННЫЙ ТРЕНЕР СССР,
ГЛАВНЫЙ ТРЕНЕР СК «КУЗНЕЧИК»
Эдмунд Исидорович РОХЛИН

Цель спортивной тренировки — укрепить здоровье, всесторонне развить свои физические способности, закалить волю, и на этой основе добиться высоких спортивных достижений в состязаниях.

Спортивная тренировка состоит из десятков и сотен тренировочных занятий, проводимых в течение длительного времени, систематично и без перерывов.

Спортивная тренировка предполагает, что спортсмен должен строго выполнять правила гигиены и соблюдать режим дня: вовремя ложиться спать и вставать, вовремя отдыхать и питаться, вовремя проводить тренировочные занятия, закаливаться.

Тренировку надо обязательно планировать, точно по дням знать, когда будут тренировочные занятия и что на этих занятиях предполагается делать.

Спортивная тренировка без цели, без мечты о высоких достижениях теряет всякий интерес.

В систематическом проведении тренировочных занятий большое значение имеет правильное чередование тренировочных дней и дней отдыха. Тренировка без отдыха не принесет успеха.

Важнейшие изменения в нашем организме, которых мы добиваемся тренировкой (увеличение гибкости и сил, повышение работоспособности, быстроты и т. п.), происходят постепенно, на протяжении длительного времени. Тренировочные нагрузки должны нарастать постепенно. Постепенно должно идти и освоение спортивной техники: от простейших элементов спортивной техники к самым сложным движениям.

Круглогодичную тренировку по легкой атлетике делят на периоды. Период с ноября по апрель — подготовитель-

ный. Именно в этом периоде закладываются основы успехов в последующем, соревновательном периоде, длящемся с мая по сентябрь.

Октябрь — месяц отдыха от напряжения соревновательного периода.

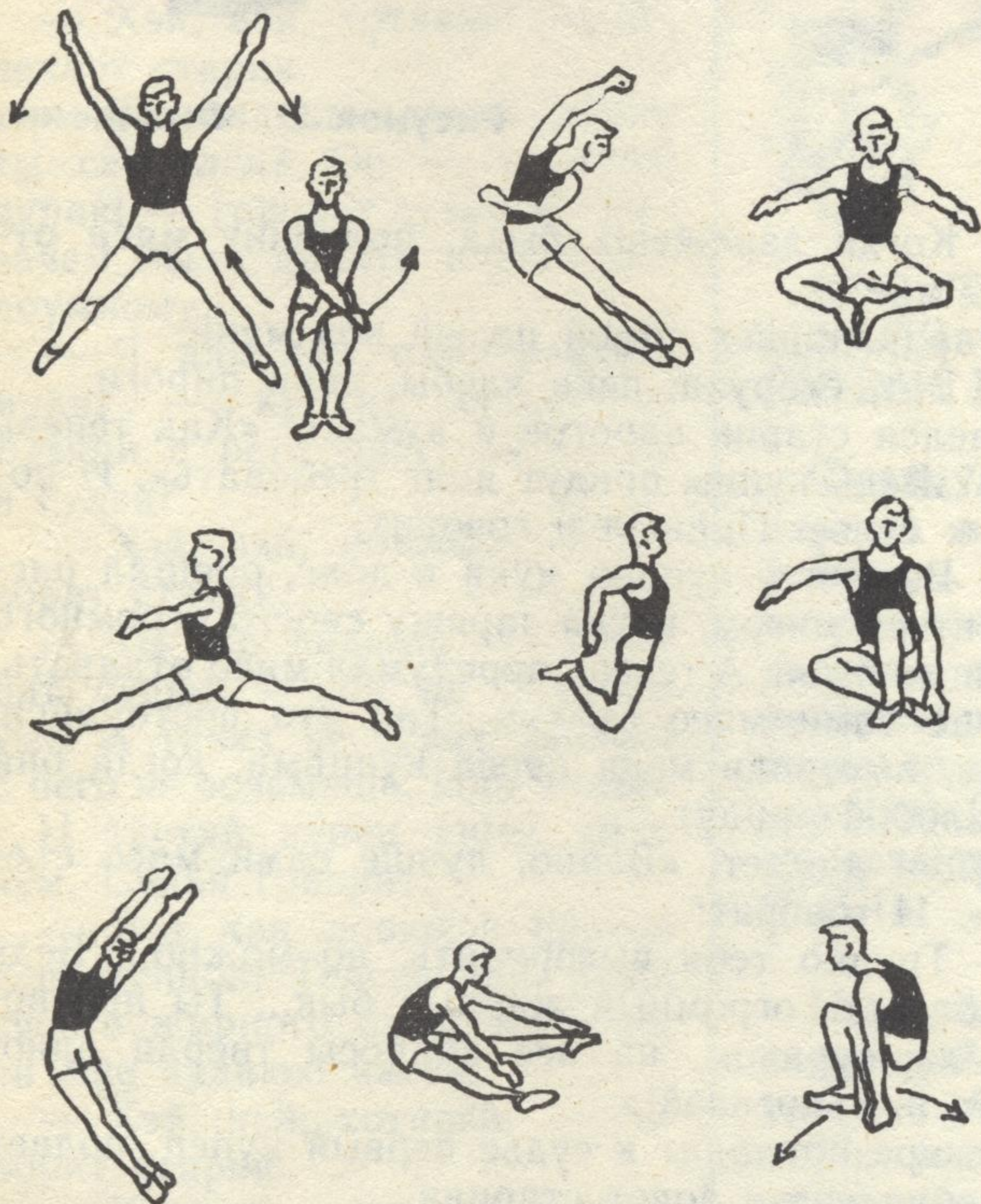
Тренер — лучший друг и помощник молодого спортсмена. Помогая в верном планировании тренировки, он предопределяет спортивные успехи ученика. В тренировке необходим регулярный врачебный контроль.

РАЗВИТИЕ ЛОВКОСТИ

Чтобы овладеть высокой спортивной техникой, надо быть ловким, а значит, в совершенстве владеть своим телом, совершать правильные движения.

Участвуя в соревнованиях в необычных условиях, ловкий спортсмен лучше приспосабливается к ним.

Тренировка в избранном виде легкой атлетики, конечно, способствует развитию ловкости, однако этого недостаточно. Для развития ловкости (особенно осенью и зимой) в тренировочные занятия нужно включать упражнения с движением в безопорном положении (полете), акробатические упражнения, спортивные игры с мячом, упражнения на гимнастических снарядах, горнолыжный спорт.

Оттолкнувшись двумя ногами, с места выполнить заданное движение

Кувырок назад

Кувырок вперед

Кувырок с прыжком через препятствие

КАРЕЛЬСКАЯ СКАЗКА

Рисунок О. Филипенко

Жили старик и старуха. Ничего у них не было: ни хлеба, ни скотины. Все остатки доели, совсем худо стало. Старуха говорит:

— Добудь, старик, муки. Где хочешь, а добудь. Иначе помрем.

Что делать старику? Пошел в соседнее село. Идет и думает: «Придется на хитрость пойти, придется купца обмануть». Приходит он в лавку к купцу и говорит:

— Купец, продай мне мешок муки.

Купец говорит:

— Давай деньги, бери муку.

Старик говорит:

— Денег у меня нет, зато есть огромный жирный бык. Могу мясом расплатиться.

Купец оживился:

— Говоришь, огромный жирный бык? Хорошо! Бери не один мешок, бери два! А как зарежешь быка, принеси мне заднюю ногу.

Старик нанял подводу, положил два мешка муки и поехал к другому купцу.

— Купец, продай мешок муки.

— У тебя есть чем платить?

— У меня есть огромный жирный бык, пора его резать.

— О, тогда возьми три мешка! А как зарежешь быка, принеси мне заднюю часть.

Старик взвалил на телегу три мешка и поехал к третьему купцу. Третий купец дал ему пять мешков муки.

— Когда зарежешь быка, половину мяса отдашь мне.

Старик привез домой целый воз муки.

— Вот, старуха, пеки хлеба, пеки пироги.

Наелся старик пирогов и думает: «Как теперь быть? Ведь купцы придут долг требовать». И пошел к судье. Пришел и говорит:

— Взял я у купцов муки в долг, обещал расплатиться мясом, когда зарежу своего огромного жирного быка. А теперь передумал мясо отдавать. Лучше сами мясо съедим. Так что постарайся, судья, выгороди меня перед купцами, когда они с жалобой придут.

Судья думает: «Верно, лучше сами мясо съедим». И говорит:

— Трудно тебя выгородить, но можно... Ведь у тебя есть огромный жирный бык... Ты притворись-ка дураком, на все вопросы тверди одно: «Хэй, вэй, хотивэй!»

Вскоре приходит к судье первый купец, подает жалобу. Судья зовет старика.

— Ты брал у купца муку в долг? — спрашивает судья.

— Хэй, вэй, хотивэй! — отвечает старик.

— Ты обещал ему отдать мясо за муку? — спрашивает судья.

— Хэй, вэй, хотивэй! — отвечает старик.

— Да ведь он — дурак! — говорит судья купцу. — Кто ж тебя заставлял давать в долг этому полоумному? Сам виноват. Иди домой.

Купец ни с чем ушел домой. Приходит второй купец. Судья зовет старика.

— Ты брал у этого купца муку в долг? — спрашивает судья.

— Хэй, вэй, хотивэй! — отвечает старик.

— Ты заплатил ему за муку?

— Хэй, вэй, хотивэй! — отвечает старик.

— О, да ведь он совсем дурак, — говорит судья купцу. — Зачем ты давал в долг этому полоумному? Сам виноват, иди домой, ничего от него не добьешься.

И второй купец ушел ни с чем. Приходит третий купец. Судья в третий раз зовет старика.

— Ты знаешь этого купца? — спрашивает судья.

— Хэй, вэй, хотивэй! — отвечает старик.

— Ты брал у него муку в долг?

— Хэй, вэй, хотивэй! — отвечает старик.

— Ты зарезал своего быка?

— Хэй, вэй, хотивэй! — отвечает старик.

— Ты видишь, купец, с кем ты связался? Он — круглый дурак! — говорит судья. — Незачем было давать в долг полоумному.

— Я дал ему пять мешков муки! — кричит купец. — Взыщи с него долг, на то ты и судья!

— Хэй, вэй, хотивэй! — говорит старик.

— Ты же видишь, — говорит судья, — он не в своем уме. А таких не судят. Ничего с него не возьмешь. Иди домой.

И третий купец ушел ни с чем. Судья говорит:

— Вот как ловко я провел всех купцов! Теперь иди, режь своего жирного быка и принеси мне заднюю часть.

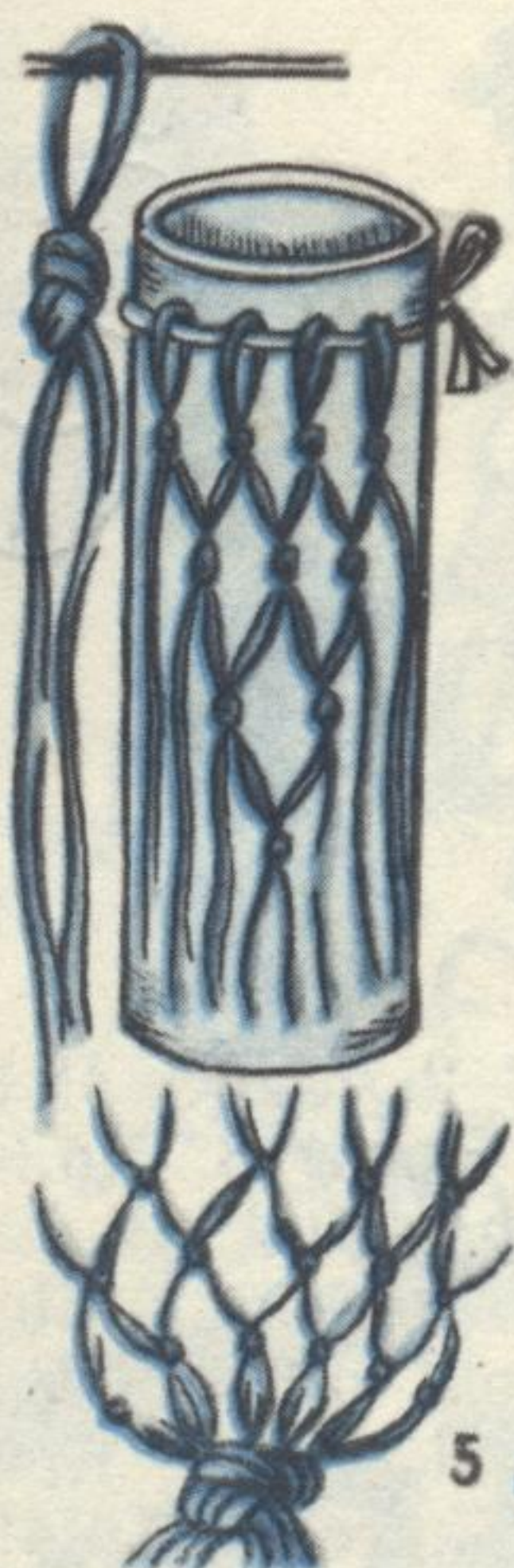
— Хэй, вэй, хотивэй! — говорит старик.

— Хватит прикидываться дураком, купцов тут нет, — говорит судья.

— Хэй, вэй, хотивэй! — говорит старик. — Купцов тут нет, и дураков тут нет, и быка у меня никогда в жизни не было!

Вот такая сказка.

Пересказал Марк ВАТАГИН

Своими руками ты можешь сплести красивую сетку любого цвета и размера для продуктов или мячей. Материал — бечевка, шнур, сутаж. На первых трех рисунках показано плетение сетки. На пяти последующих — плетение ручки. Таким образом можно сплести не только ручку для сетки, но и шнурок для ключей, поясok и т. д.

Ире Михайловой из Чимкента, Тане Ивановой из города Шкотово, Гале Малявко из з/с Железнодорожный Тургайской области и многим другим девочкам, которые любят кулинарию.

ПЕЧЕНЬЕ «ЛАКОМКА». Разотрите ложкой маргарин до густоты сметаны. Постепенно добавляя, вотрите сахарную пудру, яйца, муку. Противень покройте хорошо промасленной бумагой и чайной ложкой кладите на него приготовленную массу. Кружочки печенья должны быть величиной с двухкопеечную монету. Пеките «Лакомку» на слабом огне, с бумаги снимайте печенье холодным. Для выпечки 100—120 шт. печенья нужно 200 г муки, 200 г сахарной пудры, 200 г маргарина и 3 яйца.

БЕЗЕ. 500 г сметаны и белок яйца взбейте до пены. Постепенно всыпьте 1,5 стакана сахарного песка, продолжая взбивать. На противень, застеленный хорошо промасленным пергаментом, десертной ложкой подальше друг от друга выкладывайте одинаковыми кучками взбитую смесь и пеките на слабом огне. Безе готово, когда чуть-чуть зарумянится.

Рисунок
Ю. Беломлинской

КТО ТОЛЬКО НЕ ЗАНИМАЛСЯ ПЕРВОАПРЕЛЬСКИМИ ШУТКАМИ!

Французский научно-популярный журнал „Сьанс э ви“ поместил в первоапрельском номере заметку о том, что один садовод вывел сорт огурцов, избирательно поглощающих из почвы ионы хлора (Cl) и натрия (Na). Огурцы, естественно, вырастают... малосольными (NaCl).

Немецкий журнал, специализирующийся на вопросах строительной техники, опубликовал в 30-х годах статью о том, что знаменитая Эйфелева башня, без силуэта которой невозможно представить Париж... демонтирована. Статья была снабжена фотографиями. Они были подлинными, но... номер вышел 1 апреля, а снимки помещены в обратном порядке — они относились к строительству башни.

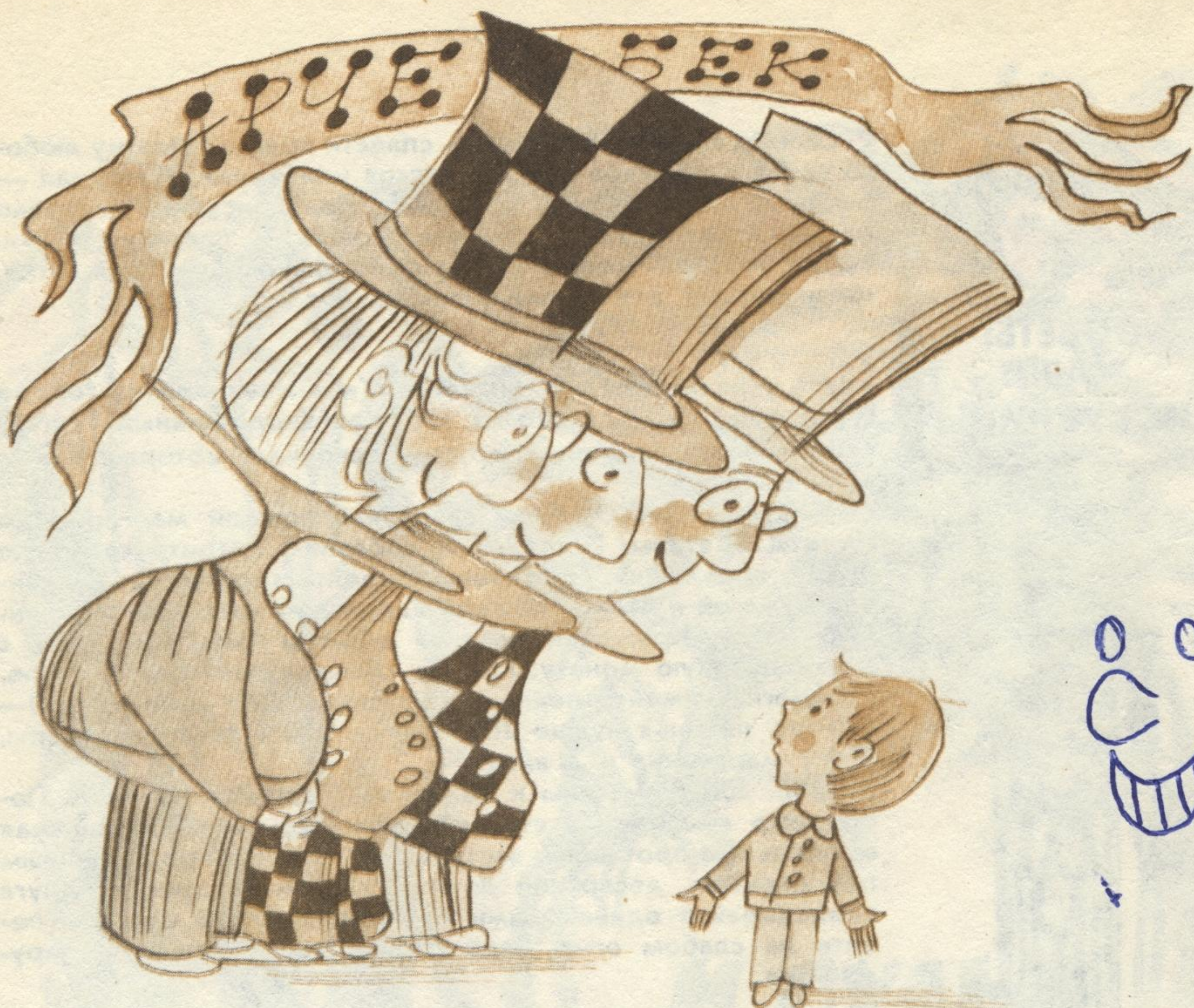
Злую шутку сыграли со своими радиослушателями сотрудники Токийского радио. Ранним утром они передали сообщение о том, что из океана в районе порта Иокогама вышло на берег чудовище, которое направляется к столице.

Каждые четверть часа радио прерывало свои передачи, сообщало о его продвижении, о мерах, принимаемых армией и полицией, о разрушениях и прочем. В городе началась паника.

Когда тысячи людей, покинув дома, вышли на улицы, они услышали: „С первым апреля!“

ЧЕМПИОНАТ-82

За выполнение боевых заданий сегодняшнего — четвертого тура можно получить еще 10 очков. Не упустите их, разведчики!

ШАХМАТЫ.

А. Белые: Крd3, Фе5, Кf2, Кf3; черные: Кpg2.

Б. Белые: Кpf2, п. е7; черные: Кph1, п. d2.

Цель разведки: и в А (Александр Гришин, с. Ермолровка) и в Б (А. Верле) определить, во сколько ходов удастся дать мат.

РУССКИЕ ШАШКИ.

А. Белые: а3, с3, с5, е5, f2, g1, g3; черные: а5, а7, с7, f6, g5, g7, h4.

Б. Белые: а5, b4, b6, g1, g5, h6; черные: b8, d4, е3, f4, h2, h8.

Цель разведки: в обеих позициях (В. Чунчаев, Набережные Челны) найти пути к победе белых.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ШАШКИ.

А. Белые: 16, 34, 38, 40, 41, 42, 43; черные: 12, 13, 14, 19, 22, 27, 36.

Б. Белые: Д. 13, 17, пр. 40; черные: пр. 2, 20, 43.

Цель разведки: и в А (де Роой, Голландия) и в Б (В. Догаев, п. Казым) доказать противнику, что ему спастись не удастся.

С ТЕЛЕГРАФНОЙ ЛЕНТЫ

Из штаба АРЧЕБЕКА сообщили, как следовало выполнить боевые задания в призовом туре Чемпионата-81 («Костер» № 10, 1981 г.)

ШХМ. А. Мат в 4 хода — 1. Cf5! Кpf1 2. Cg4 Кpf2 3. Cd2, или 1... Кpf3 2. Кpg1 Кре2 3. Cc2, или 1... Кре2 2. Кpg2 Кре1 3. Cd3, или 1... Кре1 2. Cg4 Кpf1. 3. Ce3. **Б.** В 5 ходов — 1. Лh1! b2 2. Лh4 b5 3. Лb4 Кра7 4. Л:b2. **В.** В 4 хода — 1. Лd1! h5 2. Лc1! Кр:d5 3. Cf5! **Г.** Белым не вы-

играть: 1. Кpf7 Кpg3! 2. h5 Кpf4! 3. Кpf6! Кре4! 4. Кpg6 Кре5! 5. Кр:h6 Кpf6! 6. Кph7 Кpf7 7. h4 c6! =. **Д.** Белым не выиграть: 1. Л:d1 c2 2. Лc1 d3 3. g3! Кpg2 4. Кpf4 d2! 5. Л:c2 Кph3! =. **Е.** Выигрыш: 1. Кpg4! Кре3 2. c3! Кре4 (если Крд3, то 3. Кpf4!) 3. Кpg5 Кре5 4. Кpg6 Кре6! 5. Кpg7! Кре7! (если 5... c4, то 6. Кpg6!, а если 5... Кpf5, то 6. Кpf8! c4 7. Кpf7! Кре5 8. Кре7 и т. д.) 6. c4! Кре6 7. Кpf8 Кре5 8. Кре7 и т. д.

РШ. А. Белые спасутся: 1. ef4! b6 2. е3! =. **Б.** Выигрыш: 1. а3 е1 2. с3X. **В.** Комбинация ведет к ничьей: 1. с7! 2. de5! 3. b8 4. b:f:c5 g1! 5. а7 е7 6. g7 g3! 7. f4 d6! 8. b8 gc5! 9. е5 f8! =. **Г.** Белым не выиграть. Если 1. f6 е3 2. ab2 3. h2 4. g3 5. с3 6. е7 7. а7, то b4 8. d2 b6! =. **Д.** Ничья у белых есть, но не более: 1. g3 2. g3 3. g5 4. с5 5. g7 f6! 6. е5 b6! 7. b4 c7! 8. f6 е7 =. **Е.** Лишь ничья: 1. hg5 2. е7 (или 2. а3 с5; d4 b6!) 3. g5! c3 4. b4 c3 5. h4 b2! 6. f6 g5! =.

МШ. А. Путь к победе — 1. 27—22! 2. 21 3. 17 22 4. 37 5. 20! 6. 31 7. 20X. **Б.** Победный маневр — 1. 11! 2. 26—21! и убийственную для них угрозу хода 3. 28 черным не отразить. **В.** Выигрыш: 1. 30 20 2. 27—22! 24 3. 11 7 4. 29!!X (удар белых, начавшийся ходом 4. 29 называется «полумесец»). **Г.** Выигрыш: 1. 25—20! 46 2. 47—38! 5 3. 49! 46 4. 49—35X. **Д.** Белым не спастись: если 1. 24—19 14 2. 11 27 3. 16 (или 3. 28 20 4. 33 23!X) 31 4. 32 20 5. 38, то 37! 6. 15 4!X. **Е.** Белым не спастись: если 1. 47, то, скажем, 36 2. 20 16 и т. д. X. Если 1. 41, то 50! 2. 6 7!! 3. 10 (или 3. 1 4! 4. 15 50—22X) 37! 5. 41 32!X.

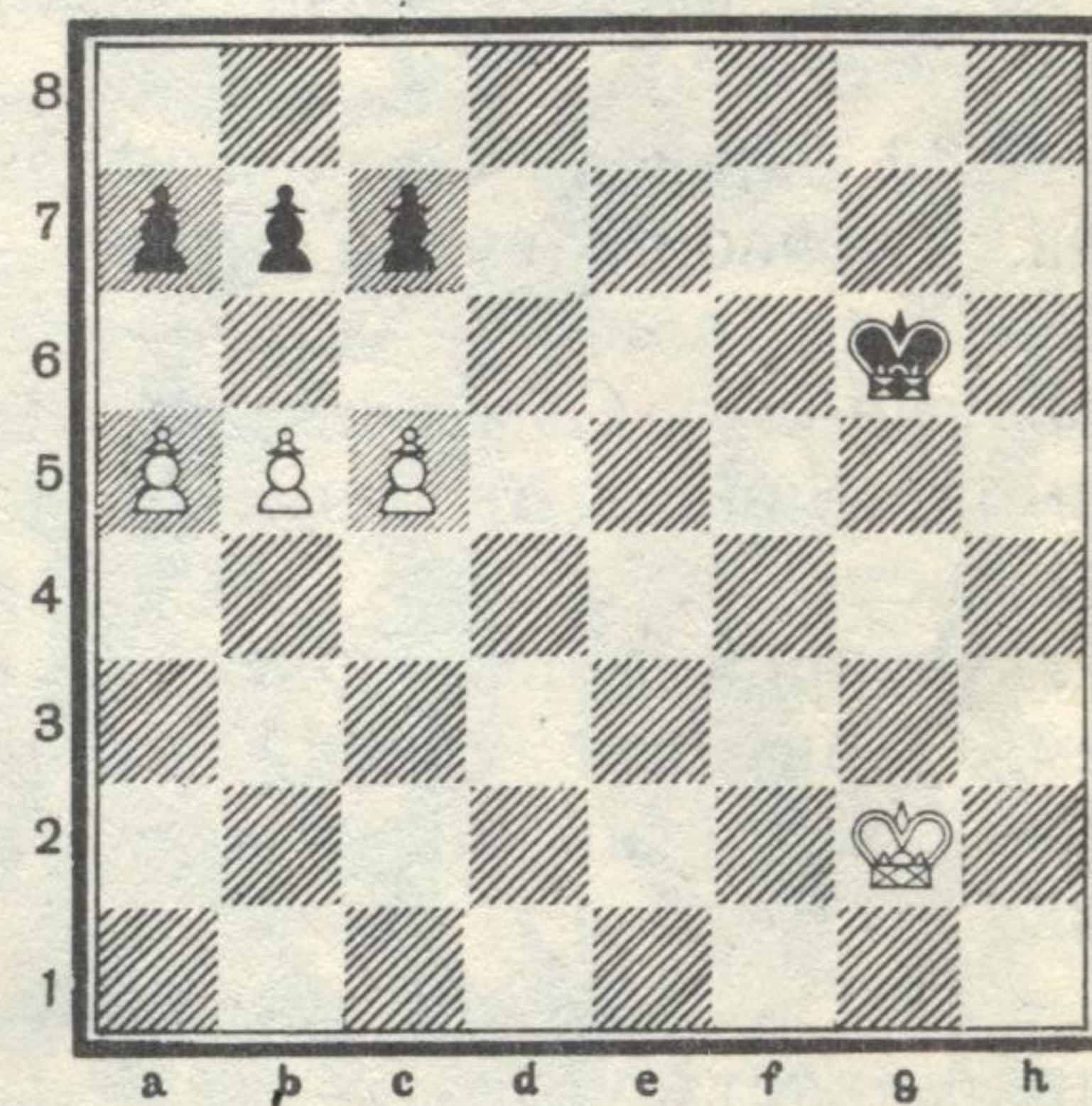
ЧТО СКАЗАЛ ЗНАЙ?

Три закадычных друга, Знай, Незнай и Полужнай, вышли погулять, и

тут к ним подошел пятиклассник Сеня: — Вы в шахматы умеете играть? — спросил он.

— Мы?! — воскликнул Полужнай. — Да если бы все играли так хорошо, как мы, то никто никогда не проигрывал бы!

— Тогда мне повезло, — обрадовался Сеня, — вы откроете мне секрет этой позиции. Что здесь у белых? Победа? Ничья? Или поражение? Их ход.

— У белых три пешки и у черных — три. Значит, будет ничья, — сказал кто-то.

— Черные победят! Их король побьет белые пешки! — сказал кто-то.

— Белые пешки прорвутся в ферзи, выиграш белых, — сказал кто-то.

Доблестные разведчики! Что сказал Знай?

ЗАДАНИЕ РЕЗЕРВУ

Расставь фигуры вот как — белые: Кpf5, Фg5, п. h7; черные: Кpf7, Фе8, Лf8, Kg8.

Расставил? Проверь, верно ли. А теперь прими командование белыми! И прикажи им сделать ход. Да самый лучший! Какой же это будет ход?

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 2 решаются так:

Чемпионат. ШХМ. А. 1. Фе6! **Б.** 1. Фa1! и при любом ответе черных им будет дан мат.

РШ. А. 1. f6! 2. c3! d2 3. f4X. **Б.** 1. d2! 2. d4! 3. е7 4. h4X.

МШ. А. 1. 30! 2. 17X. **Б.** 1. 23! 2. 39!X.

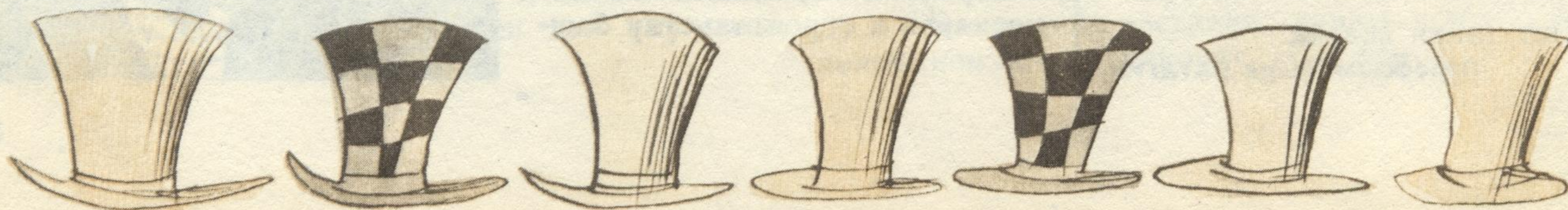
На полигоне. Задача на диаграмме — 1. Ке5! Задача в записи — 1. Лa1!

ПРИКАЗ № 4

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§1. Все архебековцы должны отправить рапорты о выполнении боевых заданий (4-го тура Чемпионата или для резерва) до 1 июля.

Шахмат-адмирал Ферзьберы

ВЕСЕЛЫЙ ЗВОНОК

Сегодня «Веселый звонок» не совсем обычный. Готовя этот номер, я вот о чем подумал. В мае мы отмечаем день рождения нашей пионерии. А интересно бы узнать, над чем смеялись пионеры в те далекие годы, против кого направляли свои сатирические стрелы? Конечно же, они любили шутку и смех, а вот как они шутили?

Итак, перед вами «Веселый звонок», составленный из юмористических материалов первых пионерских изданий. Авторами многих шуток были сами пионеры, читатели этих журналов. Может быть, их юмор покажется вам немного наивным, но не забывайте, что с тех пор мы «повзрослели» более, чем на 50 лет!

Учитель смеха

— Почему ты не тем концом
подзорную трубу держишь?
— А я отдаляю от себя во-
жато! Он идет ругать меня
за плохое поведение!
(«Ленинские искры», 1926 г.)

— Стенгазету мы решили
делать по пятницам.
— Устанете! Ведь у вас семь
пятниц на неделе!

* * *

— Много ли ваш отряд пе-
сен разучил?
— Несметное количество!
— А ну, например, какие?
— «Взвейтесь кострами».
— А еще?
— «Синие ночи», а еще
«Мы — пионеры, дети рабо-
чих» и другие...

(«Пионер», 1928 г. «Ериш»)

Почему так высоко висит
стенгазета?
— А как же? Ведь вчера еще
говорили, что надо поднять ее
на должную высоту!

(«Горн», 1926 г.)

— Мама, позволь мне пойти
на речку выкупаться!

— Ни за что! Пока не на-
учишься хорошо плавать, я
тебя к речке близко не под-
пущу!

* * *

— Что это у школьников,
день леса?

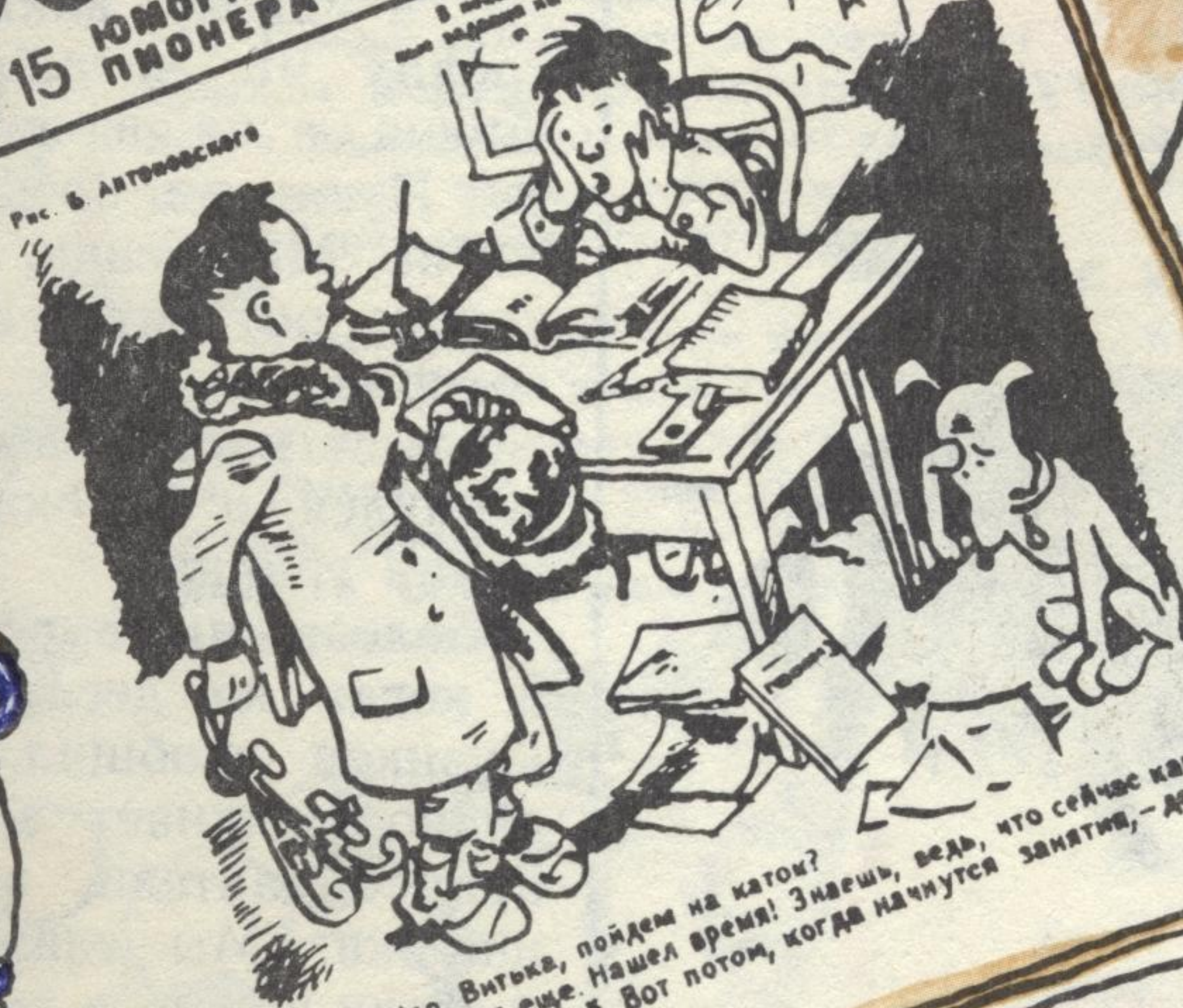
— Да, последний день лесу
пришел!

(«Новый Робинзон», 1925 г.)

Баклажка

№ 15 ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ПИОНЕРА И ШКОЛЬНИКА 1928 г.

Рис. Б. Антоновского

— Что, Витя, пойдешь на каток?
— Ну, вот еще. Нашел время! Знаешь, ведь, что сейчас каникулы
и я загружен работой. Вот потом, когда начнутся занятия, — дело дру-
гое, тогда покататься!

СОВЕТЫ активисту

Не барабань пока-
расну в барабан,
ибо и у тебя и
у барабана мо-
жет лопнуть
барабанная пере-
понка

Открывая рот, не ду-
май, что ты сдела-
ешь открытие.

Если повестка дня очень
длинная, то она может
превратиться в повестку
ночи

«Ленинские искры», 1926 г.

ШУТКИ-МАЛЮТКИ

МОЁКОЛКА

Мой,
Моя,
Мои,
Моё.

Всюду слышим от неё.

Мы спросили:

— Ты-то чья?

Отвечает:

— Я — моя!

ОЛЕНЁНОК

Прыг-скок!

Прыг-скок!

Олененок прыгунок.

С кем в пятнашки

ты играл?

Кто тебя так запятнал?

ЯК

Я —
Як,
Но я мычу.
Я
Якать
Не хочу.

РАССЕКРЕЧЕННЫЙ СЕКРЕТ

Не хочу держать в секрете
Этот маленький секрет:
Антилопы есть на свете,
А без Анти
Лопов нет.
Нет без рога
Носорога.
Носорогу нужен рог.
Без него
В безносороба
Превратится носорог.

МЫ С ПУЗИКОВЫМ

РАССКАЗ

Григорий ЕФРЕМОВ

Наш класс в школе так и зовут — эпидемический. От слова эпидемия. Потому что если мы чем и боеем, так все вместе.

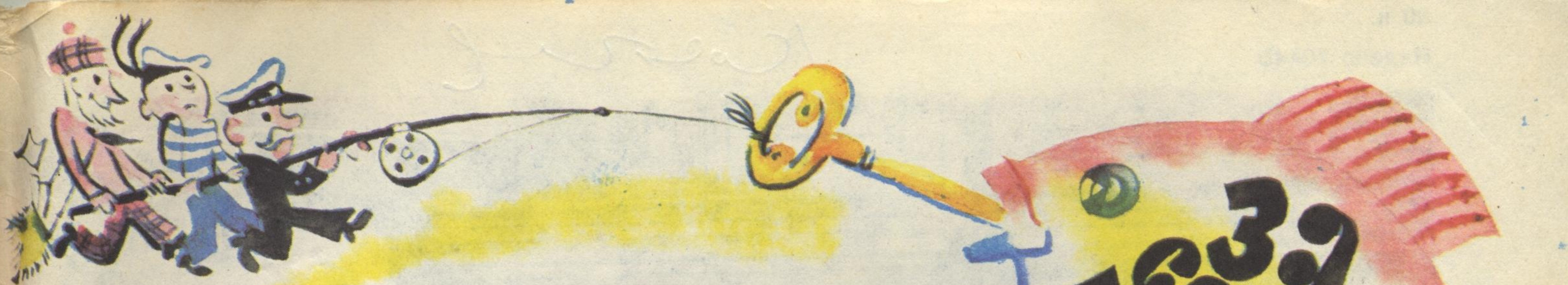
А началось с пустяка. Пузиков вроде бы в шутку сделал на истории из тетрадного листка самолет, и все схватились за тетради. В общем, к математике класс уже походил на аэропорт: в воздухе, на партах, на полу, на лампах — везде летали, лежали, висели самолеты. Увидев это, учитель предложил организовать в классе авиамodelьный кружок.

Но организовать мы не успели. Пузиков принес в школу книгу Марка Твена. Теперь на уроках мы читали про Тома Сойера и Гека Финна, а на переменах обсуждали прочитанное. Тут Пузиков и предложил всем классом спуститься по Миссисипи. Миссисипи мы на карте не нашли, поэтому решили спускаться по Карповке, которая как раз протекает мимо нашей школы. Но плот наш не выдержал сорока человек, перевернулся, и мы оказались в воде. Началась эпидемия гриппа.

Болели мы вместе, но каждый у себя дома, а когда на десятый день собрались в классе, Пузиков сообщил, что надо закаляться и он лично начинает заниматься спортом, для чего принес гантели, волейбольный мяч, ракетки и шарики. Мы сдвинули парты, натянули сетки и стали играть в волейбол и в настольный теннис, а также поднимать гантели. Но закаленными и сильными мы стать не успели, потому что Пузиков бросил ракетку и давай один за другим вынимать изо рта теннисные шарики. Так началась фокусная эпидемия.

Теперь мы запросто глотали огонь, прокалывали друг друга шпагами и даже всем классом время от времени куда-то исчезали. И вот однажды, исчезнув очередной раз из класса, мы вдруг в полной тишине услышали голос нашего Пузикова. Он сказал, что май на исходе и что он лично решил браться за учебу. Тут мы все решили взяться за учебу. Успеет ли? Но мы не унываем, потому что когда вместе, дружно — никакие неудачи не страшны. Тем более, что с нами Пузиков.

Пока члены клуба «За семью печатями» занимались исследованием древнегреческой галереи, Разгадайка и кот Ангелс отправились к острову. На песчаном берегу они увидели множество камней. Разгадайка сказал:

— Мне кажется, камни образуют определенный рисунок.

В доказательство своих слов он провел линию от одного камня к другому.

Попробуйте это сделать и вы.

На острове Шарад нашим путешественникам попадались различные стихотворные загадки. Вот некоторые из них.

В этом слове — тишина,
Плещет сонная волна,
Шепчут тихо камыши,
Здесь рыбалки хороши.
Без последней буквы слово
Получает смысл новый —
Здесь огромный цех шумит
И конвейер вдаль бежит.

* * *

К греческой букве прибавь
Имя древнейшего бога,
Ноту потом назови,
Слово заканчивай — «да»...

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!

На борт шхуны «Икс» поступила радиограмма.

«Вот правильные ответы на мои вопросы, опубликованные в девятом номере «Костра» за прошлый год.

1. На Марсе сварить яйцо вкрутую невозможно. Вследствие низкого давления вода закипит при более низкой температуре, чем температура свертывания белка.

2. Птицы замерзают на лету при сильном морозе потому, что пух и перья, защищающие птицу от холода, при полете прижимаются к телу и не предохраняют его от переохлаждения.

3. Килограммовая гиря весит больше ночью. В это время суток на нее действует не только сила притяжения Земли, но и сила притяжения Солнца. Днем же силы притяжения Земли и Солнца действуют в разных направлениях.

4. На глубине более 3000 метров выстрелить из револьвера нельзя, ибо сила выталкивания пули из ствола будет равна давлению воды.

5. Тонна дерева весит больше тонны железа. Здесь необходимо учитывать и вес вытесняемого предметами воздуха.

Самыми мудрыми оказались: Бекбулатова Альбина из города Махачкала, Вильяминов Володя из города Жданов, Коваленко Ира из села Веселовское Новосибирской области, Чепуленок Ира из города Кагул Молдавской ССР, Власов Дима из города Камышин, Дементьев Вадим из Уфы, Антонов Сергей из Хабаровска, Носов Боря из города Яншабад Узбекской ССР, Манышев Андрей из Нарьян-Мара, Попова Лена из Калининграда. Ребятам высланы ценные подарки.

Хранитель тайн».

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 3

Всего было 20 задач. В школе Пифагора занималось 28 учеников. Каждая грация имела по 4 плода. Кошки спасли 2401 зерно.

На обложке рисунок
О. Филипенко

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:

Л. А. БОГАЧУК, В. М. ВЕРХОВСКИЙ, Ю. Н. ЗАРУДНЕВ (зам. главного редактора), Л. С. КОКОРИНА (отв. секретарь), О. С. КУЗИН, О. П. ОРЛОВ, А. И. ПАНТЕЛЕЕВ, Р. П. ПОГОДИН, Е. В. СЕРОВА, Н. И. СЛАДКОВ, Г. П. ЧЕРНЫЙ, Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор А. Н. АЗЕМША

Технический редактор В. И. МЕЦАТУНОВА

Корректор М. Е. РОШАЛЬ

Адрес редакции: 193024, Ленинград, ул. Мытнинская, 1/20, телефон: 274-15-72

М-31939. Сдано в набор 05.01.82. Подписано к печати 03.03.82. Формат 60×90¹/₈. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 7,7. Печать офсетная. Тираж 760 000 экз. Заказ 3832. Цена 30 к.

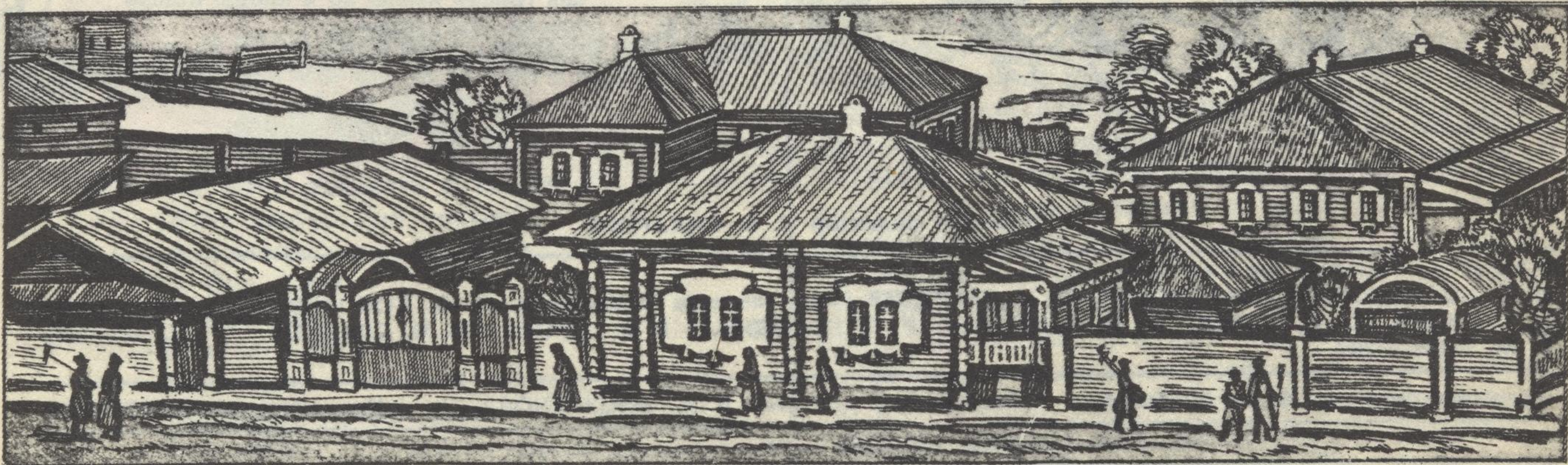
Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, ул. Мира, 3.

Копия

БИБЛИОТЕКА Г. В. ЮДИНА В КРАСНОЯРСКЕ,
ГДЕ В 1898 ГОДУ РАБОТАЛ ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН

Ленинградский график Андрей Харшак, один из художников нашего журнала, удостоен первой премии ЦК ВЛКСМ 1981 года за серию цветных офортов: «Ленинские места на Енисее».